

Литературный Азербайджан

Nº 10

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

Натиг РАСУЛЗАДЕ. Рассказы	7
Джавид ГАСЫМОВ. Назидательные истории	55
Жан-Мари ЛЕКЛЕЗИО. Дерево Яма	77
Гюльшан ТОФИГГЫЗЫ. Эссе и рассказы	107
поэзия	
Аббас СИХХАТ. Голос из Шамахинской плеяды	36
ГАБИЛЬ. Стихи	38
Худаверди ДЖАВАД. Стихи	43
Лала КЛЫЧКОВА. Стихи	72
Азер ЭФЕНДИ. Стихи	101
ПУБЛИЦИСТИКА	
Ляман БАГИРОВА. Я люблю	3
Худаверди ДЖАВАД. Доброта, навеки запечатлевшаяся	
в моей памяти	40
Мирза ИБРАГИМОВ. Творец философского мышления	
Гейдар Гусейнов	44
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. Искусственный мир. Эссе	
Париж, Париж Путевой этюд	89

2017

 Сопмаз ИБРАГИМОВА Главный редактор

 Епизавета КАСУМОВА Зам.главного редактора

 – Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ Ответственный секретарь

 Надир АГАСИЕВ Отдел прозы Алина ТАЛЫБОВА Отдел поэзии Отдел публицистики - Ровшэн КАФАРОВ

– Джамиля ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49 Отдел подписки и рекламы

- Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Литсотрудники

Натаван ХАЛИЛОВА

 Анна КУЗЁМКИНА Корректор

Редакционная коллегия: Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,

Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ,

Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США),

Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ,

Эльчин ШЫХЛЫ

Натиг РАСУЛЗАДЕ Литконсультант

> Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики Регистр. № 352

> > Адрес редакции:

AZ 1000, Баку, ул. Хагани, 53

Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Тел: 493-86-04

Сдано в печать 20.09.2017г. Бумага офсетная. Формат 70х100 1/16 Печать офсетная, 8.25 печ. л.

Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC

Тел.: 497-36-23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Ранее опубликованные произведения редакцией не рассматриваются.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

Я ЛЮБЛЮ

К 125-летию со дня рождения Марины Цветаевой

Писать о гениях сложно. Они - явление космическое.

Цветаева – Космос. Каждая ее строка, включая поэтические переводы, – код, шифр, живой организм, где по венам-тире бежит кровь раз-Рыва.

Вскрыла жилы: неостановимо, Невосстановимо хлещет жизнь. Подставляйте миски и тарелки! Всякая тарелка будет – мелкой, Миска – плоской, Через край – и мимо – В землю чёрную, питать тростник. Невозвратно, неостановимо, Невосстановимо хлещет стих.

В этих девяти строчках – поэтическое кредо Цветаевой. Соль души ее и рана. Вся – на разрыв аорты. Она негармонична. Точнее, у нее своя гармония не-лада.

Есть писатели, которые оставляют после себя школы, есть те, что примыкают к каким-либо школам. Цветаева **– наособь**.

История ее жизни трагична, и трагичность эта закономерна. Тоска по уюту, по ладу, и внутреннее его отторжение. И «...не моя вина, что я с рукой по площадям стою за счастьем». Нет, это не вина, это беда и острое упоительное счастье. Вот так, чтобы — Ax! и — звезды в глазах. И задохнуться, и умереть, и опять возродиться! Ибо «есть упоение в бою/И бездны мрачной на краю!»

В известнейшем ее стихотворении есть строки: «Виолончель и кавалькады в чаще».

Вот что я нашла о виолончели в музыкальной энциклопедии: «Виолончель более чем какой-либо другой инструмент из семейства смычковых подходит для выражения силы, глубины чувств, возвышенности. Ее звучание мужественно, но ей доступны и нежные, воздушные краски, лиризм, сосредоточенность, напевность».

Это и есть Марина Цветаева. Мужественность и женственность, сила и хрупкость (сила, но не выносливость! Выносимость — о, да, выносимость была, — куда ж денешься, как без неё справиться с бытом? — но не выносливость, априори. («Я не знаю человека робче, чем s».)

Это не-гармония мужественности и женственности ее и убила, должна была убить. Виолончель – гармонична, небо и земля сопрягаются в ее звуках, Цветаева – негармонична человеческой гармонией. У нее своя гармония – ни небесная, ни земная – СВОЯ. Но есть тяготение, тоска по гармонии виолончели. Поэтому – «меня, такой живой и настоящей /на ласковой земле...Послушайте: Еще меня любите за то, что я умру».

Цветаева не создала бы своей школы. Школа — это круг, мера, а она — «c безмерностью в мире мер».

Она – перевернутая восьмерка, знак бесконечности. Виолончель, лежащая на боку...

Ее можно любить или не любить, отвергать или принимать, но одно точно: любя, ее можно только вбирать – не только душой, сердцем, а всем существом.

Ты, меня любивший фальшью Истины – и правдой лжи, Ты, меня любивший – дальше Некуда! – За рубежи!

Ты, меня любивший дольше Времени. – Десницы взмах! – Ты меня не любишь больше: Истина в пяти словах.

Это одно из самых сильных восьмистиший Цветаевай. Оно было написано в Чехии 12 декабря 1923 года после полуторамесячного поэтического молчания – её резкая реакция на разрыв с Константином Болеславовичем Родзевичем (1895—1988). «У меня... эту зиму было много слёз, а стихов — мало (относительно), — писала Цветаева Роману Борисовичу Гулю (поэту, эссеисту, эмигрантскому писателю). — Несколько раз совсем отчаивалась, стояла на мосту и заклинала реку, чтобы поднялась и взяла. Это было осенью, в туманные ноябрьские дни. Потом река замерзла, а я отошла... понемногу».

Константин Родзевич был близким другом ее супруга Сергея Эфрона. Тот, кто более или менее знаком с биографией М.Цветаевой, знает, что она была необыкновенно увлекающимся человеком. Романы – не в банально-пошлом их понимании, но как внутреннее состояние души. Любовь была ее стихией, ее свободой и полетом.

Весь мучительный любовный роман запечатлен в письмах и дневниках Марины Ивановны. По сути, по этому материалу можно поставить пьесу, литературную композицию с минимумом авторского текста. Но тем ценнее будет пьеса. Ведь главное слово будет в ней предоставлено не автору, а поэту и его окружению (К слову сказать, театральная сцена знает пример подобной работы. Это моноспектакль «Айседора» по пьесе Э.Сагалова «Три жизни Айседоры Дункан», полностью написанной по книге Дункан «Моя исповедь»).

Содержание такой пьесы может состоять целиком из стихов и писем Марины Цветевой.

Эпистолярный жанр — будто осколки горного хрусталя. Глазам больно от сияния, а в руки не возьмешь — острые края поранят душу. Каждое письмо — поэма. Каждый стих — живая кровь. Отношения мучительны, болезненны. Но это «единственный, настоящий и трудный, неинтеллектуальный роман», как назовут его впоследствии друзья Цветаевой.

Цветаева многого ждала от той любви. «*От него я хотела сына,* – написала она в одном из писем. – *Этого сына я, боясь, желала страстно!*»

Но скоротечный роман продолжался не более трех месяцев. «Произошел не

разрыв – расхождение. Я предпочел налаженный быт», – пояснил Родзевич любопытствующим и женился на другой.

Цветаева в качестве свадебного подарка преподнесла невесте маленькую, переписанную от руки книжечку – «Поэму горы», которую написала на пике любви к Родзевичу. А спустя некоторое время родила сына.

О том, кто был отцом ребенка, она не сказала никому. Впрочем, Родзевич особенно не настаивал: «К рождению Мура я отнесся плохо. Я не хотел брать на себя никакой ответственности. Думаю, со стороны Марины было ошибкой оставлять эту неясность. Но она так и не сказала мне правды. Я принял для себя наиболее легкое решение, что Мур — сын Сергея Яковлевича».

Это решение устроило всех. Марина и Сергей уехали в Париж. Константин Родзевич прожил яркую и интересную жизнь: сражался в Испании в рядах интернациональных бригад, во время оккупации Франции участвовал в Сопротивлении... Но в старости, оглянувшись на свою, так бурно прожитую жизнь, Константин Родзевич понял, что три коротких месяца, которые связывали его с Цветаевой, были самыми главными в его жизни. Со временем Родзевич признается: «Именно по моей слабости наша любовь не удалась. У меня, стоящего на бездорожье, не было возможности дать ей то, что она ждала. Она меня тащила на высоты, для меня недосягаемые. Мне было тяжело быть ненастоящим... Марина дала мне большой аванс. Все это выкристаллизовалось теперь. Сейчас я люблю ее глубже и больше».

Ну, что ж, нельзя винить Родзевича. Не каждому по плечу «мраморы Каррары», не каждому дано любить безмерность в мире мер...

Особенно хотелось бы отметить в этой пьесе, которая, быть может, когда-то будет написана, образ Сергея Эфрона. Образ необыкновенно интеллигентный и деликатный.

Был когда-то фильм «Леди Каролина Лэм», посвященный мучительной любви светской дамы к лорду Байрону. В детстве я несколько раз смотрела его с мамой. И всегда возмущалась бессердечным Байроном и переживала о судьбе несчастной влюбленной Каролины.

Как-то мама прервала мою филиппику и сказала: «Знаешь, кто из всех них по настоящему любит? Не Байрон – он играет. Не Каролина – это у нее уже болезнь. Любит по настоящему свою жену муж Каролины. Терпеливо, кротко, нежно снося женину любовь к другому и оставаясь с ней рядом, мягко заставляя ее поесть, попить, отдохнуть. Он любил ее, он был с ней рядом всегда».

Тогда я не восприняла мамины слова всерьез. Слепая покорность судьбе казалась мне сродни идиотизму. Сейчас, думаю, что это была не слепая покорность, а просто любовь. Та самая, тихая и кроткая, незлобивая и понимающая. Как и у Сергея Эфрона.

Трудно быть женой гения, но гораздо мучительнее быть мужем гения. Эфрон смог. Любил. Сергею Яковлевичу приходилось мириться не только с постоянными увлечениями жены, но и с ее непростым характером, который с трудом выносили даже самые преданные почитатели таланта Цветаевой. Он терпеливо сносил бедлам, который творился в их доме. У Марины Ивановны напрочь отсутствовало женское умение наладить быт при ограниченных средствах.

Одной из самых впечатляющих для меня евангельских притч была притча о Марфе и Марии, подкрепленная впоследствии стихотворением Киплинга «Дети Марфы и дети Марии». Мне всегда было больно за старшую сестру, хлопотливую хо-

зяюшку Марфу, стремящуюся достойно приветить Спасителя и его учеников, в то время как ее младшая сестра просто сидела и слушала Божественное Слово. Марфе было сказано «Печишися о многом, а единое на потребу суть». Может, и не надо печься о многом, но ведь надо, необходимо, чтобы рядом непременно был кто-то, кто мог бы согреть теплом и уютом, накормил, понял, простил.

Сергей Эфрон был таким человеком для Марины, был ей не только дорог, но и нужен. Он не смог освободить ее от нужды, но был ей опорой в другом, очень важном. «Я с вызовом ношу его кольцо!» — гордо написала Цветаева в своем знаменитом стихотворении.

В ее жизни, полной падений и взлетов, было только одно постоянное и неизменное – Сергей, семья. Там она могла укрыться от штормов и бурь, прийти в себя после бурных романов и увлечений, которые она ни от кого не скрывала, и которые, не щадя самолюбия мужа, так щедро описывала в своих произведениях.

И она ценила это. Однажды в вагоне поезда, мучаясь в полной неизвестности о судьбе мужа, она написала ему — живому или мертвому — в тетрадку письмо: «Если Бог сделает это чудо — оставит Вас в живых, я буду ходить за Вами, как собака». Это было правдой. Она последовала за ним, когда Эфрон решил вернуться на Родину. И судьба Марины Ивановны сделала новый, трагический и, увы, уже смертельный виток...

Наконец-то встретила Надобного – мне: У кого-то смертная Надоба – во мне.

Что для ока – радуга, Злаку – чернозем – Человеку – надоба Человека – в нем.

Мне дождя, и радуги, И руки – нужней Человека надоба Рук – в руке моей.

И за то, что с язвою Мне принес ладонь – Эту руку – сразу бы За тебя в огонь!

Вот она, Марина Ивановна, вся в этом стихе! Напряженном, нервном. Не стих, а заклятие! Такова вся ее поэзия. Жизнь на вдохе и выдохе. Ритм задан, процесс пошел. Ритм цветаевских тире. Самый нервный знак в пунктуации...

Ляман БАГИРОВА

НАТИГ РАСУЛЗАДЕ

РАССКАЗЫ

Псих

Дача находилась в селении Бузовны, примерно километров в сорока от столицы, от Баку. Маленький домик и большой виноградник, лоза, стелющаяся по земле, по горячему песку – шаны, царь всех сортов винограда, что только есть на земле, но постепенно исчезающий, как в свое время вымерли саблезубые тигры. В домике три маленькие комнатки, две из которых на летний сезон обычно сдавались съемщикам дачникам, желающим отдохнуть у моря, у своего моря, у Каспийского, не уезжая далеко, ни в какие Кисловодски, ни в какие Ессентуки, ни в какие Минводы... Здесь, у себя, не хуже всяких курортов, конечно, не так благоустроено, но все же жить можно, да и расходов, сами понимаете... гораздо, гораздо меньше. Когда сдавались обе комнаты, семья, - новоявленные конкуренты отельному бизнесу, - состоявшая из дедушки, невестки и пятерых детишек, мал мала меньше (старшему семь, младшему два, трудились, значит, не покладая рук, а точнее, не покладая чего-то иного, зря время не теряли, настрогали пятерых), ютилась в одной комнатушке, спали все на полу, благо лето; все более или менее приличное, на чем можно было спать, сдавалось съемщикам. А муж, то есть папаша этого семейства, недавно погиб в автомобильной катастрофе, пролежал в коме полтора месяца, вытянув всю имеющуюся наличность из семьи, и помер, мир праху, как говорится. С той поры семья, потеряв кормильца, вынуждена была вступить в неравный бой с процветающим гостиничным бизнесом в стране. Было папаше сорок семь, а жене его, что наплодила, всего только двадцать восемь, тем не менее, успела – пятерых, не шутка. Папашка, стало быть, на целых девятнадцать лет опережал благоверную, и та, стало быть, во всем была послушна, оттого, что, во-первых – разница в возрасте, во вторых – менталитет в своем праве и обычаи строгие, но справедливые, в третьих – село все-таки, где нравы и привычки сохраняются столетиями. Нравы такие, понятно? Так что нечего... Папашка был шофером и угораздило его, если учесть, что машин в селе негусто и надо очень постараться, чтобы создать аварийную ситуацию. Но, видимо, судьба: врезался на своем стареньком «форде» в грузовик на проселочной дороге, машина всмятку, сельское начальство (глава муниципалитета, невелика шишка), которое возил незадачливый папашка, сидело на заднем сидении, вопреки своему характеру всегда соваться вперед, и оказалось большим везунком – ни царапины. В общем – помер папашка, осиротив пятерых маленьких граждан. Папашкин папашка семидесяти трех лет, потеряв сына, стал стремительно стареть прямо, можно сказать, на глазах, хотя до тех пор был старик крепкий, так что и стариком называть его как-то язык не поворачивался. Но... надо было жить дальше. Стали сдавать на летний сезон комнаты дачникам, благо дом с виноградником находился близ моря, недалеко от дикого пляжа, кое-как пробавлялись, плюс пенсия папашкиного папашки.

Однажды одну из комнат занял мужчина лет далеко за пятьдесят, а если точ-

нее – было ему под шестьдесят, представился он как доцент технического института, был очень нервным, ходил какими-то непонятными рывками по горячему песку, нервно переставляя ноги, нервно купался в море, мелкими нервными саженками плавал. Узнав, что он ученый, ему было предложили и вторую пустующую пока комнату, но он нервно и многословно отказался.

Пятеро малышей с утра до вечера возились в песке, и, как правило, у кого-то из пятерых, а то и сразу у двоих, бывала диарея. Мать их, чтобы не мыть часто горшки, велела им облегчаться подальше от домика, возле ворот, что они и делали по многу раз в день, отчего у ворот стояла дикая вонь, неоднократно обновлявшаяся. Входившие во двор проходили испытание вонью и только после этого испытания выходили на простор сада и двора, засаженного виноградником. Нервный комнатосъемщик, проходя мимо нечистот, над которыми жужжали большие зеленые мухи, каждый раз нервно вздрагивал, зажав нос, но ничего не говорил, не жаловался. И потому никто его не спрашивал, думали – может, нравится, раз молчит. Но ему не нравилось. Правда, нравилась семья, эти простые, честные люди, и он не привередничал, тем более, что издавна привык все носить в себе, не жалуясь, никого не беспокоя. Оттого и был очень нервным и со временем становился все более и более нервным, хоть и любил купаться рано утром в прохладной морской воде. Но не помогла прохладная вода. Не успокаивала нервы, натянутые, как струна, и готовые лопнуть. Двадцать третьего июня, в среду, в пятнадцать тридцать пополудни (время местное) он сошел с ума.

Вдруг разом сник, осторожно переставлял ноги при ходьбе, будто входил в холодную воду, отвечал тихо, еле слышно на немногочисленные вопросы, однако внезапно ни с того ни с сего начинал строить рожи непонятно в чей адрес и тут же виновато улыбался, но был, впрочем, тихим, не буйным, нет, не буйным, просто странным. Но порой грозно сверкал глазами на задававших вопросы, на обращавшихся к нему по разным поводам, в основном — бытовым; словно грозил сердитыми и загадочными, предупреждающими взглядами: смотрите у меня! Неизвестно, что его побудило сойти с ума в это жаркое лето: то ли вонь при входе на дачу, то ли жара, то ли предрасположенность была издавна, то ли голову напекло под солнцем...

А потом произошло вот что: войдя в море по грудь, будущий пациент псих-больницы вдруг резко развернулся лицом к берегу и стал вещать грозные предсказания о конце света, если человечество не исправится; вещал он малочисленной аудитории зевак на берегу, состоявшей из нескольких мальчишек в черных трусах и парня – продавца вареной кукурузы. Он кричал так громко, что сразу привлек внимание людей на берегу, принявших его крики за вопли утопающего, но вглядевшись и прислушавшись все поняли, что творится что-то неладное с нервным субъектом, к виду которого на пляже старожилы уже привыкли, а к крикам не привыкли, впервые слышали, чтобы он так кричал. Одним словом, кричал он до изнеможения, так что мальчики, не вникая в текст, вынуждены были побежать и сообщить взрослым, те пришли, прислушались, пошептались и решили вызвать специалистов по психическим расстройствам, которое явно в данном случае наблюдалось, так как при неоднократных просьбах выйти из воды нервный субъект, покрыв всех отборным матом, пригрозил, что утопится, если кто-нибудь вздумает приблизиться.

- Да оставьте его в покое, предложил один из местных сельчан. Рано или поздно сам вылезет.
 - В самом деле, согласился другой. Пусть его покричит. Проголодается сам

выйдет из воды. Оставим его...

Но, придя к согласию, все же не оставили его в покое.

– A вдруг на самом деле утопится? – возник какой-то умник. – Как нам после этого купаться на нашем побережье?

Позвонили в психиатрическую лечебницу, что находилась как раз в соседнем селе и была известна на всю республику, объяснили ситуацию, заранее предупредили, что могут понадобиться водолазы. Часа через два приехала оттуда машина, два спеца, повидавшие и перевидавшие на своем веку огромное количество психов, так что несмотря на то, что были простыми санитарами, могли даже ставить диагноз, извлекли бушующего субъекта из моря (для чего, раздевшись до трусов, поплыли шустро, как два средней величины дельфина, и настигли объект, уплывающий в открытое море в направлении дружественной страны), усадили его в машину, потом неторопливо обсушились, оделись (было заметно, что плавание, совпавшее с их прямыми обязанностями, в этот жаркий день доставило им истинное удовольствие, и они в какой-то мере были благодарны новоиспеченному душевнобольному), залезли в машину, которая долго не заводилась, и наконец, почертыхавшись, покатили вдоль берега моря.

Событие стало поводом для пересудов в селе, главными героями, естественно, стали члены семьи, приютившие несчастного, и все узнали, что звали его Юсиф.

Главврач в больнице был добрый, мягкий, веселый придурок (каким он показался с первого взгляда новому пациенту), постоянно находившийся в прекрасном расположении духа, и с больными по давней привычке любил разговаривать как с несмышлеными детьми. Он любил повторять своим студентам и всем остальным, не имевшим никакого отношения к психиатрии:

– Запомните: медицина – самая темная из наук, а психиатрия – самый темный уголок этой темной, еще вовсе не изученной до конца науки.

С ним соглашались. Не спорить же...

Юсифа привели к нему, когда естественным образом у нового пациента от переутомления вследствие многочасового, до хрипоты, крика иссяк вулкан словоизвержения, так удачно и бурно начавшийся в открытом море. Главврач внимательно и глубоко заглянул в глаза бессловесного, как рыба, больного, содрогнулся внутренне от умного взгляда, ничего общего не имевшего с обычно бегающими сумасшедшими глазами обитателей психбольницы усомнился и начал тихим, успокаивающим голосом:

– Медицина, дорогой вы мой, самая темная из всех наук, а психиатрия...

Пациент нетерпеливо покивал, давая понять, что продолжать нет необходимости. Тогда понятливый главврач замолк, продолжая наблюдать за физиономией новенького. А тот в свою очередь так же вполне бесцеремонно вглядывался в лицо главврача, словно отыскивая в нем признаки душевной болезни. Главврач кашлянул. Юсиф отвел взгляд.

- Расскажите мне о себе, сказал главврач. Если не возражаете...
- Хорошо, хрипло выдавил из себя Юсиф.
- Хотите воды? спросил главврач. Или чаю? У меня в термосе есть.
- Во-ды, голосом умирающего попросил Юсиф.

Главврач поднялся из-за стола, налил в стакан из графина на подоконнике кабинета воды и протянул стакан Юсифу. Тот как-то подчеркнуто медленно выпил воду, словно это был целебный напиток, и вернул стакан.

- Как вас зовут? спросил главврач.
- На свете много несправедливости, не по существу ответил Юсиф, будто сообщал важную и очень свежую новость.

Главврач понимающе покивал, соглашаясь.

– Очень много, – уточнил Юсиф.

Помолчал. Главврач ждал. Прошла минута. Потом еще одна.

- Это все? осторожно поинтересовался главврач.
- Нет, сказал Юсиф. Только начало.
- Так, так, сказал главврач. Пожалуйста, продолжайте.
- Когда я был маленький, стал вспоминать Юсиф, и перед глазами его стали вставать картинки, о которых он хотел поведать главврачу, и по мере их вставания он озвучивал текстом невидимые собеседнику картинки. Когда маленький... Мы, малыши, играли в футбол на улице... Лет семь, восемь, девять... Лично мне было восемь... Мы играли в футбол... Мяч был такой тяжелый... А окно бельэтажа... мы разбивали часто, а там жил судья, то есть, он раньше был судья, а теперь, то есть, тогда, когда мы играли, он был уже на пенсии... И чтобы мы в очередной раз не разбили бы ему стекло, он, как только мы начинали играть, выбегал на улицу с палкой в руке и гнал нас оттуда... Мы врассыпную, но, конечно, многим попадало от него. Он бегал за нами, не зная, кого выбрать, мы же врассыпную, и очень кричал, ругался... потом одно время он исчез, его долго не было, и нам, мальчишкам, было раздолье, никто не мешал играть, в окно его мы сразу попали, как всегда, и оно долго стояло разбитое, будто звало на помощь...

На этом месте главврач счел своим долгом прервать пациента, хотя и отличался терпением и умением выслушивать всякого, кто отличался умением говорить.

- Вы случайно стихов не пишете? каким-то встревоженным, вкрадчивым голосом поинтересовался он.
- Нет, вздрогнул нервно рассказчик. Вовсе нет. С чего вы взяли? Упаси господь...
 - Продолжайте, ласково попросил главврач. Извините, что перебил.
- Да... вернулся к своему рассказу пациент. Долго его не было... А потом мы узнали, что он в больнице... как-то сговорились и побежали туда, больница была недалеко, тогда город был маленький, не то, что сейчас, и всё было недалеко... Было лето, и все окна в больнице распахнуты, мы стали кричать: «Судья, эй, судья!» И он на самом деле высунулся из окна и стал по привычке ругать нас. Он ругал, а мы хохотали, только того и хотели, чтобы разозлить его, в очередной раз довести... Дети бывают такие жестокие... – пациент немного помолчал, вспоминая, и продолжил: – Ну, значит, потом он полечился и вернулся домой, и все опять стало, как прежде, мы играли под его окном, он выскакивал с палкой в руках, кричал, ругался... Однажды я зазевался, и он огрел меня своей палкой. Было очень больно, но я не заплакал, даже не пикнул. Ночью разболелась голова, он меня по голове ударил, я не мог заснуть от боли и стал проклинать судью, который был уже не судья, а пенсионер, я сказал: «Чтобы он сдох!». Через два дня судья умер. У него было больное сердце. Дети, которым он не позволял играть под его окном, были рады, а я чувствовал себя виноватым. Потом одна наша соседка рассказала моей маме, как много хорошего для неё и для многих других людей сделал этот старый человек, когда работал в суде и от его слова многое зависело, как многих спас он от тюрьмы. Но другая женщина, тоже хорошо знавшая судью, позже рассказала маме, каким нехорошим человеком был этот

судья, как он брал взятки, как, сговорившись с прокурорами, старался набавить срок тем подсудимым, кто не давал ему денег... Да, на свете много непонятного, несправедливого...

Юсиф поглядел на главврача, будто ожидая от него подтверждения своим словам.

Не дождавшись никаких слов одобрения, он продолжил.

- Если бы я сказал, что с тех пор меня мучает совесть, это было бы слишком примитивно, как вы считаете? Нет, это не совесть меня мучает за то, что я мальчишкой проклял старого человека, и он умер, после этого я делал много плохого, недоброго, много гадостей и много хорошего также, как и большинство людей, как и все люди, как и вы, наверное, доктор... Человек такой разный, такой... он поморщился, подыскивая слово, нашел, просветлел, такой непредсказуемый, ведь правда?
- Человеческая психика это такие дебри, в которых можно запросто потеряться самому опытному психиатру, сказал врач, будто оправдываясь.
- Да, да, нетерпеливо согласился Юсиф, будто не в первый раз слышал эти слова, самый темный уголок... но спрятаться в нем невозможно. А жизнь... Вы замечаете, как жизнь быстро проходит? Быстро-быстро!.. Не успеешь оглянуться уже девять вечера, скоро спать пора...

Главврач на этих словах пациента внимательно пригляделся к Юсифу и, вновь как прежде не заметив никаких признаков душевного расстройства, осторожно, будто боясь спугнуть истину, произнес:

- По-моему, вы вполне нормальный человек, конечно, очень нервный, но психически нормальный... по-моему... Зачем вас привезли сюда?
 - Я кричал в море.
 - И... что?
 - Приехали санитары, усадили меня в машину, привезли. Я не возражал.
 - И что вы хотите?

Юсиф ответил не сразу. Главврач терпеливо ждал.

– Спрятаться, – тихо признался Юсиф.

Главврачу показалось, что он услышал что-то не то, и он пожелал уточнить.

- То есть?.. Я не совсем понял...
- Я боюсь, признался Юсиф, и в глазах его заблестели слезы, а одна даже, не удержавшись на ресницах, скатилась вниз по плохо выбритой щеке, наглядно демонстрируя искренность человека, далекого от демонстрации напускных чувств.

Главврач, выдержав паузу, спросил:

- Боитесь чего?
- Всего, тут же ответил Юсиф, готовый к ответу. Боюсь всего: этого мира, этой жизни, окружающих незнакомых людей, знакомых, приятелей, товарищей, врагов, вас...
- Ну, дорогой мой, я пока вам ничего плохого не сделал, добродушно отозвался главврач, прервав готового продолжать Юсифа, и не собираюсь. Напротив, мне приятно, что вы, человек интеллигентный, ученый, здесь, у меня... он стал подыскивать нужное слово и сразу нашел его, у меня в гостях и беседуете со мной. У вас явная средней тяжести депрессия, но мы вас вылечим, депрессия, кстати, мой конек... Здесь основной контингент больных составляют преимущественно люди бедные, плохо образованные, а то и вовсе необразованные, вы же другое дело...
 - Вы врете, неожиданно прервал его Юсиф, глядя в лицо главврачу, чем даже

несколько смутил видавшего виды и готового ко всему при общении с больными доктора. – И сами понимаете, что врете. Просто в тот момент, когда вы говорите добрые, хорошие слова, вы сами верите, что не врете, говорите правду. Но на самом деле это не так. Вы наблюдали, как говорят дети между собой и со взрослыми? Конечно, наблюдали. Вот так и надо общаться нам всем. Говорить то, что думаем. Но это невозможно. Потому я и боюсь. Поэтому и хочу спрятаться в вашем заведении.

– Мы здесь не в прятки играем, – сказал назидательным тоном доктор, чтобы дать понять новенькому всю серьезность дела, которым он занимается. – Мы здесь не прячем людей, мы их лечим.

Впрочем, все, что он говорил, говорилось с улыбкой вполне доброжелательной.

- Сначала, проигнорировав замечание главврача, продолжал пациент, я еще не знал, чего точно хочу, пока ваши ребята вытаскивали меня из моря, сажали в машину... я не знал. Я вел себя тихо, не сопротивлялся. Но это пришло по дороге сюда. Эта мысль... я подумал: отчего бы не побыть тут некоторое время, может, пребывание здесь пойдет мне на пользу, раз уж мне так страшно становится в этом мире.
- Нам, однако, надо оформить вас, поставить диагноз, словно кладя конец обычной пустой болтовне, полушутливо сказал доктор. Против какого диагноза вы не стали бы возражать? Документы у вас есть?

Юсиф стал жить в психиатрической лечебнице и, благодаря главврачу, почемуто проникшемуся к нему особой симпатией, жить на несколько привилегированном положении. Главврач взял его под свою опеку, и весь персонал клиники знал, что новенький — это больной главного, и, естественно, никто не возражал. Но понаблюдав его некоторое время и окончательно убедившись, что признаков шизофрении, на которую поначалу были подозрения, не наблюдается, главврач оставил Юсифа в покое и за неимением времени все реже виделся с ним, предоставив его самому себе.

- Я возвращаюсь, сказал однажды ему Юсиф. Теперь я понял: чтобы мир стал лучше, все должны возвращаться...
- Угу, мрачно и иронично отреагировал главврач, только что вернувшийся из министерства здравоохранения, где лично от министра получил крупную взбучку за многочисленные нерешенные проблемы в больнице. Приехали. Чем еще порадуете? но тут же настроение его резко изменилось, он, как обычно, широко заулыбался, внутренне воспрял, наплевал в душе на министерскую головомойку и вернул себе привычное хорошее расположение духа.
- Это главное возвращаться, не обращая внимания на кислое в начале разговора выражение физиономии собеседника, на его озабоченный вид, продолжал Юсиф, будто в самом деле нашел ключ к разгадке. Каждый должен вспомнить свое детство и вернуться. В этом спасение. И здесь, у вас, самое подходящее место для этого. Отсюда и надо начать...
- М-да-а... протянул главврач, глядя в лицо Юсифа. Я был о вас лучшего мнения... Поторопился, видно...

Он махнул рукой, будто отмахиваясь от глупостей пациента, и торопливо зашагал к своему кабинету, чувствуя на плечах давящий груз неприятностей.

Юсифу была абсолютно безразлична его реакция. Он знал – он на правильном пути, и это – главное. Все, что происходило в его жизни до этого, все, чем жил он пятьдесят с лишним лет, казалось ему теперь непонятным сном, который, проснувшись, никак не можешь вспомнить. Все теперь казалось фальшивым, ненастоящим – все, что происходило долгие годы и десятилетия, что тянулись как застывшее время

в неволе. Его работа, которой совсем недавно он так дорожил, до того дорожил, что даже принимал живейшее участие во всех событиях и интригах, служивших одной лишь цели – поскорее съесть ближнего, пока он сам не съел тебя, удержаться в стае, не оставаться одному, потому что могут заклевать и тогда погибнешь; его жена, рано умершая от тяжелой болезни, его женщина, заменившая супругу, женщина с тяжелым характером и полнейшим отсутствием чувства юмора, его дети, двое взрослых оболтусов, улетевших в разные стороны и не дававших о себе знать вот уже несколько лет; вся его прошлая жизнь, за исключением нескольких годов из детства, казалась ему никчемно прожитым временем, через которое теперь предстояло пройти обратно, чтобы обрести себя, нового и настоящего.

В клинике Юсиф с больными общался крайне редко, только по необходимости, когда некоторые из них, особо активные в проявлении чувств, хватая его за рукава, за лацканы, обрушивали на него словесную белиберду и чушь; и трудно было от них отделаться без помощи более спокойных душевнобольных или санитаров, если ктото из них оказывался в ту минуту рядом. Он, откровенно говоря, побаивался их, даже не буйных, а тех, кто считался спокойным, тихого поведения. От них, несмотря на их спокойствие, можно было ожидать неадекватных поступков, что и наблюдалось, в редких, конечно, случаях, но, тем не менее, имело место. Что вы хотите, сумасшедший дом... Главврач, который порой делился с Юсифом своими наблюдениями и интересными эпизодами из жизни психов, рассказывал ему разные случаи из своей практики.

- Как-то, несколько лет назад, делился с ним главврач, отдыхая на скамейке на территории больницы в редкие минуты затишья, мне звонят домой среди ночи. ЧП в больнице. Что такое? Оказывается, больной, который был до тех пор всегда спокойным, тихим, только с небольшой странностью, правда, болен был однозначно: многолетняя шизофрения, но вел себя хорошо, а странность заключалась в том, что он часто подходил ко мне и спрашивал: «Доктор, а я хорошо себя веду?» Я успокаивал его, что, да, мол, хорошо. «Тогда не отправляйте меня домой, просил он. Меня дома бьют». И так он жил подолгу, пока не наступало явное, но временное просветление, тогда мы его выписывали, не можем мы их годами держать тут, поступают другие больные, надо освобождать места... доктор вдруг задумался и замолчал, потом встрепенулся. О чем это я?..
- ЧП в больнице, напомнил Юсиф, не очень внимательно слушавший главврача.
- А, да! подхватил главврач. Да, вот этот больной, который был вроде бы спокойный... И вот приезжаю рано утром, мне докладывают этот тихий больной откусил ухо другому. Вызываю его, говорю: как же тебе не стыдно, ты такой умница, всегда хорошо ведешь себя, что случилось, почему ты укусил товарища? А он мне отвечает: он, говорит, сказал, что Ленин был жопошником, то есть педерастом. Ну что с ними будешь делать, они как дети! и главврач весело, раскатисто рассмеялся, закончив свой рассказ.

Юсиф слушал его, но ничего смешного, тем более никакого повода для хохота не нашел в рассказе доктора.

Как бы там ни было, Юсиф, ознакомившись с ситуацией в больнице, не видел никаких причин сближаться с больными в психиатрической лечебнице, несмотря на то, что был почти на тех же правах, что и они. Кроме того, они были не тем людским ресурсом, к которому Юсиф мог бы обратиться со своей новоявленной идеей, кото-

рую даже вполне нормальным людям почему-то было трудно понять.

Он часто выходил за пределы территории больницы, и сторожа, зная, что Юсифу разрешено начальством, не чинили ему препятствий. Он гулял по селу, многие его знали по имени и здоровались с ним. Он рассеянно кивал, весь уйдя в свои мысли, будто решал задачи мирового масштаба. Сельчане считали, что он сошел с ума от слишком больших и непомерно тяжелых для обычной человеческой головы знаний, и на особо ретиво учившихся детей своих смотрели с некоторой опаской, урезонивая их и уговаривая почаще заниматься физическими упражнениями на свежем воздухе, например – взрыхлять землю в саду. Юсифу казалось, что будет нетрудно направить этих в большинстве своем простых людей на правильный путь, на который сам он ступил совсем недавно. И он обдумывал, как бы к этому подступиться, с чего бы начать. Сельчане, не ведавшие, что им грозит серьезное перерождение, ласково разговаривали с ним, справляясь о здоровье, физическом, разумеется, не психическом, эта тема была под запретом. Сельский люд в основном был наивен и прост и заботился преимущественно о бытовых нуждах, обсуждал цены, пировал на свадьбах, горевал, поедая бозбаш, на поминках, и речи ученого человека не производили на сельчан большого впечатления, так как не были напрямую связаны с их существованием, с их проблемами. Но призывы со стороны Юсифа, недавно прозревшего и узревшего главную причину постепенного вырождения человечества и желавшего остановить это вырождение, начав с села, в котором волею случая он поселился, становились все назойливее, все настойчивее, можно сказать - агрессивнее даже для душевнобольного из разряда буйно помешанных.

Он присаживался на колченогую табуретку, выставленную специально для клиентов возле будки вечно хмурого, озабоченного сапожника Керима, руки которого никогда не оставались без дела, и начинал свою проповедь. Тут же собирались улыбающиеся зеваки, в которых не было недостатка в селе, приближались в предвкушении очередной потехи. Проповедь, предназначенная поначалу одному лицу, обращалась теперь уже к небольшой толпе.

- Ведь это самое счастливое время в нашей жизни, вспомните, говорил Юсиф, будто уговаривая, не обладая даром убеждать и чувствуя, как его вялые слова липнут и медленно сползают со стен маленькой деревянной сапожной мастерской. Ведь детство это...
- Да уж самое счастливое, ворчливо перебивал его сапожник, проделывая шилом дырку в подошве ботинка. В детстве я попал под трамвай в Баку, ногу отрезало, вот с тех пор и сижу, обувь вам починяю, а хотел стать футболистом...
- А меня в детстве отец так лупил, что чудом дурачком не сделался, тут же словоохотливо встревал другой слушатель. Ничего счастливого не было в моем детстве.
- A я в три года упал с крыши, вот посмотрите, на голове какая шишка, подхватывал разговор третий сельчанин. – Можете даже потрогать, если хотите.
 - Да видали твою шишку! Чем решил удивить...
 - Я не тебе показываю, невежа, а ученому человеку из города.
 - Ага, этот ученый хорошо устроился в нашей больнице...
 - Заткнись ты! сверкали на грубияна глазами.
- Нет, а я своим детством доволен, вспоминал очередной собеседник. Я любил ковыряться в огороде, ездил на рыбалку, отец меня не бил, хотя учился я плохо, да кому у нас тогда нужна была учеба, заработал на кусок хлеба для своей

семьи - и слава Аллаху...

Таким образом проповедь, которую старался донести до людей Юсиф, превращалась в обычную беседу, часто переходящую в перепалку, кончавшуюся обидами.

- Нет, нет, вы не поняли, старался оправдаться он, махая руками, делая слишком много жестов, пытаясь объяснить свою позицию. Я ведь не то имею в виду, вернуться не в физическом смысле, а вернуться так, вот какими мы все были в детские годы честными, чистыми...
- В физическом-мизическом не знаю, а пока надо делом заняться, деньги зарабатывать, семью кормить... противоречили ему.
 - Вам хорошо говорить, живете там на всем готовом... напоминали ему. Нет, пророка из него явно не получалось.

Не добившись успеха у будки сапожника, он шел проповедовать и донести до неблагодарной публики откровение, что озарило его свыше, в чайхану, тоже всегда набитую праздным людом. Некоторые присутствовавшие возле сапожной мастерской шли за ним от нечего делать, надеясь, что произойдет что-то интересное или смешное, о чем потом они могут поведать, как очевидцы, из первых уст. Но обычно ничего не происходило, Юсиф, подсев за один из столиков, начинал вещать, сначала тихо, обращаясь непосредственно к соседям за столиком, потом начинал говорить все громче, оборачиваясь ко всем и привлекая внимание всей публики. Он был убежден, что на верном пути, и говорил страстно, нервно, порой со слезами на глазах, но опять же неубедительно: со словами он был не в ладах. Но в такие минуты был точно похож на душевнобольного.

- A кто работать будет? прерывал его чей-то голос в ответ на его размытые, лишенные всякой логики доказательства.
- Да не о том речь! горячился Юсиф. Разве я призываю вас стать младенцами и играть в игрушки? Душой, душой необходимо стать чистым, наивным, как ребенок.
- Aга! раздавался другой голос, подавив нарастающий смешок в горле. Чтобы первый же проходимец облапошил тебя!

Юсиф выходил из чайханы усталый, утомленный. К тому же потрепанный вид закоренелого неудачника: старые, потертые в самых неприличных местах джинсы, ковбойка, разношенные кроссовки — все это так не шло к полуседым, отросшим до плеч патлам, изо всех сил старавшимся показать своего хозяина с солидной стороны, и все это роняло его в глазах публики, привыкшей по одежке встречать и так же провожать...

Не удавалась Юсифу возложенная им на самого себя миссия. Он казался мальчишкой, как его и воспринимали сельчане, даже несмотря на солидный, далеко не мальчишеский возраст.

С каждым днем он все больше ощущал, как бесполезно бороться с судьбой. Он шел по улице, опускались сумерки, и он в такое время дня не хотел возвращаться туда, где его приютили, там сумерки были темнее, гуще, безнадежнее. Он присел на каменное основание ограды, не понимая, где находится. Из-за железной решетки ограды выглядывали на улицу две красные розы, незаконно убежав из куста. Юсиф нагнулся и понюхал, розы не пахли. Он мало что замечал вокруг себя, охваченный своей утопической, бредовой идеей, но эти две розы заметил. К нему на безопасное расстояние, тяжело дыша, подошла старая собака. Посмотрела, как он нюхает розы.

– Не пахнут, – сообщил ей Юсиф.

Собака равнодушно глянула на него.

- Можешь сама понюхать, - сказал он.

Собака, поняв, что поживиться у него нечем, медленно потрусила прочь.

Он посидел так, провожая взглядом редких прохожих на сельской улице, потом тяжело поднялся и поплелся к себе, в больницу. Ограда, где он сидел, была дома отдыха.

В больнице его ожидал главврач с неприятным известием.

– Вам надо покинуть наш дом, – без обиняков сообщил ему главврач. – Ваши странности вовсе не характеризуют вас как душевнобольного, и мы больше не можем вас тут держать. Кроме того, о вас поговаривают в поселке, вы, кажется, вознамерились играть роль деревенского дурачка. Кроме того, скоро к нам нагрянет комиссия из министерства с проверкой, могут быть неприятности. У меня, не у вас. Езжайте домой. Я могу дать вам немного денег. Вы, несомненно, хороший, добрый человек, но выбросьте это из головы... этого не надо... – Главврач поморщился, будто говорил о чем-то постыдном. – Поверьте, я вполне разделяю вашу утопическую идею, что люди должны быть искренними и чистыми, как дети, это очень гуманная, прекрасная идея, но она... Чтобы поддержать вас, можно бы привести в пример великого Толстого, который провозгласил идею объединения всех людей доброй воли, помните? «Если все люди доброй воли объединятся, то можно победить зло на земле» или чтото в этом роде, не берусь буквально, но мысль такая, и столь же невыполнимая, как вы понимаете; теоретически – да, верно, прекрасно, а в жизни? Где объединятся, как объединятся? Это бывает, я наблюдал, часто бывает, когда западет в голову хорошая мысль и кажется, что её претворение в жизнь - самое простое дело, эта мысль захватывает, и человек носится с ней, потому что кажется: если она так проста, то и исполнение её должно быть очень легко и просто... Послушайте меня, дорогой мой, не смущайте людей, бросьте это. Вы нормальный человек, у вас есть, конечно, предпосылки, бывают небольшие депрессии, но я не считаю вас душевнобольным, таким, кто свои фантазии не может отделять от реальности. Возвращайтесь домой. У вас же есть, где жить в городе, да?

Юсиф кивнул, теперь врач казался ему не таким уж вечно веселым, поверхностным, придурковатым, вечно в приподнятом настроении; видимо, подумал Юсиф, он старался казаться таким специально для больных, и это можно понять... Да, ему есть, где жить в городе, он вспомнил свою заброшенную небольшую комнатку в коммунальной квартире на втором этаже старинного дома, который государство внесло в список охраняемых, как архитектурный памятник, дома с толстенными стенами и высокими лепными потолками в комнатах и одним азиатским туалетом на шесть семей. Коммуналки теперь становились редкостью, с каждым годом исчезая, число их таяло, и одной из оставшихся таких квартир была именно та, где обитал Юсиф до тех пор, пока упорная, не оставлявшая его в покое идея не завела его туда, где он в настоящее время находился. Вечером, уединившись, что было непросто в психиатрической лечебнице, он написал главврачу письмо.

«Уважаемый господин главный врач! Вы не считаете меня больным и правильно делаете, я не болен, просто я хотел бы сделать людей правильными, настоящими, добрыми, искренними. Что в этом желании плохого? Может, я взялся не с того конца, не так действую, не то говорю, да и писать, признаться, я не умею толком, но во мне горит это желание, я за свои годы многого навидался, почему люди обманы-

вают друг друга, почему даже самые хорошие, добрые из них, много врут, врут своим близким и незнакомым, друзьям и врагам, врут из меркантильных соображений, стараясь что-то заработать на своем вранье, и врут машинально, просто так, потому что это безобидное вранье сделалось у них привычкой. Они обижают друг друга, убивают друг друга, вытесняют друг друга из жизни. А ведь жизнь такая большая, в неё все можно уместить. Почему бы нам всем не быть, как дети, которые еще не научились делать гадости, творить зло, которые говорят исключительно правду, когда чтото хотят сказать, не начинают издалека, чтобы изовраться, не успев дойти до сути. Я думал, поймут меня и пойдут навстречу хотя бы эти простые люди в селе, не испорченные должностями, интригами и лукавством, чего я насмотрелся за свои годы, не испорченные борьбой за место под солнцем, которого хватает всем, но все почему-то боятся его потерять, потому что кто-то может занять место на двоих, на пятерых, и им не достанется. Но даже эти простые, прямые люди не захотели меня понять, пойти мне навстречу. А понять меня ведь так легко, не знаю, может, следовать моим словам, моим мыслям нелегко, но понять... Почему они боятся понять, почему вы боитесь понять?..»

Не дописав, Юсиф порвал письмо, сложил обрывки в карман и, не прощаясь ни с кем в сумасшедшем доме, сел на вечерний автобус, направлявшийся в город.

В автобусе он заметил двоих небритых мужчин, показавшихся ему знакомыми; они поглядывали на него и тихо переговаривались, ухмыляясь, видимо, были из числа тех в чайхане, кому Юсиф безуспешно пытался втолковать наиболее приемлемый для человечества жизненный путь; он стал вглядываться в другие лица, он их не знал, и, судя по равнодушным взглядам, которыми они отвечали на его прямой взгляд, они его тоже не знали, село было большое, видимо, они были из дальних концов села, далеко отстоящих от больницы, где раб божий Юсиф имел быть, так сказать. Вдруг ему нестерпимо захотелось покинуть, немедленно покинуть этот автобус, он почти стал задыхаться; ничего обшего он теперь не видел между собой и этими простыми, бесхитростными, но далеко не наивными людьми, любую непохожесть на них обращавшими в укор непохожему, находивших множество поводов для издевательств и глумления над непохожими, а никак не для понимания его. Нет, ничего общего между ними не было, и ему захотелось побыстрее очутиться одному, дома, подумать, поразмышлять наедине. Он задрал рукав зимней, не по погоде теплого сентября, рубашки, чтобы взглянуть на часы, но часов не было, только виднелась на запястье светлая полоска, оставленная на месте, где он носил часы; он огорчился: часы были подарком покойного отца, и он носил их уже больше тридцати лет, и вот – потерял, нет, не потерял, скорее всего, он оставил их там, в доме, когда впопыхах собирался покинуть дом, оставил, видимо, в общей палате, где спал, где стояла его койка. Что ж, ему не привыкать к потерям, но часов по-настоящему было жаль. И тут внезапно в краткое, как вспышка, мгновение он увидел себя со стороны, чего никогда, можно сказать, с ним не бывало, и это видение не принесло ему радости. Он, обратив на себя внутренний взор, увидел человека, совершенно не похожего на других, совершенно иного, чудного, постороннего, смешного, жалкого, слабого, желавшего переменить мир, что не удавалось людям сильным, напористым, обладавшим острым умом.

Он был вдовцом, как уже упоминалось, не помню где. Близкая подруга покойной жены, давнишняя и бездетная разведёнка, такая же одинокая, как он, стараясь не оставлять его одного в горе, часто навещала его, наводила порядок в его ком-

нате, старалась сохранять все так, как было при покойнице, что с трудом удавалось, так как был он крайне неаккуратен и никогда ни одну вещь не клал туда, откуда брал. Постепенно они сблизились, и хотя была женщина крайне шепетильна в вопросах интимного сближения с мужем своей покойной подруги, все же эта история имела свой логический конец. Звали её Самира, была она набожна, и все ей казалось, что за половым актом, когда это изредка случалось между ними, внимательно наблюдает с небес близкая подруга, сравнивает и, конечно, безмолвно осуждает. Это мешало ей получать качественный оргазм. Он же спокойно обходился без неё, так же, как был равнодушен к её нечастым визитам, становящимся все более нечастыми. Будучи не очень-то пожилым мужчиной, он, тем не менее, не испытывал особой нужды в женщинах. Нет, в молодости он был нормальным парнем, любил приударить за девчонками, у него был свой любимый, немного простоватый и примитивный, но все же свой любимый тип женщин (полненькие, невысокие, с полненькими ножками и стоячими грудями не больше второго размера), он часто знакомился, но и в этом, как и во многом другом, ему не очень-то везло, точнее - очень не везло; то ли нерешительность мешала, стыдливость, то ли не меняющаяся с годами психология женского менталитета родного города; как бы то ни было, но что-то постоянно препятствовало. Вот он, молодой, подтянутый, в меру кудрявый, чтобы не показаться вульгарно-кудрявым, подходит к девушке: «Девушка, - не стараясь даже быть оригинальным, чтобы запомниться ей, начинает он. – А можно с вами познакомиться?». С трудом, но можно. Допустим. «А как вас зовут?» Меня зовут так-то... Понятно. Давайте поулыбаемся, хороший денек, нам по двадцать лет... (потом – по двадцать пять, потом – надоело). Но тут же он чувствовал, что шею что-то холодит, что-то постороннее, а при более внимательном рассмотрении оказывалось, что это нож в руках её брата или жениха, или топор в руках кузена. «Что ты ей сказал?» – раздавался грозный голос за спиной. «Я...я... ничего... сказал: *здрасте*». И он на всякий случай снимал очки (диоптрии минус 2 и минус 2,5). «Я тебе покажу *здрасте*, – не унимался голос и обращался уже к ней: «Что он тебе сказал?» «Ничего не сказал», – отвечала она. «Как ничего?! – сердился голос. – A он говорит, сказал *здрасте*». Ну и так далее. Конечно, город был большой и с каждым годом все больше разрастался, и подобные эпизоды теперь можно было наблюдать, да и то редко, лишь в неблагополучных районах города, но дело в том, что зачастую криминальные элементы с ножом в кармане из неблагополучных районов перемещались в центр города и там встречали своих сестер, знакомившихся на улицах. И ему страшно везло на подобные ситуации, просто сплошная везуха. И так каждый раз, каждый раз, Боже, куда ты смотришь? Наконец вся эта хрень ему осточертела, и он решил жениться. Кстати, подобные трагикомедийные ситуации со знакомствами тоже послужили со своей стороны поводом. И вот - женился, были тогда живы его родители, и все пошло своим естественным путем, как у всех нормальных людей, как у всех... Но теперь, много раз обжегшись и чувствуя на плечах небольшой, но все же груз годов, он не испытывал особой нужды в женщинах. Как, впрочем, и в мужчинах. На этот счет все было нормально, он был правильной ориентации и оставался верен своей ориентации, несмотря на то, что весь мир, казалось, сходил с ума, и мужчины неправильной сексуальной ориентации изо всех сил старались расширять свои ряды, права и получить численное и моральное превосходство.

Он привык к одиночеству, как бывал одинок при жене, так в сущности и оставался одиноким без неё. Любил уходить в себя и подолгу там оставаться, боясь вы-

ходить в этот тревожный, беспокойный мир. Размышлял о том, о сем. Обычно – размыто, не очень конкретно, размышления его тоже в какой-то мере напоминали сны. Когда несколько лет назад после долгих размышлений он пришел наконец к окончательному мнению, что ни выдающегося физика, ни выдающегося математика из него не получится, и все, что он делает, до него делали и продолжают делать многие ученые, и он все эти годы шел проторенными путями в профессии, у него опустились руки. Юношеское, потом молодое, потом в пожилом уже возрасте все больше убывающее честолюбие в конце концов совершенно иссякло, и он продолжал машинально заниматься тем, чем занимался многие годы – преподавать. Но постепенно студенты и преподаватели-коллеги надоели: первые были, за редким исключением, в подавляющем большинстве болванами, стремящимися всего лишь получить диплом, а вся система образования все больше казалась ему запутавшимся клубком, начало и конец которого уже невозможно отыскать. И вскоре, охваченный своей новой идеей (когда мы его и застали орущим в морской стихии), он совсем отошел от своей работы, совершенно, как ребенок, не думая и не заботясь о том, на что будет существовать.

Отперев своим ключом входную дверь квартиры на втором этаже, он не узнал своего жилища. Раньше здесь всегда было шумно, за исключением ночи, бегали по длинному коридору дети, кричали соседки, зовя то одного, то другого непоседливого малыша; привычно, тихо-мирно и вполне цензурно, переругивались женщины на большой общей кухне; беспрестанно звонил телефон в коридоре на стене, ну и так далее, одним словом – было оживленно. Теперь же, ступив за порог и проходя к своей комнате, он обнаружил, что доброй половины соседей не хватает, а двери их комнат распахнуты настежь и непонятно, что там внутри происходит, потому что вместо домашней утвари и привычных запахов обжитого помещения в поле зрения попадали какие-то бочонки, кучи старого переломанного паркета, кирпичи, железные трубы и черт знает, что еще, и отчетливо пахло цементом. На шум захлопнувшейся за Юсифом входной двери вышла из своей комнаты старуха соседка и подозрительно оглядела его. Это была старая женщина, которая вечно сушила всякую дребедень из своего доисторического гардероба на кухне над газовой плитой, имела дюжину кошек и всех соседей, независимо от пола, называла «Дорогая моя». Юсифа, отягощенного своей причудливой идеей, в его теперешнем положении не очень-то интересовал внешний мир, тем не менее, он спросил старуху, имя которой он вечно путал с именем одной из её кошек и потому остерегался называть её по имени.

- Скажите, что тут произошло? Где все?
- Очень многое произошло, дорогая моя! тут же словоохотливо и крайне возбужденно проговорила старуха. С тех пор, как вы таинственно исчезли, произошло очень много неприятного.

На этой её фразе тут же одна за другой из комнаты старухи, пропахшей зоопарком, вышли все её кошки и, словно выражая солидарность со своей хозяйкой, чтобы морально поддержать её, столпились у ног старухи.

— Нашу квартиру покупают — вот что произошло! — победно воскликнула старуха, будто желая огорошить, поразить соседа этой новостью. — Приехал один хам, как их теперь называют... э-э... нувориш... И стал по частям раскупать нашу квартиру. Многие уже согласились, продали, говорят — выгодно, покупают себе изолированные квартиры в разных концах города. Остались только мы с вами и Миркишиевы... Но они тоже продадут, уже решили, не устояли перед золотым тельцом... А я... А мне куда

деваться с ними? Я ведь не одна, собралась и переехала. Их куда я дену? Снова на улицу? Нет, ни за что! А вы что думаете, Юсиф? Согласитесь продать? Этот миллионер интересовался вами... Когда вы хлопнули дверью, я думала, это он пришел, уговаривать меня. У него ведь и ключ есть от нашей квартиры... Даже несколько ключей. Как теперь жить?..

Юсиф, рассеянно слушая старуху, шел к своей комнате, открыл дверь и захлопнул её перед носом соседки, которая все продолжала говорить даже когда дверь перед её носом захлопнулась. Кошки, шедшие за ней по пятам, подняв морды, удивленно смотрели на свою хозяйку. Ей хотелось выговориться до конца, рассказать, как по-разному реагировали соседи на предложение продать свои комнаты, как соглашались, торговались, стараясь выторговать как можно больше у миллионера, и потому, переполненная пустыми словами, она постучала в дверь Юсифа. Дверь тут же распахнулась, показав убогую обстановку комнаты со старой мебелью, и хозяин комнаты, не дав старухе рта раскрыть, объявил:

- Я болен. Лучше держитесь от меня подальше.
- O! сказала старуха и немного отодвинулась. A что с вами?
- Сошел с ума, сообщил Юсиф. Рехнулся.
- Не может быть, боже мой, проговорила старуха. В таком возрасте...
- Это не возрастная болезнь, сказал Юсиф. В любом возрасте бывает. Я посидел немного в сумасшедшем доме. Очень плохо кормят. Лечат еще хуже. Неизлечимая болезнь.
- А разве заразная? сомневаясь и будто что-то припоминая, спросила старуха.
 - Кто его знает, сказал Юсиф и снова захлопнул дверь.

Старуха злорадно улыбнулась и улыбалась еще долго.

На следующее утро он вспомнил, что до того, как он сошел с ума, у него была работа, но теперь, подумал он, его, наверное, уже уволили, и нечего туда соваться. Откровенно говоря, ему было нестерпимо противно идти на работу и там оправдываться перед начальством за свои пропуски; придумывать что-то и врать он теперь не мог, а сказать правду было невозможно, кто мог такое понять? Между тем, надо было на что-то жить дальше. Он поднялся с постели, окинул взглядом чудовищный беспорядок в комнате, слой пыли на старом паркете, на журнальном столике, книги, разбросанные по всей комнате, наваленные на огромный подоконник, чайник на полу, грязную одежду, большим комом лежавшую в углу, и снова закрыл глаза, чувствуя, как наваливается на него, на грудь, на душу приступ депрессии и давит, давит, будто стараясь выдавить из него остатки жизни.

В дверь постучали. Юсиф не прореагировал. Постучали еще более настойчиво, и послышался голос соседки:

– Вас просят к аппарату.

Юсиф, мысленно проклиная настырную старуху, её кошек и аппарат, к которому его просили, собрав силы, медленно поднялся с постели, пошел, как был, в трусах и майке, к двери, открыл ключом. На пороге стояла старуха с кошачьим именем. Она молча указала на телефон в коридоре. Трубка висела на шнуре и явно поджидала. Юсиф прошел к ней и поднял, издал какой-то звук.

– Здравствуйте, дорогой Юсиф! – жизнерадостно взорвалась трубка, так что он чуть не выронил её из рук. – С вами говорит... впрочем, вы меня не знаете... Я – тот человек, который покупает вашу квартиру. Многие комнаты я купил, последнюю

– сегодня, сейчас идет оформление документов с вашими соседями Миркишиевыми. А вам я не мог дозвониться, разве у вас нет мобильника? Остались только вы и выжившая из ума старушонка, – на этих словах из грохочущей телефонной трубки старуха, близко подошедшая к Юсифу, чтобы подслушать разговор, отпрянула, обиженно поджав губы, – не знаю, чего она хочет, – продолжала напористо греметь трубка. – Я обещал ей купить отдельную квартиру для неё и её кошек, и впридачу дать денег, а она кочевряжится. Так что поговорим с вами: будьте дома, я сейчас приеду со своим юристом, все обсудим, не обидим, а вы помогите мне уговорить сумасшедшую старушку.

Юсиф хотел сказать, что он тоже сумасшедший, но тут же сообразил, что эта информация была бы лишней для незнакомого человека, к тому же, в трубке раздались частые гудки.

Он сидел в своей комнате, смотрел в окно. Старушка-соседка стояла за запертой его дверью, приложив к ней ухо и затаив дыхание. Неясно было, что она хотела услышать, может, ждала, когда сошедший с ума Юсиф начнет разговаривать сам с собой? Кошки, окружившие её, тоже затаили дыхание, не смея мяукнуть. В комнате Юсифа царила тишина.

Он сидел у окна и смотрел на небо, которого становилось все меньше по мере того, как стремительно, не по дням а по часам, вырастала высотка-новостройка напротив их дома, все больше заслоняя небо, и теперь надо было, глядя в окно, задрать голову, чтобы увидеть проплывающие облака, окрашенные в розовые цвета заката. Он любил смотреть на небо во время заката, когда наступали сумерки, и смотрел до тех пор, пока не начинали мигать звезды на темном фоне, приглашая поразмышлять о бесконечности вселенной. Он и размышлял, как мог, и такие размышления ему нравились. Он чувствовал свою ничтожность перед громадой вселенной, и это чувство его успокаивало и оправдывало. Порой лезли в голову бытовые мысли, например, о том, что надо бы починить холодильник, позвать мастера или прочистить канализационный люк в общем туалете, пока оттуда не стало вонять, как при входе на дачу в Бузовны, или хорошо бы оформить себе пенсию по инвалидности, раз уж он сумасшедший, пока не настало время получать обычную пенсию, и прочее и прочее, но он все эти бытовые вопросы и проблемы отгонял подальше от себя, зная, что все равно ничего не получится. Проскользнуло в голове мгновенное воспоминание о даче, где он летом снимал комнату, и он стал думать о той семье, которую покинул, правда, успев заплатить вперед. Они были хорошие люди, простые труженики, привыкшие своими руками добывать пропитание своей семье. Он тогда еще не был одержим своей навязчивой идеей и не приставал к ним, желая сделать их лучше; они и так были хороши, он просто жил у них, стараясь как можно меньше доставлять им неудобств, и они это ценили. Он вспомнил старика, интересно, он еще жив? Но почему бы ему не жить, прошло всего несколько месяцев, с чего бы ему не быть? Ему было хорошо у них, хотя с нервами были проблемы, как и сейчас, впрочем; но, вспоминая эту семью, он сейчас понимал, что ему было там хорошо среди этих людей, редко, когда он чувствовал себя в своей тарелке, там как раз это чувство у него было, и хотя тогда он этого не ценил, теперь, вспоминая дачу, он был уверен, что, несмотря ни на что, там прошли его счастливые, приятные, спокойные дни. Наверное, у него было слабое чувство реальности, – подумал он. – Он редко когда ощущал реальность полновесно, полнокровно, когда жил в ней; обязательно должно было пройти какоето время, чтобы потом он с щемящим чувством ностальгии вспоминал радостные дни,

часы, минуты...

В дверь робко постучали. Юсиф поморщился от предстоящего разговора со старухой-соседкой, но та, не повторяя стука, сказала через дверь:

- К вам посетитель.

«Как в тюрьме, – подумал Юсиф. – Или в больнице. К вам посетитель...»

И пошел открывать дверь, справедливо полагая, что не отстанут.

Как только он чуть приоткрыл дверь, посетитель с той стороны так потянул её на себя, что вытянул Юсифа в коридор. А вытянув в коридор, заграбастал его в объятия и дважды поцеловал в щеки, сперва в одну, потом в другую. Нос и губы у него были холодные, с отвращением отметил про себя Юсиф.

- Наконец-то мы вас дождались! радостно возвестил посетитель Юсифу. Зайдемте в комнату! приказным тоном велел он и, втолкнув хозяина комнаты внутрь помещения, вошел следом и захлопнул дверь перед носом любопытной старушки. Та, выждав минуту, привычно приложилась ухом к двери. Но шумный посетитель, как только вошел, сразу затих, заговорил тихо, почти шепотом.
- Я принес ваши часы, таинственно прошептал он, вытаскивая из кармана и протягивая вышеупомянутое.

Юсиф, при всем его временном равнодушии к превратностям внешнего мира, восхищенно ахнул, стал торопливо вытирать краем майки стекла очков, чтобы рассмотреть неожиданный подарок судьбы.

- Откуда... откуда вы узнали?
- A-а... только и сказал незнакомец, приветливо улыбаясь. Я же знаю, как вам дороги эти часы.
- Но как вы?.. Как узнали? Это просто чудо... бормотал Юсиф, держа в руках отцовский подарок и все еще не веря рукам, не веря глазам, уже вооруженным очками, не веря своим ощущениям.
- Не надо преувеличивать, сказал незнакомец. Вы еще настоящих чудес не видали.
- Честно говоря да, не видал, признался Юсиф. Но как же все-таки, хотелось бы знать, не отставал он, рискуя показаться занудой незнакомому человеку, любовно поглаживая вновь обретенные часы.
- Никакого чуда нет, стал пояснять незнакомец. Просто главврач сумасшедшего дома мой хороший, давнишний приятель.
- A-а... не совсем еще понимая, протянул Юсиф, решив, что пора на этом прекратить допрос, чтобы не показаться этому милому незнакомцу и в самом деле недоумком.
- Что ж, у меня к вам дело, начал незнакомец и уселся на край кровати Юсифа.

В это время за дверью послышался грохот и затем торопливые шаги, которые, начавшись от двери, затихли в конце коридора.

– Это ваша соседка упала, – проинформировал хозяина комнаты незнакомец, который по мере общения с ним становился все более и более таинственным. – Та, что подслушивала нас. Ну, хрен с ней. Итак, это я. Я звонил, предупреждал о визите, и вот я здесь для деловых переговоров с вами. Вы разумный человек, хоть и сидели в доме умалишенных, но глупее от этого, надеюсь, не стали и, думаю, примете верное решение. Не то, что эта старуха, ваша соседка. – Незнакомец вдруг развернулся в сторону двери и стал говорить громко, с угрожающими нотками в голосе. – А с ней

разговор будет короткий, я не стану терпеть капризов выжившей из ума старушонки, не согласится на моё предложение – и для неё распахнутся двери дома престарелых самого низкого пошиба. А могла бы жить в своей квартире, тратить заработанные денежки...

Тут снова за дверью грохнуло и старческие шажки засеменили прочь, но на этот раз что-то недоговоренное, вопросительное слышалось в звуках этих шажков.

- Вы насчет квартиры? поинтересовался Юсиф.
- Нет.
- Нет?
- Нет, повторил незнакомец. Квартиру вашу, я, можно сказать, уже приобрел, и, как вам, наверное, известно, уже идет ремонт в купленных комнатах. Дело только за вашей комнатой и за вашим согласием. Все бумаги я подготовил. На улице в машине ждет мой нотариус, который заверит все нужные документы. Сейчас я его позову. И незнакомец вытащил из кармана мобильный телефон в тяжелом золотом футляре. То, что футляр золотой и телефон очень дорогой, мог определить даже Юсиф, в другое время не умевший отличить медь от золота.
- Нет, нет, погодите, попросил Юсиф. Не так скоро. Дайте мне немного подумать.
- О чем тут думать?! вдруг как-то слишком неожиданно рассердился покупатель. Я предоставляю вам однокомнатную квартиру, правда, не в самом центре города, как эта, но зато изолированную, со всеми удобствами, так что туалетом будете пользоваться только вы. И даже с обстановкой. А здесь, в вашем старом доме, уже отключен газ в целях безопасности во время перестройки квартиры. Кроме того, я дам вам денег, о сумме мы договоримся. Так что нечего тут долго раздумывать. Не то я и вас отправлю в дом престарелых! и незнакомец весело, раскатисто захохотал, давая понять, что пошутил, но от его хохота Юсиф почему-то ощутил мурашки по спине, и у него пересохло в горле.
- Все-таки вот так сразу, промямлил он. Дайте мне хоть два дня, подумать, взвесить, решить...
- Ладно, сказал незнакомец, взял у Юсифа часы, которые тот не выпускал из рук, глянул на циферблат и, возвращая хозяину, проговорил строго. Два дня и ни часом больше. Я вернусь через два дня.

Он толкнул дверь и вышел в коридор как раз в ту минуту, когда два санитара в белых халатах под руки уводили из дома соседку, которая послушно, безмолвно позволяла себя увести; третий санитар аккуратно складывал в мешок одну за другой старухиных кошек. Юсифа эта картина, увиденная в не полностью растворенную дверь, поразила, но он ничего не сказал. Зато сказал незнакомец, пока Юсиф не закрыл за ним дверь своей комнаты.

- Теперь вы остались совсем один в квартире.
- И, сказав это, незнакомец медленно, с достоинством, удалился.

Посреди ночи Юсиф проснулся со странным ощущением, что он не один в комнате. Он с трудом разлепил глаза и еле разглядел смутный силуэт сидевшего на скрипучем стуле возле своей кровати. Он привстал на постели, вгляделся пристальнее, нашарил рукой на тумбочке очки, торопливо криво надел на нос и постепенно в кромешной тьме комнаты стал распознавать теперь уже знакомые очертания давешнего незнакомца.

– Как вы здесь очути... оказа... Как вы окатились? – наконец удалось спросить

ему одеревеневшим языком, заплетавшимся от внезапного среди ночи испуга.

- Как я окатился? спокойно спросил незнакомец с улыбкой в голосе. Вы когда-нибудь видели себя со стороны?
 - Да, тут же вспомнил Юсиф. Недавно. В автобусе.
- Посмотрите, сказал незнакомец и, вытащив из кармана пиджака, протянул ему довольно большое зеркало с ручкой, непонятно как уместившееся в кармане.

Юсиф хотел взять предлагаемое, но незнакомец не выпускал из рук зеркало, крепко держа его за ручку.

– Так посмотрите, – сказал он. – Из моих рук.

Юсиф взглянул и, как ни странно, в такой темноте отчетливо увидел свое лицо, будто от зеркала исходил непонятный, похожий на лунный, свет. С поверхности зеркала, что держал в руке ночной гость, смотрел на Юсифа совершенно другой человек, и, хоть он и редко смотрелся в зеркала, но тут Юсиф с содроганием понял, что тот, в зеркале, не совсем он, что-то было неладно с этим стеклом, то ли искажало, то ли выявляло в лице именно то, что каждый старался спрятать от других. Юсиф увидел вытаращенные за стеклами очков глаза, полные страха и непонимания происходящего, тонкий, с горбинкой нос, желавший просунуться туда, куда его не просят, бледные губы, давно не целовавшие женщин, начинавшие увядать в добровольном, необъяснимом отречении, безвольный, косо срезанный природой подбородок, небритые щеки, запавшие так, что при бритье их приходилось надувать, торчащие из-за серых, полуседых отросших волос уши, которыми он в детстве мог шевелить и этим веселил товарищей – все это было им, Юсифом, но в то же время он не узнавал себя, будто из зеркала смотрит совсем другой, кто-то незнакомый, как бывает, когда долго вглядываешься в отраженные свои черты и постепенно все больше проникаешься мыслью, что это не ты. Но Юсиф смотрел в это зеркало с фокусом всего несколько мгновений, после чего оно опять спряталось в кармане гостя.

- Вот, сказал незнакомец, переходя на деловой тон, и из другого кармана вытащил бумаги, я принес документы, они уже заверены нотариусом, осталось только подписать.
- Но вы же обещали дать мне время, стал робко возражать Юсиф. Два дня дали... договорились же...
- Раньше сядешь раньше выйдешь... Время деньги, не тратьте мое время, следовательно мои деньги, у вас не так уж много времени и совсем нет денег, у меня и того и другого навалом, но все равно не люблю, когда у меня отнимают, проговорив все это скороговоркой, гость вдруг беспричинно расхохотался. Давайте, валяйте подпись и дело с концом, сказав это, он вытащил из внутреннего кармана пиджака аппетитно хрустнувшую пачку новеньких купюр. Это вам на пропитание. А ваша новая квартира вас ждет с нетерпением. Вот ключ...

Юсифу, в отличие от привередливой старушки-соседки, которую увели санитары, было, в общем-то, все равно, где жить, потому что в последнее время он полностью и бесповоротно жил в своем собственном мире, тянул же он с решением из-за нерешительности и инертности характера, и гость, кажется, это прекрасно понимал. Он, ухмыляясь, протянул ему ручку. Казалось, что в карманах его есть все, что потребуется, и все, чего душа пожелает, и, пожелай Юсиф, к примеру, чего-нибудь вкусненького... Тут гость вытащил из кармана апельсин, почищенный, кстати, и разделенный на дольки, так что оставалось только съесть, и протянул Юсифу.

– А зачем вам одному такая огромная квартира? – поинтересовался Юсиф,

осмелев и поедая апельсин. – Что вы тут будете устраивать? Балы?

- Шабаши, проговорил гость и опять расхохотался, давая понять, что пошутил. Нет, шучу, конечно. Но таких, как я, сейчас немало.
 - Таких, как вы? Что вы имеете в виду?
 - Таких богатых или, если хотите, разбогатевших в короткий срок.
 - А-а, сказал Юсиф, понятно.
- Ну, теперь, когда мы пришли к соглашению, можем поговорить и по душам, если желаете, предложил гость.
- О чем? настороженно спросил Юсиф, любое упоминание о душе сейчас неприятно волновало и тревожило его.
 - О вас, серьезно сказал гость.
 - Почему обо мне? Чем я заслужил?..
 - Потому что то, о чем вы мечтаете, противоречит всякой логике.
 - И что же? Почему нельзя противоречить всякой логике?
- Хороший вопрос, закивал гость. Во-первых, нельзя потому, что в обществе людей человек, противоречащий логике, выглядит глупцом, порой даже сумасшедшим. Кстати, к вам это не относится, вы можете противоречить, потому что вы и есть сумасшедший, вопреки утверждениям моего друга-психиатра. Однако, признаюсь, я тоже не люблю логику. Потому что эту науку на каждом шагу разрушает жизнь, но люди слепы, они цепляются за логику, как за свое спасение, и это мешает им жить по-настоящему, полновесно и полнокровно. Они добровольно создали себе клетку из всяческих логических трафаретов и любуются на эту клетку, полагая, что находятся вне и им ничего не грозит, тогда как находятся именно внутри, не могут и не хотят выбраться, и это их не смущает, так как они привыкли к рабству. Это вам понятно?
 - Да, сказал Юсиф. Это имеет отношение ко мне?
- Еще бы! обрадовался гость, тут же поспешив с ответом, будто ждал этого вопроса. Еще как имеет. Вот вы хотите спасти человечество.
- Ну, засмущался Юсиф от огромности и значимости навязываемой ему миссии. – Не совсем так. Я просто хотел, чтобы люди осознали...
- Ясно, ясно, чтобы они осознали, что жить по совести, вернуться в свое детство, когда это и происходило единственно верный путь к спасению. Это и есть в конечном счете то, о чем я сказал спасти человечество...

Все это гость отбарабанил, как ученик-зубрила, давно и крепко выучивший урок, и по его лицу было видно, что наивные и умозрительные идеи Юсифа давно ему надоели, как приедается сладкое, если ешь его слишком много.

- Скажите, вслед за тем неожиданно поинтересовался гость. Вы любили свою жену?
- Она умерла, не по существу, машинально ответил Юсиф и вдруг, встрепенувшись, понял, что ничего не знает о ночном госте, даже его фамилии не спросил, и в свою очередь задал ему вопрос. Позвольте, кто вы такой?
- Я не спрашиваю, умерла она или нет, я прекрасно знаю, что она умерла! вдруг рассердился гость, повысив голос и проигнорировав вопрос хозяина. Ответьте на мой вопрос.

Юсиф растерянно ответил:

– Ну, вроде бы, да, раз уж мы прожили столько лет вместе, – он подумал и добавил, – но сильной любви к ней у меня, пожалуй, никогда не было, поженились, совпали обстоятельства... Разное житейское, знаете, как это бывает, мы были молоды, семьи давно знали друг друга... А потом уже с годами сложилась привычка, привыкли друг к другу, как все, как у всех...

– Нет, – сказал гость, – вы никогда по-настоящему не любили свою жену... Привычка... Как же вы, не умея любить одного человека, хотите полюбить и спасти все человечество и сделать его счастливым? – он выждал паузу в ожидании ответа, но не дождавшись, продолжил. – Я как раз не из тех, кто наставляет на путь истинный, и советы не люблю давать, это глупо – давать советы, однако многие думают, что давать советы – признак ума. Глупцы... Но этот вопрос я должен был вам задать. Вы помните вопрос? Не спешите, я не требую ответа. Просто подумайте над этим.

Юсиф кивнул с пересохшим горлом, не в силах ответить, пораженный вопросом, который никогда не приходил ему в голову и простота которого сводила его почти до степени риторического. Он, застыв, сидел в постели с недоеденным апельсином в руке и вспоминал свою покойную жену, их отношения, постепенно складывавшиеся за долгие годы супружества, скандалы, изредка случавшиеся в семье, как они, привыкая друг к другу за долгие годы, тем не менее становились все более чужими, думал о детях, что разлетелись по своим делам, по своим жизням, по своим судьбам и давно не давали о себе знать, не писали, не звонили, как перечеркнутые главы из его жизни, если б вдруг кто-нибудь взялся описать его жизнь. А их он любил? Конечно. Как можно не любить собственных детей, особенно когда они были маленькими, да, он их любил, обожал, баловал по возможности; но они выросли, покинули родителей, точнее, покинули его, уехали они после смерти своей матери и быстро забыли отца. А если он их любил по-настоящему, почему же не искал их? Нет, все-таки гость прав, видимо, любовь и к жене, и к детям была в нем недостаточно сильной, так же, как впоследствии его чувство к любовнице... Он любил, наверное, но любовь его была... как бы это сказать?.. равнодушной, не утомительной для него, он избегал сильных чувств и эмоций, пугался ярких проявлений любви... Может, потому и появилась у него эта навязчивая идея – вернуть людей в их детство, в страну искренности и чистоты, затратив на эту утопическую идею все скопившиеся за годы равнодушия силы, всю нерастраченную страсть? Может, он этим самым неосознанно, чисто интуитивно хотел компенсировать, заполнить былую зияющую пустоту нелюбви в своей жизни, чтобы потом, в старости, не страшно было бы умирать?

Юсиф поднял взгляд и увидел гостя. Ему казалось, что прошло много времени, пока он думал и вспоминал, и, обнаружив ночного гостя все так же терпеливо ожидавшего, когда хозяин обратит на него внимание, он был несколько удивлен, но на самом деле прошло лишь мгновение.

Посидев еще некоторое время молча, гость медленно поднялся и величественно – при других обстоятельствах и прилюдно это могло бы выглядеть до смешного театрально – последовал к двери.

Юсиф услышал странный стук от каблуков ночного гостя, напоминавший скорее цокот, и подумал: видимо, гость подбил каблуки своих ботинок железными подковками, чтобы подольше не стирались, как вдруг гость уже в дверях обернулся, грозно глянул в глаза хозяина комнаты.

– Нет, – сказал он. – Вы ошиблись.

Переступая через порог, он несколько приподнял ногу, чтобы не споткнуться, и хозяин отчетливо, как если бы в комнате было по-дневному светло, увидел не полностью прикрытое обшлагом брюк... раздвоенное копыто.

Ночная прогулка

- Эй, придурок!
- Это вы мне?
- А здесь еще кто-то есть? Тебе, тебе, не сомневайся. Ты ведь придурок?
- Ну, трудно так сразу ответить... От многого зависит.
- От чего, например?
- От того, в каком я настроении в данный момент, от времени дня, от того, покладистый у меня характер в эту минуту или драчливый, хорошо я поужинал или нет, от многого...
- Драчливый... Рассмешил... Ты, старик, кажется много о себе возомнил, молодость вспомнил?.. Ладно, хватит болтать. Бабки гони, старый козел! Нашел место гулять по ночам...
 - Вам нужны деньги, сударь?
 - Сударь... Охренеть, как он разговаривает... Кто сейчас так разговаривает?
 - Я.
- Говорю же придурок. Я давно наблюдаю за тобой, шел за тобой по пятам, даже по походке можно определить ты законченный придурок. Давай бабки, сказал, не тяни, я нервный! Я только из тюряги, пять лет отмотал, век воли не видать, жрать хочу, денег нет, никого у меня уже нет в этом городе, давай вытряхивай карманы, а то видишь этот нож? засандалю тебе в пузо и убегу, потом ищи-свищи, время и место вполне подходящие: ночь, темный переулок, никого...
- Простите, у вас речь интересная очень, конкретная и в то же время эмоциональная, вы кто по профессии?
- Вор. Речь, говоришь... Я много болтаю потому, что на отсидке намолчался за последнее время, не с кем говорить было, все придурки, полуграмотные, один только был инженер, да я с ним с самого начала не поладил, избил, попал в карцер, и потом он меня всю дорогу сторонился... Эй, что ты делаешь? Что это?! Откуда у тебя пистолет?
- А я без него никуда не выхожу, особенно в столь поздний час. Сейчас в городе столько шпаны... Идите вперед, я за вами. Как воспитанный человек.
 - И к-куда, к-куда мы пойдем? К-к ментам поведете? К-куда?...
 - Закудахтал.
- A вы не издевайтесь, я всегда заикаться начинаю, к-когда пугаюсь. Это с детства у меня. В детстве я сильно испугался.
- Не пугайтесь. Мы пойдем, поедим чего-нибудь, тут недалеко ночной ресторанчик, очень приличный. В тюрьме вас чем кормили?
 - Издеваетесь?
 - Почему? Вполне серьезно спрашиваю.
- Чем в тюрьмах кормят... Разной дрянью, недоваренной, недожаренной, я, кстати, гастрит подхватил из-за их кормежки. Приедет на проверку пени... пенитенци... тенциарная служба в нашу «крытку»...
 - Куда, куда?
 - Крытка наша тюрьма закрытого типа, ну, на воровском жаргоне...
 - А знаю, знаю... Ну, ну...
- Так они заранее подготовятся, жратву нормальную, телевизор выставят в зале, библиотека, между прочим, там всегда была неплохая, я перечитывал Жюля

Верна, Фенимора Купера, они у меня с детства в памяти остались...

- Мы сейчас выходим на центральную улицу, я положу пистолет в карман, а вы идите спокойно рядом и без лишних движений. Поняли?
 - А как же.
- Не оглядывайтесь по сторонам, не смотрите на людей подозрительно и не горбитесь, как будто собираетесь подметать улицу. Вот он, ресторанчик. Пришли.
- Ни хрена себе ресторанчик, смотри ты, девица поет. Это, наверно, дорогой ресторан, все при галстуках. А на мне старое барахло. Пустят?
- Пустят, тут меня знают. Заходите. Добрый вечер, добрый вечер... Сабиночка, нам столик подальше от эстрады, поговорить надо. Да, этот подойдет. Садитесь, сударь.
 - Спасибо, уже сидел, только вышел.
 - А, вы способны шутить?
 - Нет, просто надо говорить присаживайся.
 - Ладно. Вы пьете шампанское?
 - Шам... Что? Я пью все, что наливают.
- Бутылку шампанского, пожалуйста, мы празднуем свободу. И поесть что-нибудь мясное, хорошо прожаренное, шашлык или стейк, в общем, на ваше усмотрение, что-нибудь вкусненькое...
 - Да, вкусненькое... Давно я не ел по-человечески...
- Я сам налью. Спасибо, Сабиночка. Ну, за что будем пить? Произнесите тост. Вы же долго молчали...
- Да, молчал... Вот здорово! Как пузырьки играют... Кто не рискует, тот не пьет шампанское. Так говорят... Рисковал я часто, а пью шампанское, пожалуй, впервые. Дай бог мне почаще пить шампанское! Вот такой тост. Годится?
 - Ешьте и рассказывайте о себе.
 - Вы случайно не следователь?
 - Нет.
 - A кто?
 - Неважно... Писатель.
- Кто!? Ё-моё! Правда, что ли? Вот это да! Настоящий писатель? Я в первый раз вижу живого писателя... Здорово!
- Вы, голубчик, кажется, отсидели не пять лет, а все двадцать пять. Это раньше, лет тридцать назад восхищались настоящими писателями. Теперь принято восхищаться бизнесменами, миллионерами, банкирами...
- Э-э, в гробу я их всех видал! Что мне миллионеры!? От них ничего не дождешься, да и не подберешься, повсюду охрана. Вот писатель другое дело! Я всегда восхищался писателями, всегда думал как это у них получается: пишет человек один, а тысячи и тысячи читают, волнуются, переживают, плачут, смеются, как будто все это, что в книжке описано, с ними или с их родными происходит. Просто колдовство какое-то. Я в детстве много читал. Фенимор Купер, Жюль Верн, Марк Твен, Джек Лондон...
- Говорили уже. Однако должен заметить это неожиданно. А как же вором стали?
- Увлекся криминальной литературой. Шучу... Но не совсем шутка. Вы замечали, когда читаешь, скажем, Конан Дойля, или других хороших писателей, пишущих на криминальные темы, больше хочется стать преступником, чем детективом. И

у всех криминальных писателей так: интереснее преступники... Но, конечно, не только это определило мой жизненный путь... Вот вы спрашиваете, как стал вором... Как становятся тем или другим? Жизнь такая непредсказуемая, не знаешь, что ждет тебя, что случится завтра...

- Не торопитесь, ешьте спокойно. Вы интересно рассказываете. Немножко покнижному, но все равно – интересно. Старайтесь говорить своим языком.
- По фене, что ли? Не, по фене не люблю и никогда не любил, век воли не видать. Потому и был в тюряге, как говорят, белой вороной, шпана издевалась над моей манерой разговаривать, презирали меня, никогда не считали меня своим...
 - Вы, значит, были своим среди чужих или, скорее, чужим среди своих...
- Во-во, точно. Чужой среди своих: по жизни, по поступкам я, вроде, был среди них своим, а по внутреннему содержанию, что ли, нет, не был своим, чужим был. И конечно, в тюрьме потому и тяжко было вдвойне, но старался не вмешиваться ни во что, отстранился от народа в камере на тридцать человек, был один, ни к кому не приставал, хотя и помимо меня были такие люди, что не любили общество, в котором волею судьбы оказались, не могли приспосабливаться, им тоже было нелегко.
 - Ну, отбарабанили свою пятерку, а теперь что думаете...
 - А что мне думать? Я же вор-рецидивист. Не первая моя отсидка.
 - Не первая?
- Нет, до этого я тоже отсидел на зоне, но это не здесь, в Ростове было. За квартирную кражу три года получил, и тоже все отсидел от звонка до звонка, как в этот раз, без всякой амнистии. Амнистии хоть и бывали нередко, но как-то стороной меня обходили, не попадал я в эти списки, хотя, казалось бы, преступления не тяжкие, обычное воровство...
- A вот со мной, если бы у вас вышло, это уже расценивалось бы не как обычное воровство, а как разбойное нападение с применением холодного оружия...
 - Ваша правда. Только есть очень хотелось, а в кармане ни шиша...
 - Нож покажите.
 - Да вы что! Прямо здесь?
 - Давайте, давайте, не скромничайте.
 - Вы будете смеяться.
 - А что тут смешного?
 - Вот.
- Это?! Это же столовый нож, да и то вовсе не острый, ну-ка, поближе, дайте взглянуть. Где вы это откопали, в мусорке?
- Нет, я проходил мимо столовой, дверь в кухню была распахнута на улицу, он лежал на столе, никого не было, ну, я и взял...
- Нехорошо брать чужое, дайте мне, я спрячу на всякий случай, за обедом он вам не пригодится, здесь свои ножи, почище... Ну так я вас слушаю.
 - А чо ме бобовить?
- Не говорите с набитым ртом, и вообще не набивайте рот, как будто сейчас у вас отнимут кусок.
- У нас однажды такое случилось в камере: одному из дома прислали продукты, там был хороший кусок ветчины, чуть он отвлекся, другой арестант запихнул всю эту ветчину в рот и сжевал в рекордно короткие сроки, вся камера дивилась, все помирали со смеху. А когда хозяин посылки спросил у этого обжоры, тот, оправдываясь, сказал, вот как я только что, с набитым ртом: я же голодный. Конечно, получил по

шее. Но я впервые видел, как человек может заглотать такой огромный кусок мяса, можно сказать, мгновенно, как удав кролика...

- Это мне неинтересно. Я бывал и в тюрьме, бывал, а не сидел, понятно? Бывал и в психушке. Охотился на кабанов. Надо сказать, довольно опасная охота, если нет навыков. В молодости принимал участие во многих драках. Пожил в юные годы и в интернате для сирот, несмотря на то, что родители были живы. Дважды попадал в автокатастрофы, из одной вышел еле живым, по кусочкам собирали. Свел вторую жену в могилу. Ну и многое другое было в моей жизни. Знаете, я сейчас подумал: всетаки есть определенное преимущество у писателей-мужчин перед писательницами, особенно у нас, в нашей стране, где люди погрязли в ханжестве. Ну что может написать здесь женщина о сексе, или о наркоманах, или об алкоголиках, или, скажем, о педофилах, и на многие другие темы, раньше запрещенные цензурой, а в настояшее время запрешенные женской лживой и лицемерной стыдливостью. На западе по-другому, там вполне допустимо, у нас иная ситуация. Нет, у писателя не должно и не может быть запрещенных тем, и поэтому гораздо удобнее быть писателем-мужчиной, чтобы самому себе не запрещать... Я писал на многие темы, и, как сказал один известный и совсем мне незнакомый критик – в моих книгах есть все... Да, но в них пока нет вашей жизни. Теперь меня интересует ваша жизнь. Начнем с детства. Оно всегда интереснее всего другого, потому что в большинстве случаев определяет остальной ход жизни. Итак...
 - Детство... Я, честно говоря, плохо его помню...
- Не притворяйтесь и не кокетничайте. Все нормальные люди свое детство помнят гораздо лучше всех последующих лет. Ну, вспомните хотя бы один, но самый яркий, врезавшийся вам в память случай из детства, ведь было же у вас детство...
- Детство?.. Да, конечно, было... должно было быть... Что же вам рассказать? Самое яркое... Вот, пожалуй, случай, который перевернул, изменил всю мою дальнейшую жизнь... Мне было семь лет...
- Ну, ну... Хорошее начало, продолжайте. Нет, Сабиночка, пока ничего... Хотя подайте ему сладкое мороженое, пирожных... В тюрьме, думаю, вас не очень баловали сладким...
- Вовсе не баловали... Это точно. Вот по сладкому я соскучился. И по Сабиночке тоже. Нельзя ли её на сладкое? Вы только поглядите, какая у неё грудь!
- Нечего мне глядеть, я всю её наизусть знаю. Вы, однако, когда принесут десерт, не набрасывайтесь на него так, чтобы на нас оборачивались... Ну, продолжайте.
 - Что продолжать?
 - Вы остановились на фразе: «Мне было семь лет»... Дальше.
- Да, мне было семь... Мы играли с мальчиками на улице в «шумагадар», знаете такую игру? Это втыкание железных прутиков в землю, чтобы отвоевать территорию противника...
- Не может быть! То есть эту игру я знаю, но это игра моего детства, а не вашего... Мы мальчишками в городе играли...
 - Я в селе вырос...
- A-а... Ясно, там время движется медленнее, и многое из старого остается жить дольше, чем в городе... Ну, ну...
- Я случайно, втыкая прутик в землю, ранил мальчика, прутик воткнулся ему в ляжку, сильно зафонтанировала кровь...
 - Профузно.

- Что?
- Ничего. Люблю это слово. Продолжайте.
- Мальчика отвели в поликлинику, а вечером после работы его отец вызвал моего отца на улицу, они стали разговаривать, потом все громче, стали кричать, драться и кончилось тем, что отец мальчика ударил моего отца ножом, и мой отец умер почти сразу же, что редко бывает при ножевом однократном ранении, но сосед попал очень удачно, то есть, очень неудачно прямо в сердце. Я был там, рядом с отцом, и все видел. Тот мужчина убежал, а я остался с лежащим на земле отцом. Он сразу умер, не успел мне ничего сказать, хотя, помню, что-то силился произнести, но глаза туманились, изо рта потекла кровь, и он умер... Соседи собрались вокруг нас, молча смотрели, кто-то побежал за врачом, но его остановили... Вот такая история из детства... Мать моя умерла при родах, я был первенец, первый и последний ребенок, и отец, можно сказать, один растил меня до семи лет. Правда, тогда у нас было много родни, бабушки, тети, дяди помогали отцу, как могли, но в детстве я помню только отца, он много работал, а был всегда бедным, как его отец, мой дед... мой дед был кирщиком в Баку и приезжал в село раз в неделю, приносил заработанные деньги... Знаете, раньше были кирщики? Покрывали крыши домов киром, чтобы не протекали...
- Знаю, в моем детстве они были, мускулистые, черные, голые по пояс, в летнюю жару, под палящим солнцем заполняли ведра горячим пахучим киром, тянули веревкой на крыши... помню, помню... Мы, дети, кусочки этого застывшего кира жевали, как жвачку ... Я где-то описывал, в какой-то своей книжке... Ну, что дальше? Вы ешьте мороженое, растает...
- A хрен с ним, пусть тает... Разбередили вы мне душу... То есть, скорее, я сам разбередил. Не надо было мне рассказывать вам все это...
 - Почему же? Интересно.
- Интересно... С того дня моя жизнь круто изменилась... Я мог бы стать нормальным человеком, инженером, таким, какой отматывал срок со мной, может, врачом, или даже учителем, а может, даже писателем, как вы, но вместо всего этого стал вором... Родственникам трудно было меня содержать, все они были люди бедные, да и своих детей нарожали кучу, как принято в наших деревнях, но правда и то, что не отпускали меня, я сам ушел в девять лет, приехал в город... Вот... Вырос я в приюте, в детском доме, детдом до десятого класса, до семнадцати лет, дольше не держат в таких домах. Дальше иди, живи, как можешь. Вот я и жил, как мог...
 - Пойдемте погуляем, погода хорошая.
 - Хорошая? Дождь же идет...
- Ничего, подышим свежим воздухом. Вы наелись? Сабиночка, принесите счет, пожалуйста...
- Какой у вас бумажник толстый. Так и ходите с ним посреди ночи, не боитесь
 ограбят?
- Это оставьте себе, милая. Не надо благодарить. А вы поднимайтесь. Пойдем. Разомлели после еды?
 - Пойдем, пойдем... Ну и льет, как из ведра.
- У меня тут машина недалеко. Вот она. Садитесь, покатаемся. Тут одно место, вполне живописное, хочу вам показать. А вы что же замолчали? Расскажите еще чтонибудь.
- А что мне рассказать вам? Что ни вспомню все мрачно в моей жизни, все невесело. Неинтересно вам будет слушать на ночь такие грустные байки...

- Отчего же неинтересно? Это в вашей жизни происходило, не в моей. Мне только факты и ваши ощущения интересны, а грустить я вряд ли стану, слишком много подобного вашей истории я знаю. Здесь выйдем. И дождь как раз перестал... Видите и недалеко, и вид чудный, берег озера. Как оно зовется, знаете?
- Кажется, Кровавое озеро. Да. Я его знаю. А вот и кладбище рядом. Это вы считаете живописным местом? Эй, эй, что вы делаете!?
- Собираюсь убить вас, разве не видите? Вы как нельзя более подходящая кандидатура для моей давно лелеемой цели, сударь. Я, можно, сказать, все на свете перепробовал, что может перепробовать человек моего возраста и моей профессии, только никого не убивал. И вот наконец-то подвернулись вы, сударь. Редкая удача, она позволит мне восполнить пробел в жизненной практике, а может, даст бог, и в творчестве... Конечно, мне бы больше хотелось убить кого-нибудь из своих старых врагов, но все они, к сожалению, люди, как правило, известные, иные высокопоставленные, трудно подобраться, а с вами в этом отношении не будет проблем. Кому вы нужны, чтобы вас искали. К тому же сами признались, что в этом городе у вас никого нет. Вы – идеальный вариант; и, может, я не совсем осознанно долгие месяцы бродил с пистолетом в кармане по ночам, чтобы встретить именно такой идеальный вариант, вот вы и подвернулись... И кстати, должен вам возразить на сказанное вами в самом начале нашего знакомства о том, что вы шли за мной по пятам; нет, уважаемый, это я сам дал вам возможность идти за мной по пятам... Теперь вы поможете мне восполнить пробел в моем жизненном опыте. В мои годы идти на войну и убивать было бы смешно, мои ровесники давно уже на заслуженном отдыхе, на пенсии, иные в лучшем мире. А я хочу, как писатель, познать, испытать и это ощущение: каково, когда убиваешь человека, стреляешь в него в упор, видишь его глаза, как его взгляд постепенно мутнеет... Все остальное, смею утверждать, я познал в жизни, многих отобразил в своих книгах, узнал много людей... Писатели, они же своего рода вампиры, они вытягивают из людей нужную информацию. И все – больше им человек не нужен. Но нужную информацию умеют вытягивать и журналисты. Писателям этого мало. Они, как вампиры, вытягивают из людей и чувства, их ощущения, переживания, их мысли, как комар сосет кровь, присосавшись к телу человека. Вот как я из вас вытянул нужные мне ваши чувства и воспоминания о детстве. Нет, потом, конечно, писатель дополняет все это своим, сугубо личным, подкрашивает, где надо, подчеркивает, выдвигает необходимое на передний план и так далее, все это рутина, и потому получается в итоге писание по заранее обозначенной схеме, именно то, над чем насмехался гениальный Набоков, понимая, что любая схема противоречит настоящему вдохновению. Кстати, над вашим любимым Фенимором Купером он тоже издевался. Впрочем, я, кажется, увлекся... Да, такие вот дела... Вы куда это направляетесь, сударь? Нет, уж стойте ровно, не то я промахнуться могу, нечасто приходится стрелять в живого человека.
- Осторожно, пушку оброните! Вы не устали держать пистолет? Давайте подержу, пока беседуем.
- Спасибо. Я вижу, у вас прорезалось чувство юмора. Сказывается, хоть и кратковременное, общение с интеллигентным человеком.
- Что это за ствол, я что-то не узнаю, хотя много держал в руках разного оружия.
- Итальянская «Беретта». И не беспокойтесь, я умею обращаться с оружием. А из этого пистолета недавно тренировался у себя на даче.

- И во что стреляли? В портрет Сталина?
- Оценил, или, как сегодня выражаются, «заценил». Смешно.
- Из этого ствола только в воробьев стрелять.
- Не скажите. В упор или в пяти-шести шагах вполне можно убить. Я собираюсь в упор, если не возражаете.
 - Еще как возражаю!
- Нет, я хочу, чтобы вы поняли. Это своеобразный эксперимент, понимаете, помимо того, что я познаю, каково убить, я ведь еще готовлюсь познать муки совести после свершенного.
 - Да мне насрать на ваши муки совести!
 - Грубо, грубо, некультурно.
- Нет, вы только посмотрите на этого старого мудака, он хочет убить меня ради какого-то эксперимента, а я еще должен себя культурно вести!
- В любой ситуации человек культурный должен вести себя достойно и не выражаться... Я должен буду многое осмыслить после того, как пройду через это. Отнять жизнь у человека вы думаете, это легко?
 - А вы думаете нет?
- Разумеется, нет... Я, может, все отпущенное мне время буду мучиться и жалеть, но ведь и это уникальный опыт для писателя, и будет что описывать всю оставшуюся жизнь... Вообще-то у меня давно уже творческий кризис, большая пауза, и это меня угнетает; и я пришел к мысли, что надо прибавить к своему богатому жизненному опыту то, чего со мной еще не случалось, это поможет мне начать работать, начать писать. О, вы не представляете, как я соскучился по работе, по настоящей работе, продиктованной от начала до конца настоящим вдохновением; ведь уже почти три года прошло после тех счастливых дней, как я написал свою последнюю более или менее стоящую вещь, и с тех пор хожу как неприкаянный, даю повод своим так называемым коллегам для злых шуток в свой адрес – вот, мол, исписался... Моё желание убийства может показаться вам фантастичным стремлением целеустремленного параноика, но этот длительный творческий застой медленно убивает меня, вы не представляете, как это тяжело, когда в моем возрасте вдруг утрачиваешь свою профессию, дело всей твоей жизни, и не можешь найти, о чем писать, что-то новое... Кстати, тема творческого кризиса тоже была в последних моих книгах... Все, все исчерпано, все было... И тогда мне пришла в голову мысль об убийстве, о том, чего не было... Впрочем, зачем я все это вам рассказываю? Вы можете подумать, что я оправдываюсь, нет это не так... Считайте, что я говорю сам с собой...
 - Вы так быстро говорите сами с собой, что невозможно слово вставить!
 - Тут нечего вставлять, а говорить быстро моя привычка.
- Мало того, что накалякали десятки книг, еще не наговорились, еще столько же вам, значит, поговорить надо, так, что ли?.. Я вас перебивать буду.
 - Не надо. К чему? Ведь ничего умного не скажете.
 - Вот потому и исписались, что разучились слушать людей.
- Пожалуй, дельное замечание. Но вернемся к наболевшей теме... Знаете, один мой знакомый литератор утверждал, что настоящий писатель вправе убить человека и Бог ему простит; правда, утверждал он это полушутя, но по глазам было видно, что он мечтал об этом, и то правда, что к тому времени, когда он пришел к этой мысли, он непоправимо свихнулся от обуявшей его гордыни и мании величия, хотя ничего великого он не совершил ни в творчестве, ни в жизни, просто был хорошим

писателем, впрочем, одного этого тоже немало в наши дни; ведь нельзя отрицать, что оценки сместились и теперь просто хорошего писателя называют великим, может, потому, что на фоне целой армии бездарностей он и выглядит великим... Да, человек непредсказуем, есть такое выражение: «Я от себя не ожидал...» До самого конца в человеке внезапно раскрываются черты, о которых он и представления не имел, не думал, что они в нем таятся, до конца жизни человек познает себя и не может познать полностью... Однако, я отвлекся... Итак, мы в нужном месте и в нужное время. Станьте ровно, спиной к этой большой луже, которую называют здесь озером, как раз удачно: Кровавое озеро, ваш труп должны найти в этой воде. Вы готовы?

- Нет, не готов! Я даже не понимаю, что происходит... все будто ненастоящее, будто во сне... Будто не со мной происходит... Вы на самом деле хотите убить меня, выстрелить в меня?!
 - Разумеется. И хватит болтать! Мне кажется, вы слишком разговорились.
- Ну и что?! Я что, должен только слушать? Мне тоже хочется поговорить... перед смертью.
- Перед смертью не наговоришься. Хорошо, выкладывайте побыстрее, что хотели.
- Спросить хотел: а как же Бог? Бога вы не боитесь? Ладно, могу понять не боитесь последствий в обществе, в среде людей, за такого, как я, вряд ли люди потребуют с вас ответа... А как же Бог? Он накажет вас за невинно убитого...
- Вот с Ним я и собираюсь серьезно поговорить после содеянного. До этого, как ни старался посоветоваться, Он молчал. Теперь, я думаю, когда я перешагну через такой серьезный порог, как убийство, Он должен говорить со мной, должен пожалеть меня и понять... Ведь Он прощает виновных, до сих пор я был относительно невиновен, вот он и не считал нужным отвечать мне; на свете миллиарды людей в моем положении, всем не ответишь по мелочам, и Он прав, что молчал, а теперь... Впрочем, это слишком большая тема, слишком серьезная, вам не понять, и развивать эту тему сейчас и здесь я не намерен...
- А вы не бойтесь, развивайте. Времени до рассвета еще много. Обычно казнят на рассвете, разве не так, господин палач, или все же настаиваете на том, чтобы называть вас писателем?
- Нет, все-таки, думаю, вы не очень серьезно относитесь к происходящему. Вы должны проникнуться мыслью, что вот сейчас, через минуту умрете, вас не станет, перестанете существовать! Ясно вам?! Я хочу видеть настоящую реакцию смертника, а не клоунаду. Ну как, поняли? Готовы?
 - Нет, не готов.
- Впрочем, что я спрашиваю, к этому никогда нельзя быть готовым. Эй! Эй! Что вы де..!.. Ой! Хэк! Вы разбили мне нос, сволочь! Отдай пистолет! Руку, руку сломаешь, гаденыш!
- Ну, как видите, господин писатель, роли поменялись, и судьба отвернулась от вас, а точнее повернулась к вам задом, так что можете поцеловать свою судьбу в зад, пока живы. А вы как думали: я, по-вашему, должен был, как баран, подставиться под ствол? Что же вы, старик, на самом деле думали, что можете убить меня, что я вот так запросто дамся убить себя старому человеку, который и пистолета нормально не может держать в руках? Вы, может, и научились драться в молодости, но, как видно, давно разучились. А я не зря срок мотал, там у нас нередко происходили драки. А пистолет теперь у меня. Я, наверное, много говорю, да? Это от радости, что

встретил наконец-то умного человека, с кем интересно поговорить. Ну что ж, вы готовы умереть? Впрочем, вы совершенно правы, к этому нельзя быть готовым. Станьте чуть левее, чтобы сразу упасть в этот пруд, или как его там, Кровавый омут, прибавите в нем своей крови...

- Эй, эй, подумайте, что вы делаете! Ведь вас схватят, арестуют и снова отправят в тюрьму, откуда вы только что вышли! Одумайтесь!
- Вряд ли меня отыщут... Кстати, вытащите свой бумажник. Я в ресторане заметил, когда вы расплачивались, в нем полно денег. Они вам больше не понадобятся, а мне еще предстоит купить билет на поезд и уехать куда-нибудь подальше отсюда, где меня не найдут. А если даже найдут, меня просто вернут в тюрягу, но вернусь я туда уже авторитетом, за убийство почет и уважение среди мазуриков. А смертную казнь у нас в стране, как вам известно, давно уже отменили, так что, в худшем случае, поживу в тюряге. Кстати, спасибо за ужин, было очень вкусно. Бросайте бумажник на землю, я подберу, вот так, благодарю вас... сударь. Хэк! Слово какое сударь!.. Как я много говорю, однако, пора кончать, не то еще кто-нибудь припрется сюда среди ночи по ошибке, придется и его, безвинного, мочить... Теперь ваш писательский опыт обогатится небывалым ни у одного писателя в жизни событием вы умрете, но описывать уже это событие вам не придется. Может, мне попробовать, у меня за плечами тоже немало интересного, в основном криминального, а если еще сяду, то и времени будет хоть отбавляй, пиши не хочу! Как вы считаете?
 - Я-я-а сч-ч-итаю, ч-что вам не следует стрелять. Не надо!
- Что это вы заикаться начали, сударь, волнуетесь? Ну, правильно, вы ведь стоите перед вратами вечности. Ай-яй-яй! Оп-пять вы за свое! Я же сказал нельзя д-д-драться в вашем возрасте, это нелепо, нел-леп-по, от-тд-дайте, от-т-т-д-дайте, вам гов-ворю! Отцепись от моего горла! Ай! Что это!? Что вы наделали!? Кровь! Кровь хлещет. Вы попали в меня, ра... ранили! А-а-а!..
- Погодите! Это вышло случайно! Я не хотел...Ох, ох, фу-у-у! Не могу отдышаться... Что же это?! Я все-таки убил его?.. Фу-у!.. Чуть руку не сломал! Здоровый, дьявол!.. Нелегко же это у меня получилось, черт возьми! И совсем не так, как я предполагал... А ведь он мог бы убить меня в самом деле! Вот была бы потеха! Но, слава богу, все, в основном, пошло по намеченному сценарию, все пошло как надо, хоть и с небольшими отклонениями... Впрочем, с серьезными отклонениями... я не успел ощутить мгновение, прочувствовать, что совершаю убийство... Ах, эта нелепая, безобразная драка!.. Однако почему труп не тонет? Выстрелю еще раз. Вот так! Черт, у него же остался мой бумажник! Вот досада! А в нем деньги, мой старый писательский членский билет... Может?.. Нет, сейчас уже не достанешь, пошел на дно. Это же улика, да еще какая! Обнаружат в кармане трупа моё удостоверение... Ну и что?.. Заявлю об ограблении, заранее, сегодня же заявлю, пусть ищут... Пустяки... Теперь все это надо хорошенько продумать и прочувствовать. Прощайте, сударь, верно, рано вас выпустили из тюрьмы, что ж, судьба... Но почему у меня такое странное ощущение, будто я все это вижу со стороны?..

35

АББАС СИХХАТ

ГОЛОС ИЗ ШАМАХИНСКОЙ ПЛЕЯДЫ

Джамо Джабраилбейли (1887 – 1965) – выдающийся педагог, подвижник просвещения, одаренный литератор. На заре двадцатого века судьба свела его со славной плеядой творцов слова, связанных с Шамахой: Мирзой Алекпером Сабиром и Аббасом Сиххатом, ближайшим другом великого поэта-сатирика. Джамо Джабраилбейли поддерживал дружеские связи с А. Сиххатом до конца дней последнего (в 1918 году). Переписка между ними велась, в основном, как поэтический диалог. Одно из стихотворных посланий А.Сиххата, адресованное Джамо Джабраилбейли, переведенное мною, предлагаю вниманию читателей.

Сиявуш МАМЕДЗАДЕ

Любезный из друзей любезных, Джамо-бек! Души моей наперсник, Джамо-бек! Отрадный отзвук памяти моей И свет моих признательных очей!

Пошли Господь заслуженных щедрот Тебе на близящийся Новый год¹. И благо, что кончается зима – Новруз с весной пожаловал в дома.

Исход разлуке нашей настает, И нам с тобою встретиться черед. Метели, снегопады, холода Несут напасти в веси, города,

Садам – разор, посевам нашим – вред, Покоя в непогоду людям нет; Густой туман и лютые ветра, Унылая ненастная пора.

Пурга завоет, налетит метель, И хлопья лупят, хлещут, как шрапнель. И валом валит с неба снегопад, Распутицей и грязью мир разъят.

Нависнет над просторами долин Зловеще туча, словно цеппелин, Бомбит, громит осадками луга, И жизнь цветка обидно коротка.

Нахмурятся заснеженные горы, Огни согреть бессильны наши взоры,

³десь подразумевается день праздника Новруз.

И плачут сиротливо дерева, Обнявшись с чувством бедного родства...

Бесчинством роковым возмущена, Восстала на сражение весна, Велела двинуть воинство в поход, На поле брани повела вперед,

Решила жизнь повсюду возродить, Губительный мороз остановить. И затрубили теплые ветра, Пришла благословенная пора.

Растаяли сугробы и снега, Зазеленели сочные луга, Колосья ощетинили штыки, Сплотились веток дружные полки,

И ожила убитая земля, Очнулись червь, букашка, тля, Мортирами шарахнула гроза, Гремя, словно артиллерийский залп.

И стужа отступила с глаз долой, Попятилась враждебная зима, Окончилась метели кутерьма. Зима весенней армии сдалась,

И водворилась солнечная власть. И полчища бежали без оглядки, Куда-то делись жалкие остатки... Так победило воинство весны.

Ликуют все, от гнета спасены. Запели вдохновенно соловьи Во славу жизни, света и любви. И рад цветок, ликует вся природа,

Земля предстала раем для народа. И возвестила свой фирман весна: Пускай Новруз отпразднует страна! Вот так, товарищ и советник мой, Джамо,

Наперсник, собеседник мой, Джамо! Да будешь счастлив ты в родном краю – К Творцу молитву возношу мою. Весна пришла.

. И сгинул напрочь хлад. Родне привет прошу я передать.

Твой брат Сиххат 9 марта 1915 г.

ГАБИЛЬ

В ненастный день, под музыку дождя...

Завоет норд, нахмурятся бульвары, Намокнут городские тротуары, Ускорят шаг прохожие тотчас, И всколыхнется память. Так не раз С тобой гуляли, несмотря на грязь, В ненастный день, под музыку дождя...

Бушует норд, лупася в окна, двери, И дождь струится, и пустеют скверы, И прячутся в укрытья робко пары, И в слякоти и жиже тротуары, А мы в обнимку шествуем с тобой – Нам нипочем и ливень проливной.

Ярится ветер... Песни напевая, Былые встречи мне напоминая. Мелькнула девушка в окне трамвая, Жакетик сквозь стекло я вижу, вопрошая:

Не ты ли, дорогая, Привиделась в ненастный день, под проливным дождем?..

Бушует норд. И на душе – гроза, И каждая дождинка – как слеза. Тебя, тебя ищу опять глазами Под пасмурными злыми небесами В ненастный день, под музыку дождя...

Привычны мне свидания с тобой.
Привычку ты любовью назови.
А если истомился ты тоской,
Томленье – лишь иллюзия любви.
Божись, клянись в любви мне вновь и вновь,
Но клятвы, заклинанья – не любовь.
Воспой глаза и писаную бровь,
Твои восторги – это не любовь.
Иллюзиями чувства не живи,
Не ожидай ты от меня любви.
Не волен юность я назад вернуть,
И сердце в пламя страсти окунуть.
Где и на смерть готовая отвага,
Где сладостная жертвенная плаха?..

Листопад

Играют в нарды старики Под сенью городского сада, Глядят на зары сквозь очки, В глазах азарт или досада. Игрою тешится душа, Особенно, счет «пяндж-гоша» -«Пятерок пара» - хороша... Но тут в игру вмешалась осень, И морось омрачила просинь, Доска игральная промокла, Покрылась каплями, оглохла... Как ни шарахают они, Не слышно громкой стукотни. Пропал кураж, исчез азарт, Какой же смак от мокрых нард?.. - А может быть, прерваться нам? -Нахмурил брови Миралам. – Пожалуй, – буркнул Агабек И жестом показал наверх: - Земля вершит круговорот. И осень встала у ворот... - А там нагрянут холода, Зима, весна... И так всегда... - А мы-то как? И что нас ждет?.. - Для нам настанет наш черед... Как ни крути ты зары, брат, Отсрочки ты не жди от нард... Есть час восхода, час заката... Ты слышишь шелест листопада?

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

ХУДАВЕРДИ ДЖАВАД

ДОБРОТА, НАВЕКИ ЗАПЕЧАТЛЕВШАЯСЯ В МОЕЙ ПАМЯТИ

История знает личности, которые опередили время своим глубоким интеллектом, художественным и научным мышлением, но вместе с тем остались в людской памяти еще и в качестве воплощения доброты и человечности, переходя от поколения к поколению благодаря своим высоким моральным качествам. Одной из таких личностей был писатель, ученый, государственный деятель Мирза Ибрагимов, чья слава, авторитет и уважение перешагнули географические границы Азербайджана — человек, оставивший глубокий след в судьбах многих и многих людей, сыгравший важнейшую роль в решении целого ряда судьбоносных вопросов, человек, противопоставивший свою безграничную гуманность, доброту, милосердие, рожденную величием простоту неправоте и жестокости, человек, осветивший своими чистыми идеалами будущее целого народа.

Эта великая личность, посвятившая всю свою жизнь в эпоху Советского Союза развитию национальной идеологии и самосознания, приданию азербайджанскому языку статуса государственного, была охвачена скорбью по поделенной надвое родине, скорбью по народу, который периодически лишался своих собственных природных ресурсов. А вдобавок — подлость армян и боль за Гарабах... Он находил утешение в том, что изливал на белые страницы всё свое сердце, бьющееся любовью к родному краю и состраданием к своему народу. Его литературная деятельность, начатая юношескими стихами и рассказами, вознеслась на вершины искусства романами «Наступит день», «Великая опора», «Перване» и др., а также драматическими и художественно-публицистическими произведениями.

Наряду со всем этим вся душа Мирзы-муаллима была соткана из доброты. Он искренне гордился будущим Азербайджана — молодежью, которая усердно осваивала глубины науки и знания, он верил, что Азербайджан возродится и станет одной из цивилизованных стран мира именно за счет такой молодежи.

Мы были знакомы с жизнью и творчеством народного писателя Мирзы Ибрагимова еще со средней школы. Его полная нечеловеческих страданий жизнь, прошедшая сквозь суровое испытание временем, и в то же время его несгибаемая воля, являлись для нас настоящей школой. В этой школе мы прежде всего научились не бояться трудностей, проявлять крепкую волю под давлением обстоятельств, жить с любовью к Родине, влитой в сердца вместе с молоком матери, и бороться до самого конца ради поставленной перед собой цели.

Окончив среднюю школу, я сначала продолжил свое образование в Институте языков имени М.Ф.Ахундова, затем поступил на факультет журналистики Азербайджанского Государственного Университета имени С.М.Кирова. Мой приход в журналистику оказался вовсе не случаен. Еще со школьной скамьи я писал короткие

рассказы, стихи. Эти художественные тексты систематически печатались в ленкоранской газете «Ленинчи» (нынешний «Ленкорань»). В ту пору Мирза-муаллим завоевал огромное уважение и влияние не только в республике, но и далеко за ее пределами. Он был первым народным писателем в республике, удостоенным Международной премии Неру, председателем Комитета Содружества стран Азии и Африки и депутатом Верховного Совета СССР. Мирза Ибрагимов — действительный член-корреспондент Азербайджанской Академии Наук — одновременно возглавлял Союз писателей Азербайджана. Неустанная общественно-политическая, литературная и научная деятельность сделали его мудрейшим аксакалом республики. Гейдар Алиев, наш общенациональный лидер, награждая любимого всеми писателя почетным дипломом и звездой Героя Социалистического Труда, высоко оценил его титаническую деятельность именно с этой точки зрения.

Естественно, о Мирзе Ибрагимове, который всегда разделял боль народа, озвучивал эту боль с высоких трибун и впоследствии обращал в художественный материал, написано и сказано много. Его высокие моральные качества, а также выдающийся гуманизм и доброту можно расценить как дар человечеству. Обстоятельства сложились таким образом, что мне еще в студенческие годы пришлось найти прибежище в этом милосердии. С тех пор прошло много лет. Я, как поэт и журналист, неоднократно пытался поделиться с читателями своими воспоминаниями, связанными с этим замечательным человеком, но всегда передумывал, не умея подобрать достойных этой выдающейся личности слов. Однако время безжалостно спешит вперед. Прошедшие годы не смогли умалить мою любовь к великой личности Мирзы-муаллима и его вечному искусству. Уверен, если бы этот великий человек не пришел вовремя на наш призыв о помощи, то наше будущее оказалось бы плачевным!

...1971-й год. В ту пору мы снимали квартиру у одного армянина на улице Тимченко (старое название улицы) в Сабаильском районе Баку. Я учился на втором курсе Азербайджанского Государственного Университета имени С.М.Кирова (нынешний БГУ), а мой двоюродный брат – на первом курсе Азербайджанского Государственного медицинского института имени Н.Нариманова. Мы оба приходили домой во второй половине дня. Однажды, вернувшись домой, мы не поверили своим глазам. Прямо посреди комнаты болтался в петле повесившийся армянин. По сути, мы всегда жили с ним мирно. Ели вместе, вызывали врача при необходимости, даже гулять зачастую выходили вместе. Ему было 50 лет. По его собственным словам, ни в Армении, ни в Баку у него не было близких родственников. Он был так доволен нашей добротой и обходительностью, что частенько поговаривал: «Оставлю этот дом вам». Об этом знали и наши соседи, большинство которых составляли армяне и русские. Именно поэтому мы не стали заходить в комнату, не стали ничего трогать и позвали соседей на помощь. Пришли соседи и принялись нас подбадривать: «Не беспокойтесь. Он был вами очень доволен. И нам частенько об этом рассказывал. Он не стал бы ставить вас под удар. Просто его психологическое состояние не было в порядке. Он то и дело жаловался на свою болезнь. Говорил, что ребята никогда не оставляют меня одного, что они вызывают врачей, когда мне плохо, и содействуют, как только могут...» Мы так и не решились войти в комнату. Однако соседки-армянки переворошили всю комнату и обнаружили завещание – записку, прикрепленную с внутренней стороны двери. В нем покойный писал: «Я решил покончить с собой потому, что у меня нет никого на всём белом свете. Ребятами я очень доволен. Не обижайте их. Ведь они совершенно ни в чем не виноваты. Квартиру свою завещаю им. Ибо за все те два года, что мы прожили вместе, я не нашел в жизни никого ближе и надежнее...»

Несмотря на яростный протест соседей, нас привезли в полицейское отделение Сабаильского района. Следствие велось явно не в нашу пользу. Скажу прямо: чтобы закрыть дело, от нас требовали взятку. Мы рано потеряли своих отцов, потому материальное состояние наших семей было очень тяжелым. Мы вынуждены были работать по ночам и учиться днем. Следствие велось явно пристрастно. Завещание, написанное собственной рукой покойного, не принималось во внимание. Нам сказали, что будто бы мы приставили нож к горлу армянина и заставили написать эту бумагу. И затем добавили: «Ваши дела плохи. Вас ждет заключение под стражу, как мера пресечения».

Что же делать? Кого просить о помощи, чтобы восторжествовала истина? И тут нам невольно пришел на ум народный писатель Мирза Ибрагимов, которому с раннего детства выпала тяжкая доля, и чья жизнь прошла в лишениях и страданиях. Мы пришли в Союз писателей Азербайджана. В то время Мирза-муаллим являлся первым секретарем Союза. В тот день он принимал много важных гостей, но нам всё-таки удалось попасть к нему на прием. Он встретил нас радушно. Мы рассказали ему о своем плачевном положении. Он выслушал нас с особым вниманием и терпением, к концу рассказа выражение его лица изменилось. Чувствовалось, что он сильно раздражен.

– Армянин повесился?! – воскликнул он. – Вы-то тут при чем...

Затем он набрал чей-то номер. В трубке послышался голос:

- Главный прокурор слушает.
- Говорит Мирза Ибрагимов.
- Здравствуйте, Мирза-муаллим.
- Здравствуйте.
- Чем можем помочь, Мирза-муаллим? Будем рады выслушать.
- Да уж, рады... Бывшие репрессии продолжаются. Тогда весь цвет народа сослали в Сибирь и расстреляли. А теперь взялись за будущее этого народа...
- Мирза-муаллим, что стряслось? Вы наш аксакал, мы никогда вам ни в чем не перечили...

Мирза-муаллим рассказал о наших злоключениях во всех подробностях. Главный прокурор республики заверил Мирзу-муаллима, что данный вопрос в кратчайшее время найдет свое решение. Мы не знали, как благодарить любимого народного писателя за его гуманизм и доброту. Мы попрощались и уже собрались выйти из комнаты, но нас остановил его голос:

– С завтрашнего дня идите на занятия. Если возникнут проблемы, непременно заходите ко мне.

Не успели мы отойти от Союза писателей метров на двадцать, как нас окликнул чей-то голос. Мы обернулись и увидели пожилую женщину. Она протянула нам какойто пакет со словами:

– Мирза-муаллим помогает всем студентам. Тут и вам на карманные расходы...

С тех пор прошли годы. Я делился своими воспоминаниями, связанными с Мирзамуаллимом, в первую очередь с собратьями по перу, друзьями и товарищами, но так ничего и не написал. Однако не переставал упрекать себя в том, что до сих пор не вернул свой моральный долг и не поделился с читателями безграничной добротой этого великого человека. Наконец я написал свои заметки. На душе стало легче, спокойней. Будто с плеч сняли тяжкий груз. Ведь что бы я ни говорил, что бы я ни писал — всё мало. Люди рождаются равными, но мыслят по-разному. А главное — не каждому дано такое широкое и большое сердце. Именно потому я посчитал своим нравственным долгом воплотить в поэтических строках навеки запечатлевшуюся в моей памяти доброту народного писателя Мирзы Ибрагимова:

ОРЕЛ ИСКУССТВА

Светлой памяти народного писателя Мирзы Ибрагимова

Пламя творчества в сердце искрилось всегда, Вдохновенье его обратилось в поток. И «Опора» его поддержала народ, «Очаги» засияли – вот светит Восток.

Он велик был, летел, как орёл, «Перване» Охраняла народ свой от сглаза и зла. Быть заступником вовсе непросто, друзья, Он свой путь пролетел и расправил крыла.

На трибуны взошел он и к миру воззвал, Весь народ слово молвил устами Мирзы. Ни на миг от борьбы не устал, не упал, Не боялся Мирза ни дождя, ни грозы.

Горизонты искусства искал и нашел: «День наступит» – и свет победил темноту. И с бессмертных страниц услыхали мы все, Голос сердца, прорвавшийся сквозь немоту.

Никому никогда не под силу унять Правый голос народа – Мирза это знал. Он вернул языку, языку Физули, Высший статус бесстрашно – его идеал.

Сердце билось тоской, чтоб един был народ, Но Мирзу обвинили в чрезмерной любви. До последней минуты он жил и творил Ради Родины целой – и ты так живи!

Литератор, ученый, заступник людей, Свою жизнь поделил он на сотню частей. Был достойным он сыном народа, земли, Защищал своей грудью он тех, кто слабей.

Кое-как он справлялся – болел в сердце Юг, Но вдобавок пришла гарабахская боль. Его сердце сплошной стало раной живой, И тоска стала сыпать на рану ту соль.

Он дыханьем и сердцем, душою своей Был привязан к родимой, любимой земле. Хоть Мирза воспарял, видя Севера мощь, Но по Югу тоску он не мог одолеть.

Наша родина-мать призывает сынов, И Мирза, как всегда, отзывался на зов. Нашу родину-мать так терзали враги! Но Мирза воевал, ибо знал – есть Любовь!

Всю тоску по народу унес он с собой, Он в Почетной Аллее нашел свой покой. И страницы его, нет, не знают преград, Все границы сметают – и слепнет конвой.

Перед волей Мирзы и упорством Мирзы Даже время само умолкало тотчас. На вершине всех слов, на вершине добра, Как орел воспарил – и его слышен глас.

Ленкорань, 2017

МИРЗА ИБРАГИМОВ

ТВОРЕЦ ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ ГЕЙДАР ГУСЕЙНОВ

В жизни моей было немало удивительных страниц и встреч с замечательными личностями. С частью из них мы сотрудничали и общались месяцами, годами на одном поприще, но случались неожиданные превратности судьбы, когда наши путидороги расходились, и нас жизнь раскидывала в разные стороны. На первых порах мы поддерживали контакты письмами. Со временем переписка сходила на нет и прерывалась. Мы входили в круг новых знакомых, новых коллег.

И память о былых сослуживцах постепенно блекла, застилалась пеленой и наконец исчезала совсем. Я и поныне иногда встречаю их на случайных перепутьях. Кого-то сразу узнаю, а кого-то не могу припомнить. Мои чуткие визави подсказывают: мол, похоже, не узнал меня, помнишь, мы трудились тогда-то в таком-то ведомстве, в таком-то учреждении...

Я не могу припомнить, предпочитая отмалчиваться...Короче, после расспросов и уточнений завязывается разговор по душам.

Но не все мои былые знакомцы забываются. Их образы отчетливо проступают в зеркале памяти.

В чем же причина? Наверное, в неповторимости, незаурядности этих личностей, в яркости их натур, которые с первой же встречи производят на тебя внушительное впечатление, западают в душу.

Одна из таких ярчайших личностей на моем веку — Гейдар Гусейнов. Я был очарован его острым умом, глубокой эрудицией, широтой его души, прекрасным нравом и духовной высотой. Судьба свела нас в начале далеких тридцатых годов. То была пора крутых противоречивых переломов в жизни страны. Борьба за индустриализацию, за новую экономику разгоралась до апогея. Этой борьбе сопутствовала волна

массовых репрессий, безжалостное сортирование масс на «массовых врагов», аресты, ссылки, расстрелы, – бушевала политическая реакция.

Нас, тогдашнюю молодежь, тревожила трагическая участь тружеников села, ссылки тысяч людей, записанных в «кулаки». На фоне этого произвола индустриальное восхождение и культурные достижения связывались с именем «отца народов», что сбивало многих из нас с толку, мы опасались открыто высказывать свои суждения.

Но, находясь в своей среде, делились с единомышленниками тревогами и сомнениями, и такие искренние голоса не забывались. В их ряду были Гейдар Гусейнов, Самед Вургун, Расул Рза, Энвер Мамедханлы, Михаил Мушфиг. Я тоже не оставался «молчальником».

В ту пору у нас в республике не было ни Академии наук, ни республиканского филиала АН, существовал лишь Азербайджанский Государственный научно-исследовательский институт («АЗНИИ»). Он помещался в великолепном здании нынешнего президиума НАИ. Мы сотрудничали с АЗНИИ, который сыграл большую роль в нашем творческом становлении.

Новая власть уделяла большое внимание просвещению, ликвидации безграмотности населения со времен Наримана Нариманова; эта установка отвечала давнишним традиционным чаяниям народа, его лидеров-просветителей. Однако в 30-е годы все культурные инициативы и достижения принято было вменять в заслугу вождю — Сталину.

АЗНИИ в 20-е-30-е годы магнетически притягивал к себе молодых энтузиастов. При институте действовали подготовительные курсы, а также аспирантуры. Дипломированные молодые люди поступали в аспирантуру, а выпускники школы принимались на подготовительные курсы. В ту пору в аспирантуре учились Гейдар Гусейнов, Мамед Ариф, его супруга Зумруд-ханым и другие выпускники вузов.

- Я, по окончании техникума имени Лассаля, поработал на промыслах бурильщиком; затем поступил на подготовительные курсы при АЗНИИ. Здесь и состоялось мое знакомство с вышеназванными выдающимися творцами науки и литературы. К тому времени я дебютировал в печати с первыми пробами пера, и при встрече со мной Гейдар Гусейнов завел речь на эту тему.
- Писательство, стихотворство великое искусство, сказал он, заглядывая мне в глаза. И добавил: Это требует великого труда, таланта и способностей!

Память переносит меня в далекое прошлое. Я ни словом не обмолвился в ответ на высказывание Гейдара Гусейнова. Я и не думал, что мои первые публикации привлекут чье-то внимание. Но мне помнится, мы, молодежь тридцатых годов, обожали литературу и с нетерпением ждали очередного номера журнала «Ингилаб ве медениййет», который зачитывали до дыр...

В этом смысле Гейдар Гусейнов мне видится образцом для новой смены. Мне тогда казалось, что он не транжирит ни единой минуты своего времени попусту, что он постоянно читает, размышляет, пишет.

По сути, в этом нет ничего удивительного, он был и философом, и филологом, и литературоведом. Я по многу раз беседовал с ним об этом. Он говорил: «Человек, избравший себе поприщем философию, не может обойтись без художественной литературы, ибо без вторжения образного мышления в общественное бытие, без философского мышления невозможно представить социальную жизнь...По-моему, правы те, кто объясняет слабость художественных произведений неспособностью достичь

больших вершин, мелкотравчатостью, поверхностностью мышления их авторов...»

Гейдар Гусейнов особо подчеркивал роль общества, нравственных критериев в художественном творчестве и духовном развитии личности. Однажды, когда мы шли вниз по Коммунистической улице (ныне улица İstiqlaliyət), Гейдар Гусейнов завел речь на эту тему:

– Нет ничего выше для человека, чем честность. Я считаю унизительным утаивание мысли, высказывание того, что идет вразрез с тем, что на уме! Мне вспоминаются слова Наримана Нариманова: «Не приведи Боже, никогда не называйте белое черным, а черное белым!»

Между нами уже установились доверительные отношения. Гейдар перевел разговор с Нариманова на Зардаби, Гасымбека Закира, на Вагифа...Известно, что он был сведущ в нашей классической литературе, изучал и исследовал ее. Его труды по нашей классике значимы.

Он неустанно подчеркивал: литература и философия — в постоянном двуединстве. И он был прав: вспомним пример таких титанов, как Мирза Фатали Ахундов или Виссарион Белинский. Разве их литературные сочинения и статьи не блещут философским осмыслением художественных явлений? А как же! Лучшие их творения, посвященные художественно-эстетическим проблемам, привлекают читателя философским зарядом и увлекают к высотам познания. И нет на свете такого классического образца искусства, которое не покоряло бы сердце читателя своими философскими глубинами и нюансами. Не случайно художественные шедевры полнокровны не только в эстетическом отношении, но и в плане философской кондиции, являясь достоверным источником изучения истории философской мысли представляемого ими народа.

Исследования Гейдара Гусейнова отличаются литературным изяществом, а литературные критические работы насыщены философской основательностью.

В тридцатые годы это качество было равно редкостным и примечательным. Ведь наша философская мысль в ту пору делала первые шаги в постижении новой социальной действительности, проявляя интерес к раскрытию психологической эволюции человека. Эпоха в этом смысле представляла богатый материал для философской мысли. Разнообразие индивидуальностей, в особенности многозначность стилей партийной и государственной номенклатуры приковывает внимание.

При мысли о тех временах приходит на память частая перемена руководящих кадров.

За четыре-пять лет секретари ЦК в республике сменялись чуть ли не ежегодно. Нетрудно представить, как эта нестабильность сказывалась на нормальном ритме повседневной жизни.

С приходом Мир-Джафара Багирова на пост руководителя Совнаркома и вскоре на должность первого секретаря ЦК КП (б) республики ситуация круто переменилась.

Еще тогда в народе ходила противоречивая молва о нем: шли разговоры о том, что М.Дж. Багиров, с одной стороны, личность сильная, волевая, многоопытная, а с другой стороны, отмечали безжалостность, деспотичность его натуры. Конечно, мы, и другие представители интеллигенции, в том числе и Гейдар Гусейнов, не вели себя как сторонние созерцатели. Но и не лезли на рожон: наблюдали, размышляли, обменивались мнениями в узком кругу, между собой.

При случае Гейдар Гусейнов позволял себе достаточно осторожные и взвешенные отзывы о новом лидере республики, о его человеческих качествах. Его и всех

нас больше всего беспокоило то, каким человеком является первый секретарь ЦК.

Гейдара Гусейнова отличал очень широкий круг интересов. Он изучал литературу и культуру с древнейших периодов до наших дней, исследовал их, выдвигал идеи, ориентирующие нашу литературную мысль, публиковал статьи на эту тему. То есть в период правления М.Дж.Багирова ученый посвящал свою деятельность философским и литературным изысканиям.

Может быть, это было внешнее впечатление, а по сути его суждения и тезисы имели более глубокий прицел. В книге «Литературные заметки» (1945 год «Азернешр») он писал: «У нашего народа древняя история культуры и литературы, претерпевшая многовековое развитие. Наша литература во все времена являлась зеркалом, отражавшим общий уровень развития нашего народа, его культуру, его бытие, его духовный мир».

Эта ключевая, направляющая идея всего творчества Гейдара Гусейнова демонстрирует, каким темпераментным, проницательным, мудрым ученым и патриотом он был. Выводы, к которым он пришел в результате этих исканий, характерны и значительны. Логически убедительно раскрывая философское существо в национальных литературных произведениях, он писал: «Высокие общечеловеческие идеи и философские суждения нашего народа были сбережены в нашей литературе, передавались из поколения в поколение как величайший дар. В нашей литературе увековечивались памятники дум и чаяний, заветных устремлений и печалей, борений и триумфов нашего народа. И поэтому наша литература является гордостью нашего народа» («Литературные заметки»).

Далее в литературных статьях он отмечает с чувством гордости:

«Наша литература по истинной сущности своей – литература, насыщенная философской мыслью и умозаключениями».

Путь, пройденный Гейдаром Гусейновым, прокладывался трудом. Его творческая жизнь, философские, литературные искания и находки снискали ему глубокую любовь в сердцах интеллигенции и всего народа. Когда речь шла о философии и эстетике, он не уставал повторять, что философское мышление — это высшая форма человеческого разума и человеческого интеллекта.

Он был прав в отстаивании этих убеждений. Лично я придерживаюсь мнения, что философия — наука, которая вбирает в себя и интерпретирует сложные и многогранные проявления бытия, действительности, познания, раскрывающая и показывающая их потаённные стороны и сущность. Не будь этой науки, не будь этого факела познания, то тайны, разгаданные и постигнутые на протяжении тысячелетий в результате опыта, в процессе труда, так и остались бы покрытыми мраком неизвестности.

И это вовсе не значит, что ныне уже человек постиг все и вся, что все тайны жизни, природы в существе самого человека раскрыты и исчерпаны. Отнюдь нет! В нашем внутреннем и внешнем мире еще таятся нераскрытые тайны.

Философы давно предрекали, что сколько бы открытий ни свершил человек, сколько бы тайн ни разгадала объективная мысль, все же еще многие вещи, многие свойства будут ждать своих первооткрывателей. И поэтому живет и остается в силе мнение о недостижимости «абсолютной истины».

Один из тезисов Гейдара Гусейнова заключался в утверждении всепроникающей роли философии как самостоятельно существующей науки, воздействующей на другие сферы научного познания и отражения действительности. Поэтому во многих

литературах в области художественного познания и мышления, в их различных жанрах художники-мыслители, правдоискатели неизбежно сталкивались с необходимостью философского обобщения. Точнее говоря, есть литературы, где при наличии древней культуры философия, как наука, не получила системного, совершенного развития, и тем не менее, философские дефиниции рассыпаны в этих литературных текстах и фольклорных образцах.

В частности, в Азербайджане с его многовековой древней культурой, глубокие философские идеи в творчестве Мехсети, Хагани, Низами, изучали в сопряжении с художественно-эстетическими параметрами.

А в творчестве позднейших классиков – Насими, Физули – философские идеи выстраиваются уже в систему, и в ряде исследований, в том числе и у Гейдара Гусейнова, они трактуются в этой плоскости.

Конечно, великая честь – снискать высокое место в различных сферах науки, человеческими и творческими достоинствами возвыситься до ранга истинного творцапрофессионала.

И вдвойне почетнее, если художник сочетает в себе и талант, и человечность, нравственную чистоту и безупречность. Эти качества в Гейдаре Гусейнове проявлялись постоянно и преумножали его славу.

В связи с этим не могу не отметить один эпизод. Шла война. Гейдар Гусейнов всем своим существом воодушевлялся духом героического противодействия нашествию, охватившим советский народ, и решительно верил в обреченность и крах Гитлера: «Такой озверевший, потерявший человеческий облик разрушитель не может править бал долгое время, — говорил он. — Ты обрати внимание на его выступления. Его облик дышит злобой и отравой, его жестикуляция, интонация создают у меня впечатление, что это не человек, а хищный волк…»

Гейдар во всем был великодушен, открыт сердцем. В своих работах он тяготел к монументальности. Известно, что в ту пору у нас не было оригинальных трудов сугубо философского содержания. Гейдар Гусейнов явился пионером на этом поприще. Это был великий талант, в своих первых темпераментных работах он рассматривал и освещал историю национальной общественной мысли в органичной связи с шедеврами наших классиков. Эти шаги вывели его на широкое поле изучения общечеловеческой сокровищницы философии. Итогом явились отвечающие тогдашним запросам эпохи и науки статьи о «Книге судеб» из «Пятерицы» Низами, о Гасанбеке Зардаби, Самеде Вургуне, Сулеймане Рустаме и монументальная монография «История азербайджанской общественной и философской мысли XIX века». Мы не ошибемся, если скажем, что гуманизм – главный камертон, артерия этой книги. Данная работа снискала автору великую славу и …сыграла роковую роль в его жизни.

Эта «История...» была тепло воспринята не только в Азербайджане, но и в научном мире всего нашего Союза 1 , повсеместно говорили о ее большой научной значимости. Знаменитый востоковед, академик Крачковский, высоко отзывался о ней в письме автору: «Здесь обозначены многие вопросы нашего востоковедения в XIX веке».

В то время, когда книга вызвала одобрительный резонанс, я находился в Москве. Однажды мне сообщили, что со мной хочет повидаться Александр Фадеев, председатель СП СССР и председатель комитета по Сталинским премиям. Я являлся членом Комитета, и А.Фадеев при встрече с присущей ему деловитостью начал раз-

¹ Статья была написана до распада СССР – Ред.

говор с основного вопроса — с книги Гейдара Гусейнова. Сообщив, что это — очень значимый и ценный исследовательский труд, который намерены выдвинуть на соискание Сталинской премии, Александр Александрович поинтересовался моим мнением. Конечно, его намерение пришлось и мне по душе, и я заметил, что это — прекрасная инициатива. Тогда мне и в голову не могло прийти, что эта идея может кому-то не понравиться. Оказывается, у книги нашлись высокопоставленные недоброхоты.

Как только Союз писателей СССР выдвинул эту книгу в качестве номинанта на государственную премию, поначалу руководящие инстанцияи республики не высказали возражений. В ходе обсуждений в Комитете по премиям все в один голос хвалили книгу. И работа получила большинство голосов и при открытом, и при тайном голосовании. Поздравлявших Гейдара Гусейнова было не счесть. Но...

«Верхи» хранили молчание. Почему, по какой причине? Неизвестно...

Вернувшись в Баку, я столкнулся с непонятной обстановкой. Стоило завести разговор о выдвинутой на государственную премию и удостоенной ею книге Гейдара Гусейнова, самые доброжелательные люди смущались и спешили закончить разговор.

Вскоре выяснилось, что причиной этой неприятной атмосферы вокруг книги является сам Мир-Джафар Багиров. Я догадался об этом не по прозрачным намекам, а по откровенным признаниям многих, и меня охватила смутная тревога.

Через некоторое время в здании филармонии состоялось расширенное собрание, и там М.Дж. Багиров, придравшись к нетрадиционно положительным суждениям Г.Гусейнова о Шейхе Шамиле, учинил ему разнос. И посыпались обвинения в адрес Шамиля, как «турецкого агента», инсинуации о пантюркизме, панисламизме. Конечно, такие ужасные и внезапные «громы и молнии» не могли не потрясти автора правдивой и честной книги.

В жизни Гейдара Гусейнова началась черная, тяжелейшая полоса. Этот период был плохим не только для него, но и чреватым тяжелейшими последствиями для многих, для всех, лихолетьем, связанным с то утихающими, то вспыхивающими вновь пароксизмами эпохи культа личности. И что мог противопоставить Гейдар Гусейнов этой бушующей стихии, губившей сотни тысяч жизней?..

Он был загнан в угол, затравлен, и все помыслы его были о том, как спасти свое человеческое достоинство, как смыть грязное пятно, которым пытались запачкать его? Почему М.Дж. Багиров обрушился на Г.Гусейнова с такой яростью и злобой, почему обрек достойного ученого на обструкцию?

Очевидно, причины коренились глубоко – они заключались в полярной противоположности столкнувшихся антагонистов – тщеславного партийного деспота и тирана, и с другой стороны, ученого-гуманиста, искателя научной истины и правды.

Моя судьба сложилась так, что в различные периоды эпохи культа личности я работал вне Баку, вне республики: в 33-35-х годах был редактором нахичеванской газеты «Сурет», в 35-37-х годах учился в аспирантуре академического Института востоковедения в Ленинграде; в июне 37-го года, отозванный в Баку, я был назначен директором театра Оперы; месяца два-три спустя — начальником Управления по делам искусства. Тогда театр и филармония с большим пылом и усердием готовились к предстоящей Первой декаде искусств Азербайджана в Москве. Исходя из наблюдений тех лет хочу сказать, что М.Дж.Багиров был человеком очень сложным и противоречивым. Его деятельность не состоит сплошь из лиходейств, произвола и

бесчинств. Далеко от истины и огульное отрицание его положительных, плодотворных и справедливых дел.

В ноябре 1937 года ко мне в Комитет по делам искусств пришел наш знаменитый мастер сцены Мирзаага Алиев и, не сдерживая слез, поведал о своей тяжкой участи. Его, Фатьму Гадри, Мовсуна Санани уволили из театра (с ярлыком «врагов народа»!), и они были вынуждены подрабатывать выступлениями в выездной труппе в сельских районах.

В те дни меня вызвали на прием к Багирову: шла подготовка к Декаде, и он поинтересовался ходом дел, я доложил, сообщил о наших нуждах и заботах, напоследок сказал ему о том, что слышал от Мирзааги Алиева.

- Что ты предлагаешь?
- Восстановить артистов на работе, удовлетворить наши потребности в связи с Декадой.

По поводу последней моей просьбы он переговорил по правительственной связи с Совнаркомом и дал указание министру торговли.

Обратился ко мне:

- Завтра созовите актеров театра и восстановите всех троих названных на работе. Поняли?
 - Да, весьма признателен, с тем я и покинул кабинет.

Позднее и Мирзаага Алиев, и Фатьма-ханым, и Мовсун Санани при встречах со мной неоднократно вспоминали случай с увольнением и благодарили за «заступничество».

Конечно, говоря со таких решительных, широкимих жестах в деятельности Первого, невозможно забыть о случаях отрицательных и жестоких, о безжалостных поступках.

Один из очередных всплесков периода культа личности приходится на конец сороковых годов.

Известно, что в такие лихие времена иные люди зачастую менялись до неузнаваемости и шли на попятный.

Тогда идеологический залп в адрес оперы Мурадели «Дружба народов» и журналов «Ленинград» и «Звезда» вызвал в обществе кривотолки и спровоцировал инсинуации в духе нехорошей традиции. У нас тотчас принялись выискивать «симптомы» разоблаченных «пророков» и в литературе, и в музыке; создали даже специальные комиссии. Собрали «компромат», сочинили проект резолюции и вынесли вопрос на бюро ЦК.

На заседание бюро созвали, помимо официальных лиц, ряд деятелей искусств. Вел заседание М.Дж.Багиров. Заслушали письменные и устные сообщения, приступили к премиям. Главной мишенью критики стали не приглашенные на бюро Узеир Гаджибеков и Самед Вургун. И «пошла плясать губерния», всяк говорил, что заблагорассудится, катили бочку...и на кого? На славу азербайджанской музыки и азербайджанской поэзии, на двух великих художников! Выслушивать весь этот вздор было нравственной пыткой и трагедией. Я сидел в конце длинного стола, по левую сторону, лицом к морской бухте. Устремив взор в безбрежное пространство неба, я засмотрелся на просторы над морем, старался не слушать то, что говорилось. Или же выводил каракули на листке бумаги передо мной.

- Каково твое мнение?

Я поднял голову, оглянулся на голос.

– Эй, куда ты глазеешь, тебя спрашивают?

Я собрался с духом, встал. В глазах – туман, как бы никого не вижу, зажмурил глаза, раскрыл. И сказал:

– Я не знаю, почему Узеир Гаджибеков стал врагом номер один Азербайджана, тогда как его «Аршин мал алан» прославляет азербайджанский народ во всем мире! Я уже не говорю о «Кероглу».

Но измышления о двух «врагах народа» сбили меня с панталыку, мысли путались. «Может, это наваждение...галлюцинации?» – подумалось мне.

– Каково твое мнение? – багировский резкий и жестокий голос рубанул тишину как отравленный нож.

Случаются в жизни минуты, когда люди проявляют мимикрию, меняют личину, даже друзья поджимают хвост, малодушничают. И теперь, глядя на записных говорунов, слыша их вероломные наветы, я лицезрел такое хамелеонство...

Я продолжал:

– Не знаю, с какой стати Самед Вургун стал врагом номер один азербайджанского народа, тогда как его стихи повсеместно умножают славу Азербайджана...

Багиров сокрушенно замахал рукой, издав междометие: «эх-эх...».

- Садись. И ты недалеко ушел от них!..

Расскажу еще об одном трагикомическом случае и вернусь к трагедии Гейдара Гусейнова.

В конце 1941 года газеты опубликовали указ о наказании изменников родины на фронте и в тылу.

Определенные инстанции и лица, проявляя «бдительность», метали «громы и молнии».

Также и в Азербайджане нашлись ретивые стукачи, вынюхивавшие изменников, дабы продемонстрировать свой «патриотизм».

Служивший в ЦК помощник Багирова по фамилии Алиев, человек средних лет, позвонил мне: сегодня в 2 часа дня надо быть на приеме у Первого. Спрашиваю: по какому вопросу? Отвечает: признаться, не знаю.

Я вышел из управления за полчаса до назначенного времени. У ЦК встречаю Самеда Вургуна. Поздоровавшись, он с присущей ему улыбкой спросил:

- Айа, к добру ли, что за вопрос?
- Я и сам не знаю, Самед.
- Ладно, не скрывай. Скажи напрямик.
- И вправду не знаю. Не томись, чуть погодя оба мы узнаем обо всем.

Медленно прошли к лифту, поднялись, вошли в приемную. А там полно народу. Разношерстная публика. Ответработники Совнаркома, ЦК, ученые, актеры, музыканты, прочие...

Узеир Гаджибеков, стоя у окна, выходящего на нагорную часть города, уставился куда-то в пространство. Чуть справа от него — Мамед Саид Ордубади. Бок-о-бок стояли два артиста театра оперы — «А» и «Б». Самед Вургун, обозрев разношерстную галерею, сказал мне:

– Слышь, этот меджлис не на «бис», и зелье, похоже, не к веселью!..

Вскоре раздался звонок вызова. Алиев тотчас юркнул в кабинет и тут же вышел.

Зачитал фамилии руководителей правительства и пригласил их войти. Те вошли. Погодя снова звонок. Алиев вновь вошел в кабинет и вернулся:

– Всем, кроме «А» и «Б», войти.

Из этого явствовало, что с оными предстоит разговор особый.

В кабинете во главе стола восседал Багиров. По одну сторону от него – правительственные чины, напротив – расположились Узеир Гаджибеков, рядом – Ордубади, Самед Вургун, я и другие, сидим в ожидании, как развернется аудиенция.

Багиров произнес несколько слов о классовой бдительности и сообщил о наличии предателей в нашей среде. Затем предоставил слово тогдашнему министру МВД. Тот, поднявшись, извлек из папки бумажку, зачитал текст. Вкратце содержание гласило: по сообщениям агентуры, «А» и «Б», невзирая на их почетные звания, изъявляют желание: кабы поскорее дядюшка наш Гитлер явился и избавил нас от большевиков...

Раздались изумленные восклицания и междометия, и под их аккомпанемент Багиров нажал на кнопку звонка. Вошел Алиев.

Впусти их сюда!

Алиев ретировался, и следом появился «А», за ним – «Б», согнувшись в три погибели, поздоровались.

Багиров, не отвечая на приветствие, спросил:

- Ну, и когда придет ваш «дядюшка»? Когда он вырвет вас из наших рук? Я о Гитлере говорю!
 - «А» и «Б» переглянулись. «Б» устремил взор на запретную дверь.
 - Куда вы пялитесь? Я вас спрашиваю: когда придет ваш дядюшка Гитлер? «А» взял себя в руки:
 - Мой «дядюшка» это ты. Другого дяди у меня нет!

Грохнул хохот, утих. Заговорил «Б»:

- Хорошо сказано Физули: отдал я немало «джанов» (жизней), чтобы достичь такой «джанан» (возлюбленной). И пока тебя достиг я, натерпелся я от ран...Уж сколько времени пытаюсь дотянуться до твоего подола...
- Ты изгаляйся над собой! перебил его взъярившийся Багиров. И обвел взглядом присутствующих: Какие у вас предложения?

Воцарилась тишина.

- Какие у вас предложения? - Багиров повысил тон.

Ордубади, любивший шутку, попытался разрядить обстановку репликой:

Расстрелять обоих.

Прозвучал смех, тут же прервавшийся голосом Багирова:

– A чего их расстреливать? Даже не жаль советских патронов? На них хоть пару фашистов можно уложить...

Первый смерил ироническим взглядом «А» и «Б» и предложил им покинуть кабинет. Затем обратился к нам:

– Пусть это будет уроком для всех вас!

Действительно, за всеми разборками и испытаниями на «прочность» таился поучительный урок. И самый главный из них — не поддаваться соблазнам конформизма, не поступаться позицией, не идти на сделку с совестью, не кривить душой.

Коллизии последней поры жизни Гейдара Гусейнова и беспощадные императивы сталинского режима поставили великого ученого перед трагическим выбором – либо терпеть унизительные условия и оскорбления, которыми тебя гнобят и изничтожают, либо же...положить этому конец...собственной смертью, выразить ею про-

тест враждебной, господствующей воле!

Он избрал этот путь!

Не сразу, не в одночасье, а метаясь в стихии мучительных дум, несущих его то к одному призрачному берегу, то к другому, туманному берегу тьмы и исчезновения...ухода в небытие...но ведь он был философом, он привык считать, что жизнь — борьба! Но борьба с кем? Во имя чего? Будь это рыцарский поединок, дуэль, он бы не отступил в праведном, честном бою, не дрогнул бы перед каким бы то ни было лиходеем — палачом. А здесь — временщики, гнувшие спину перед сильнейшим, лебезящие перед ним и честящие его заглазно, двурушники, поддакивающие им шкурники! Те, у которых в груди трепетало сердце раба!

Даже нет, не сердце, а кусок мяса, напичканный страхом, и стоило им переступить через порог, войти к палачу, как они тряслись и теряли лицо!

А в груди у Гейдара Гусейнова билось гордое, горячее, измученное сердце. И он терзался гамлетовским вечным вопросом: «Быть или не быть?»

Он предпочел смерть унижениям. Это было его последнее решение. Последнее ли? Последнее, что связывало его с жизнью — был письменный стол. Стол, за которым он переносил на бумагу сокровенные, заветные, выстраданные мысли. А сколько еще невысказанного, недодуманного, непостигнутого! Всё это ждало своего часа, теснилось в голове — полифония философских, литературных, исторических тем, и они влекли его к письменному столу. Но когда его охватывал этот порыв, путь к столу преграждала зловещая грубая тень, будто вытесанная из дубового ствола.

Тень, окаменевшая в бакинских парках, застывшая истуканом, идолом. Он всматривался и видел палача, назвавшего Шейха Шамиля турецким агентом, поблескивавшего стеклами очков, постукивавшего карандашом, как державным скипетром... Переводил взгляд на каменного идола, преграждавшего ему путь к столу... Он погружался в воспоминания, отмахиваясь от навязчивых видений, и былые дни кинолентой мелькали перед его взором...и снова он видел себя на аудиенции перед самодержцем республики. И властитель издевательски переиначивал народную поговорку, твердя философу:

- Труса можно гонениями превратить в отважного! Гейдар отвечал:
- Нет, это не так. Народ говорит: отважного гонениями можно превратить в труса.
 - Ошибаешься, философ, гонениями храбреца можно перемолоть в подлеца. Гейдар отмолчался, вспомнил, как на миг задумался.

Чего можно было ожидать от самоуправца, фанатически верующего во всесокрушающую силу!

Горе нам! От такого не жди пощады! Значит, все дороги перекрыты. Нет выхода. Нет спасения от черного лиходейства...

Всплыли в памяти давние светлые дни. Бакинские улицы, полные улыбок, залитые солнцем.

Веселье, шутки, смех. Майские демонстрации в Баку... Красные полотнища, обещавшие свободу от имени рабоче-крестьянской власти Азербайджану с начала двадцатых годов.

Гейдар Гусейнов хорошо помнил это все. Эти воспоминания влекли его в другой мир. Переносили в дни, благоухающие весенним цветеньем. Майское ослепительно южное солнце, сады в молодой зелени, счастливые юноши и девушки, дети,

напоминающие роскошь цветущих лилий, роз, фиалок.... Эта благодать молодила и седых стариков, аксакалов, пенсионеров, зажигала в их глазах свет...

Гейдар думал, глядя на праздничный Баку: вот наша столица, город счастья нашего, очаг культуры, вот край высоких идеалов, гуманистических дум, горячих сердец, светоносных чувств. Вот многоязыкое братство детей разных народов, живущих в мире и согласии...

Иногда ему мечталось: вот если бы он был писателем, он бы запечатлел в слове свои романтические грезы, радости и удачи, пережитые в этом городе, выстроил бы в сюжет увиденное, и, наверное, сложилась бы целая эпоха.

Разумеется, это была бы эпопея с драматическими контрастами и диалектикой жизни – не только с радостями, но и с огорчениями и печалями...

Но никакие горести и печали не могли бы заглушить и погасить упоительную жажду ожидания, возвышения, полета, подаренную нам революционным Баку, ощущение окрыленности, главное Счастье!...

Вдруг он задался вопросом: отчего я унесся так далеко мыслями и памятью? Куда занесла меня фантазия? И перо...

Я хорошо знал мир моего друга, терзавшегося в мучительных вопросах, знал, как он был высок духом и впечатлителен, знал, какой он был мыслитель, какой философ.

Он не мог так проститься с жизнью, капитулировать перед злом, пока еще торжествующим! Ибо тиран, облаченный властью, откровенно оскорблял его.

«Храбреца переломишь в подлеца...» Чего ждать от такой персоны? От царька, запятнавшего себя и опоганившего жизни тысячи безвинных жертв. Как мог избавиться от гонений этого тирана человек, воплощавший в себе совесть и достоинство ученого? Конечно, он думал при этой душевной смуте о спутнице жизни, о детях; он верил, что они простят его!

«Они поймут меня!» - с этими словами он решился...

Поднялся на табуретку, закинул на шею петлю и отпихнул табуретку...

Черная весть разнеслась по городу: Гейдар Гусейнов ушел из жизни...

...Время восстановило справедливость. Время воздало должное памяти безвинных жертв, миллионов жертв, оценило их заслуги.

И Гейдар Гусейнов получил достойную оценку в памяти благодарного народа. Азербайджанский народ, научная общественность дорожит памятью о нем и будет дорожить впредь. И жить ему в сердцах и свершениях грядущих поколений!

Апрель-май, июль-август 1989г. (Статья взята из архива Мирзы Ибрагимова – Ред.)

ДЖАВИД ГАСЫМОВ

НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

Меня могут упрекнуть в том, что я в своем почтенном возрасте вновь возвращаюсь к этой набившей оскомину теме — теме любви, вызывая у многих снисходительную улыбку. На что я возражу им — эта тема неисчерпаема. Она вечна. И что делать, — добавлю я, — ведь если в молодости мы занимались любовью, то в пожилом возрасте приходится о ней писать...чтобы возродить и не дать угаснуть былым ощушениям...

Любовь в моем понимании это не только взаимочувственная психосексуальная связь между двумя людьми. Она более объемная, вездесущая, связывающая нас с Богам, природой на самом тонком уровне духовного восприятия. Пока существует человек с его индивидуальным восприятием мира, будет существовать не только тема любви, но и сама любовь. И не следует делить любовь на порочную и праведную, на разрушительную или созидательную...

Сострадание — еще одно великое чувство. Только благодаря чувству сострадания человек ощущает, что он в этом мире не одинок. Умение сострадать — это великое умение, когда человек физически ощущает чужую боль, страдание, несчастье. Ему становится не по себе от чужого горя... Соприкасаясь с чужим горем или болью и сострадая им, мы, может, и теряем душевное равновесие, — плачем, долго думаем об этом, не можем уснуть, привязываясь на какое-то время к чужому несчастью. Но взамен приобретаем подсознательную уверенность в том, что все мы не одни в своем горе, живем не вакууме, а в окружении и содружестве с единомышленниками или просто сочувствующими.

Два этих великих чувства — Любовь и Сострадание — должны служить тому, чтобы мы стали лучше и изменили к лучшему мир вокруг себя. И открыли внутри себя все наилучшее, о чем и не догадывались и все плохое, о чем и не предполагали.

Эльга и Манаф,

или

Сто лет скитаний с камнем за пазухой...

Любовь – как губка, впитывающая в себя радости и огорчения, возникшие и рухнувшие надежды, ощущение счастливого бытия и разочарование действительностью, она тождественна как счастью, так и несчастью...

Любовь – это необходимое человеку явление, проявляющееся совокупностью иллюзий и действительности, союз безумства с разумом, сказки с былью, сочетание бессознательного выражения личности с разумной мыслью о необходимости выбора.

Иногда, сталкиваясь с определенными событиями в окружающем мире, мы задумываемся: интересно, какие силы правят миром? Силы добра? Или же зла? Такие качества как властолюбие, тщеславие, гордыня? Или деньги — заинтересованность в их очень больших потоках, государственные интересы за мировое лидерство и расширение собственного влияния?

А может, человеколюбие? Или просто любовь? Любовь к чему? — спросите вы. К Богу? Истине? Созиданию, разрушению, к богатству, идее?

А может, правит миром не что, а кто?

Властолюбивые «выдвиженцы» своих народов, постепенно узурпировавшие власть над ними на долгие годы? Эти Фараоны, Атиллы, Александры Македонские, Юлии Цезари, Чингисханы, Тамерланы, Баязеты, Наполеоны, Гитлеры, Сталины?

Каждый — в определенный период развития человечества? Или— когда приходит время его разрушения?

Если внимательно присмотреться к мировой истории, отбросив все панегирики, написанные в их честь «серьезными» лизоблюдами, то обнаруживается определенная закономерность: все они пришли в этот мир, чтобы его разрушить. Кто эти люди и что они оставили после себя своим народам и человечеству в целом? Эти выдающиеся полководцы и государственные деятели в одном лице?

Разрушенные города и страны, нескончаемые войны и сражения, миллионы погибших в этих сражениях и казненных, пролитые моря крови немощных стариков, женщин и младенцев?

След в истории как кровавую Память?

Миллионы проклятий, посланных им вслед, соединившиеся в небесах в одну разрушительную силу и довлеющие над их потомками до последнего колена?

К сожалению, мы всегда забываем, оправдывая эти кровавые и разрушительные войны государственными интересами и скачком цивилизации, о постулате «одной слезинки ребенка», выдвинутом когда-то Достоевским...

Так кто и что правит миром? Какие силы, какие законы? Человеческие или божественные?

Воля или смирение? А может, агрессия?

Внутренняя, заложенная в человеческие гены потусторонними силами из космоса, запрограммировавшими человечество на многие века вперед, чтобы оно развивалась до определенного уровня, а потом саморазрушалось? Развивалось и разрушалось, развивалось и разрушалось — и так бесконечно, по спирали?

А если все это переиначить и предположить, что миром все же правит любовь? Кто знает... Ученые пока не определили...

Но вы можете возразить: разве Лейлы и Меджнуны, Тристаны и Изольды, Ромео и Джульетты, юные Вертеры, Татьяны и Онегины, Асли и Керемы смогут противостоять той глобальной агрессии, которая охватила все человечество? Смогут. Не они лично и разрозненно, но их дух любви и человеколюбия, витающих в воздухе и подпитывающих человечество ежеминутно, ежесекундно.

А что такое любовь? – спросите вы, – и вопрос останется открытым и повиснет в воздухе. Думаете, я знаю?

Вы спросите меня: дожили до почтенного возраста и не познали любовь? Ее сладости и горечи?

Познал. Но дело в том, что любовь — это беспредельное море ощущений различной глубины, которые у каждого проявляются по-разному. Любовь может быть фанатично-безумной и эгоистично-собственнической, ревниво-агрессивной и жертвенно-выдержанной.

Разная бывает любовь... сколько людей, столько и видов любви...

...Все началось с шума в коридоре перед палатой, где находился на очередной процедуре диализа Манаф Ашуров. Он уже целый час в одиночестве лежал в двухместной палате и скучал. Внезапно возникший шум отвлек его от горьких мыслей, и он с интересом начал прислушиваться. Вдруг двери его палаты распахнулись настежь. Двое мужчин в сопровождении врача неотложки внесли на руках совершенно бледную женщину в бессознательном состоянии и уложили на соседнюю кровать. Манаф с интересом смотрел то на женщину, то на небритых мужчин. Черты их лиц показались ему знакомыми – то ли грузины, то ли армяне. Скорее всего, армяне – с присущей им безапелляционностью, игнорированием чужих проблем, ощущением собственного превосходства над всеми. Тут у изголовья новоприбывшей больной послышалась тихая, но ожесточенная перепалка – мол, почему поместили нашу больную в одну палату с мужчиной, да еще с азербайджанцем (видимо, уже навели справки). В принципе, они были правы - по нашему кавказскому менталитету нахождение мужчины и женщины в одной палате – это нонсенс. Но им так же тихо и ожесточенно объяснили, что это временно, в других палатах мест нет, только в этой, и то случайно. Пациент этой койки, который должен был находиться сейчас на процедуре, позвонил и попросил перенести ее на вечерние часы. Промычав что-то сквозь зубы по-армянски, мужчины вышли из палаты, оставив женщину на попечение врачей, которые уже колдовали над ней. Подключив женшину к искусственной почке и мониторам, медики удалились, оставив их одних в палате. Артериальное давление у нее было очень высоким – 190/130. Однако через некоторое время монитор начал показывать постепенное снижение. Женщина пошевелилась и открыла глаза. Их взгляды встретились. В ее глазах не было страха и тревоги, а только удивление.

– Где это я и что со мной произошло?

Она высказала эти слова на армянском. Манаф немного знал этот язык, но, не подав виду, что понимает ее, нажал на кнопку вызова и через несколько секунд в палату вошла врач — моложавая дама в очках. Манаф видел ее впервые.

Она вопросительно посмотрела на него.

- Доктор, ваша пациентка пришла в себя, и я поспешил сообщить вам об этом.
- Спасибо.

После этих слов она присела на стул рядом с ее кроватью, взяла карту с ее данными и спросила:

- Мартиросова Эльга Вагановна, 32 года?
- Да. Что со мной было, доктор? спросила больная уже на русском.

Не отвечая на вопрос, врач снова спросила:

- Вы совершенно не помните, что с вами произошло, и наблюдались ли подобные состояния раньше?
- Сознания я никогда раньше не теряла, однако артериальное давление у меня последний год сильно повышалось, и я страдала от мучивших меня постоянно головных болей. И в пояснице постоянная тупая, тянущая боль. Мои братья, наверное, сообщили вам, что у меня давно проблемы с почками. Постоянно принимаю болеутоляющее, спазмолитики, антибиотики. Держалась только на них. Неделя, как приехала в Москву, и вот, очутилась в больнице. Дома говорили, что в Москве мне помогут, и я надеюсь на это...

«Ничего, сносно изъясняется по-русски», – подумал Манаф, прислушиваясь к их разговору.

Врач сидела лицом к Манафу, и он видел, как ее лицо постепенно мрачнело, каменело... Но вдруг она расслабилась, улыбнулась:

– Бог в помощь. У вас очень серьезное состояние, почки отказали – можно сказать, что совсем перестали работать. Будем надеяться, что сможем вам помочь. А сейчас вам необходимо получить несколько сеансов диализа, чтобы почки могли отдохнуть и постепенно восстановиться. Лежите спокойно и не расстраивайтесь.

Она снова посмотрела на монитор и вышла из палаты. Некоторое время в палате стояла тишина, только монитор издавал ритмичный, характерный звук.

- Вы давно здесь лежите? спросила женщина.
- Около двух часов. Моя процедура скоро закончится, а ваша еще продолжится около трех часов.
 - Откуда вы?
 - Из Москвы.
 - Но на москвича вы не похожи.
 - А что, москвичи выглядят по-особому?
- Простите, я не то хотела сказать. Просто на русского вы не похожи. Откуда вы родом?
 - Из Азербайджана. Но вот уже 10 лет живу в Москве.

Лицо женщины напряглось.

– А я из Еревана.

В ее голосе прозвучали еле ощутимые нотки вызова.

- Вас смущает, что я из Азербайджана?
- Нет. Но я даже и во сне не могла бы представить, что могу оказаться в одной палате с азербайджанцем...
 - Хм... пути, как говорят, господни неисповедимы...

На лицо молодой женщины постепенно возвращались краски, бледность отступила, и она даже попыталась улыбнуться, но улыбка получилась вымученной и страдальческой – видимо, она еще чувствовала себя очень слабо.

- У вас сейчас что-то болит? спросил Манаф.
- Просто некоторая внутренняя тревога, но она всегда возникает, когда повышается давление. Сейчас уже относительно лучше.

Манаф смотрел на нее. Женщина была необычайно красива, и не просто красива, а очень привлекательна – даже в таком болезненном состоянии. Особенно когда пыталась улыбаться.

- Может, стоит нам познакомиться? Может, это знамение какое-то: девушка из Еревана, мужчина из Баку? И в одной палате... Хм... чудеса и только...
 - Меня зовут Эльга.
 - А меня Манаф. А то, что вам 32 года, я уже знаю. А мне 42 года.
- А чем вы занимаетесь? Торгуете, небось, на рынке турецкими помидорами?– в голосе Эльги пробились нотки сарказма.
- И правда торгую. Но не на рынке и не помидорами. А недвижимостью. У нас небольшая строительная компания. Правда, работать мне теперь удается с трудом, а точнее, совсем не удается. Так, формально присутствую. Я когда-то создал эту фирму. Теперь работают, в основном, родственники. А я числюсь директором. Тоже формально.
- А я педагог музыки, преподаю в музыкальной школе. Преподавала... А теперь вот не знаю, смогу ли снова работать...

Тут в палату вошла медсестра.

– Ашуров, готовьтесь, через десять минут закругляемся. Вас уже ждут, – с этими словами она вышла.

Манаф виновато посмотрел на девушку, как бы прося прощения за то, что уходит и оставляет ее одну наедине с болезнью.

- До свидания, может, когда-нибудь и свидимся...
- Прошайте.

Через день, когда наступило время очередной процедуры, он, переступая порог клиники в сопровождении своего родственника, не предполагал, что снова может встретиться с Эльгой. Все эти два дня он только и думал о ней. О ее красоте, о ее вымученной улыбке, которая делала ее такой привлекательной. При всей тяжести ее состояния она казалось ему очень загадочной.

Таинственность ее глаз даже приснилась ему во сне. Они смотрели на него, не мигая, словно просили о помощи, потом выражение ее лица сменилось высокомерным взглядом недоступной женщины. Он не переставал думать о ней, хотя прекрасно понимал, что та их встреча произошла совершенно случайно. Да и родственники Эльги больше не допустят, чтобы она вновь оказалось в одной палате с мужчиной, да еще с азербайджанцем. Правда, Москва в последние годы стала толерантным городом, Манафу не раз приходилось сталкиваться по бизнесу с армянами, и все проходило достаточно спокойно, в атмосфере дружеского взаимопонимания. Бизнес есть бизнес. А тут совершенно другая ситуация. Поэтому, когда он переступил порог палаты в сопровождении медсестры и увидел на соседней койке Эльгу, он даже вздрогнул от неожиданности, настолько был уверен, что больше никогда ее не увидит.

- Вы, я вижу, не рады нашей встрече?
- Я очень удивился. Вы со мной так решительно попрощались, что я подумал: в следующий раз мы встретимся только в Ереване.
 - А вы на свидание ко мне в Ереван приедете верхом на танке?

Опять в ее голосе проскользнули нотки сарказма. Но уже без высокомерия.

Он молча ей улыбнулся, располагаясь на своей кровати в ожидании подключения к аппарату искусственной почки. Он уже чувствовал разбитость в теле и шум в ушах, но сознание оставалось ясным. Процедура подключения отнимает не очень много времени: буквально через 20-30 минут он ощутил в теле облегчение. Они в палате были одни. Он внимательно посмотрел на нее. Сегодня она была накрашена, нарумянена, как будто готовилась к встрече с ним. От нее исходил тонкий аромат духов, который создавал в палате атмосферу легкости и тепла.

- Как вы себя чувствуете, Эльга?
- Намного лучше, чем в прошлый раз. Но в теле чувствуется сильная слабость. Да и аппетита нет, ем с трудом, насильно.
- Так бывает в течение первых двух недель, а потом организм адаптируется к новым условиям, если, конечно, вы не пропустите процедуру.
 - И долго это будет продолжаться?
- Пока деятельность почек частично не восстановится и необходимость в диализе отпадет.
 - А если не восстановится?

Манаф промолчал. У него язык не поворачивался сказать ей, что если не восстановится, то продолжаться это будет до конца ее жизни. Если не пересадят ей почку кого-нибудь из родственников. Манаф уже полгода как ждал соответствую-

щего донора. У его брата и сестры тоже проблемы с почками, но, слава богу, не до такой степени, как у него. Это у них, как говорили врачи, наследственное предрасположение к почечно-каменной болезни... и отец их умер оттого, что отказали почки.

- Так что же будет, если почки не восстановятся? настаивала на своем Эльга.
- У вас восстановятся. Вы очень красивая женщина, и бог не позволит, чтобы вы страдали...
- Значит, мое состояние зависит от божьей милости? Да вы проповедник! Вам бы проповеди читать...

Манаф уже не слышал ее ироничного тона, он зажмурился от преследовавших его ужасных, заставляющих стынуть кровь картин Ходжалинской трагедии... нет, наверное, ни одного азербайджанца, которого время от времени не преследует эта вопиющая, несоизмеримая с представлениями о человеческих ценностях конца XX века картина — когда с земли поднимали трупики застреленных младенцев.

У каждого народа есть свои трагедии: у французов – Варфоломеевская ночь, у .вьетнамцев – Сонгми, у евреев – Холокост, у поляков – Хатынь, у боснийских мусульман – Серебреница, у азербайджанского народа – Ходжалы...

- А вы женаты? голос Эльги прервал мрачные видения Манафа.
- Нет, я разведен.
- У вас есть дети?
- Да, дочь, она сейчас живет со своей матерью в Баку.
- А у меня нет детей, глаза Эльги наполнились слезами, пришлось прервать беременность на четвертом месяце из-за проблем с почками. Врачи запретили беременеть вообще. Сказали, что с таким здоровьем не выживу и ребенка не доношу... И вот я одна...
 - A муж?

Теперь она промолчала, а Манаф не настаивал на ответе. Манаф видел, что она что-то хочет сказать, но мнется, не решается... Манаф ее не торопил. После некоторой паузы она неожиданно для него проговорила:

- Прошу вас, если вам не в тягость и не случится что-то важное для вашего здоровья, не меняйте, пожалуйста, палату... Мне, сама не пойму, почему, становится легко в вашем обществе... Я уже сказала братьям, чтобы они не настаивали... Они мне не перечат, я единственная сестра у них, самая младшая... И больная... Хотя как вам будет угодно.
 - Мне будет угодно находиться возле вас...

Она вдруг покраснела — если так можно назвать легкий румянец, проступивший на ее бледном лице. Ведь это была только вторая их встреча. Первая длилась не более двух часов. Но, видимо, этих двух часов хватило для того, чтобы у обоих одновременно что-то сместилось внутри, и они, подсознательно ощутив родство душ, двинулись навстречу друг к другу. Чего не смог бы сказать и сделать Манаф, сказала Эльга. Манаф удивился ее смелости, ее внутренней воле. Потому что не каждая восточная женщина, да еще армянка, да еще азербайджанцу могла бы первая сказать о своей симпатии. Эльга, не задумываясь о последствиях, высказала то, что вот уже два дня так волновало обоих.

Какие-то невидимые и необъяснимые нити связали ее с Манафом.

После ее слов Манаф вдруг почувствовал, что в нем поднимается волна воодушевления. Отчаяние сменилось надеждой, упадок веры в собственное исцеление переродился в жгучее желание выжить.

— Эльга, вы такая красивая, что я забываю о том, что я больной и нахожусь в палате. Невозможно быть рядом с вами и не желать вас снова увидеть. Я не замечаю рядом с вами, как утекает время, как проходит моя кровь по искусственным сосудам и снова возвращается обратно. Эти два дня я все время думал только о вас и сожалел, что больше не увижу вас. Видимо, такова воля божья — примирять непримиримых, усмирять ожесточенных, содействовать навстречу идущим...

...Три раза в неделю по четыре часа они проводили в одной палате. Они даже не заметили, как любовь вошла в их души, заставляя забыть обо всем на свете, даже о собственных болезнях. Они подпитывались друг от друга, удлиняя и делая осмысленной свою жизнь, ибо любовь, возникшая между ними, вселяла в их сердца надежду на чудо — на чудо выздоровления.

И, как ни странно, даже близкие родственники не решались вмешаться в их отношения, видя, как благотворно сказываются эти отношения на их физическом состоянии.

…Процесс очищения крови только начался. От Манафа не укрылась ее небольшая одышка — Эльга всегда с тревогой воспринимала начало этой процедуры. Протянув руку, Манаф взял ее пальцы в свою ладонь.

Как бы я хотел иметь от нее детей, – думал про себя Манаф. – Жаль, что это невозможно. Мы оба больны. И очень серьезно. При беременности и у здоровых женщин порой отказывают почки, а у нее они совсем не работают. Она не сможет родить, а я не смогу ее покорить... Чтобы покорить Венеру, необходимо быть Марсом. А я далеко не Марс...

Да и кто ей позволит сойтись с азербайджанцем?! Это с виду они дружелюбны вдали от своей родины. Но внутренняя несхожесть, подпитываясь идеями национальной вражды, всегда заставляет нас держаться настороженно друг к другу. Ведь враги же... И государства наши в состоянии войны. Но бог свидетель, — думал Манаф, — не мы начали это противостояние, не мы внушали нашему народу с самых малых лет, что турки и азербайджанцы их кровные враги, не мы вкладывали в их души образ непримиримого врага в нашем лице.

Он был уверен, что ни азербайджанцы, насильно выдворенные из своих действительно исторических земель в Армении в одном нательном белье, ни армяне, выехавшие из Азербайджана, обменяв свои жилища и собрав свои пожитки, никогда не вернутся обратно. Но он в душе хотел примирения — на честных условиях. Но он также твердо знал, что ни один азербайджанец никогда не согласится отказаться от завоеванных армянами азербайджанских земель взамен примирения. Это должно произойти за счет осмысления нашими народами того, что ненависть в душах — это не самый лучший путь к лучшей жизни.

Нельзя передавать ненависть с одного поколения в следующее, загрязняя души и помыслы своего народа. Нужно очищать свои души изменением образа мысли, перестроить эти изменения на взаимосозидание, взаимоуважение тех ценностей, которые были накоплены нашими народами веками.

Это не произойдет так быстро, как хотелось бы, армянский народ должен осознать необходимость этих морально-этических изменений. Армянская национальная ИДЕЯ должна расстаться с проповедованием насилия и ненависти, наполниться уважением и терпимостью к другим народам.

Так думал Манаф, полулежа на своей кровати и не выпуская из своих руки пальцев Эльги.

Эльга тоже дремала, иногда шевеля пальцами, когда чувствовала, что они немеют. Манаф перестал думать о своем, переключив внимание на Эльгу. Он не мог не влюбиться в эту красивую женщину, в ее выразительные глаза, полные печали и все же иногда искрившиеся лукавством. Даже в таком тяжелом состоянии молодой организм Манафа трепетал при виде Эльги, все в нем тянулось к ней. Но у него не было возможности встречаться с ней вне стен этой больницы.

После окончания диализа они уходили из больницы в сопровождении родственников, чтобы через день встретиться вновь. Но этих встреч было мало для него, очень мало.

Он очень скучал по ней, по ее глазам, по ее мелодичному голосу, по ее телу, которое, даже будучи под простыней, выделялось своим изяществом. Манаф чувствовал, что и Эльга тянется к нему душой и телом. Он даже чувствовал, как его возбуждение передается ей, когда он брал ее руки в свои. Он не позволял по отношению к ней ничего лишнего, хотя его губы так и тянулись к ее губам... Нужно было видеть, с какой нежностью светились глаза Эльги в такие минуты. Если бы можно было перенести эту нежность на весь мир...

Все забывалось, когда они оставались наедине...

- О, Боже, думал Манаф, помоги разрешиться этой вражде миром, помоги армянскому народу одуматься, измениться, покаяться, чтобы они смогли снять этот вековой камень ненависти со своей души...
 - Манаф, нарушила тишину Эльга, ты любил свою жену?
 - Да.
 - А почему разошлись?
 - Долгая история долго говорить.
- Два года и я была замужем. Во время беременности я, кажется, тебе уже рассказывала отказали почки. Оказывается, они были давно больными... А мы и не знали. Через год мы расстались. Он очень хотел детей, а я уже не могла... Его родители настояли. Ты же знаешь, как это бывает у нас, да и у вас тоже... Они говорили ему, я слышала, «зачем тебе инвалидка, у нее увлажнились глаза, сколько здоровых девушек вокруг»... Так и отбили у меня мужа. Я не сопротивлялось, да и что я могла сделать... И действительно, инвалидка ведь...
 - А ты любила его?
 - Наверное... сейчас точно не могу сказать... я его давно простила...
 - Жалеешь, что расстались?
- Уже не жалею... Если не расстались бы и я не заболела, то не встретила бы тебя...
 - Мы не сможем быть вместе...
- Я знаю... но разве мне могут запретить мечтать? Разве смогут влезть в мой мозг и вытиснуть тебя оттуда?
- Извини, Эльга, они могут влезть в мозг не только одному человеку, но и целому народу, сея ненависть и недоверие... Вместо того, чтобы сеять и выращивать добро и любовь...
- Опять ты за свое, Манаф. Оставь, пожалуйста, свои вечные проповеди...– Эльга состроила обиженную мину, давай лучше... поговорим о любви, обида сменилась кокетливой улыбкой. Что еще нам остается любить на словах и в мыслях...

Помолчав, Эльга спросила:

– Манаф, а ты веришь в сказки?

- В какие? Которые бабушки и дедушки рассказывали? Или которые рассказывают врачи?
- Нет. Которые сохранились в твоей душе и которым веришь вопреки здравому смыслу.
 - Ты говоришь о сказках или чуде?
- Не знаю... Может, о том и о другом. Хочется верить и сказкам, и чудесам, которые могут произойти с нами.
- Люди со временем, Эльга, становятся циниками. Чем человек опытнее, тем циничнее... Чем циничнее, тем меньше сказки в его душе...
 - Я тебя очень люблю, Манаф...
 - Я тебя тоже очень люблю, Эльга.

Каждый из них думал о своем и в то же время друг о друге. Пустота и отчаяние, появившиеся в их сердцах после болезни, постепенно сменялись Любовью и Надеждой, Верой в то, что может произойти то самое маленькое чудо, которое высветит в их душах и осуществит сказочное желание выздороветь. Выздороветь и соединить свои сердца.

Не может существовать жизнь без любви. К богу, к природе, к ближнему и к любимому... Может, цивилизации, существовавшие до нас, и вымерли только потому, что вымерла любовь в их жизни. И жизнь эта потеряла смысла... Кто знает...

А Манаф и Эльга обязательно соединятся – если и не в этой, так в другой, следующей жизни. Соединятся и проживут долгую и счастливую жизнь. Потому что любовь, как и энергия, не может затеряться в пространстве.

Так что же правит миром? Неужели все же любовь?

Любовь к ближнему, которая направлена к Богу – к сожалению, мы о ней постепенно забываем, вытесняя ее любовью к деньгам, богатству, сексу, земным удовольствиям...

Любовь к природе – которую мы безжалостно разрушаем?

К детям – которых мы развращаем излишней любовью или же избавляемся от них абортами?

К родителям – которых иной раз, чтобы не заботиться, помещаем в дома престарелых или того хуже, в клиники для душевнобольных?

Такая любовь?

С такой любовью в душе мы далеко не продвинемся, – и сохрани Бог нашу цивилизацию, чтобы она не повторила пути предыдущих...

Р.S. В середине семидесятых годов прошлого столетия Мосфильмом был снят фильм о 26-ти Бакинских комиссарах. Он был широко показан в прокате во всем Союзе. Там был один эпизод, когда на кладбище двумя людскими потоками, — азербайджанским и армянским, — привезли два гроба с трупами якобы павших в ночной перестрелке азербайджанца и армянина. Уже назревало очередное междуусобное побоище. Тут один из комиссаров своим окриком остановил поток воинственно настроенных друг против друга азербайджанцев и армян. И раскрыл крышки гробов. Там вместо трупов в каждом гробе лежала груда камней. Это была очередная провокация как с одной, так и с другой стороны. (в фильме так было представлено).

Но дело было не в этом. Даже не в комиссарах, которые кстати принесли большие беды азербайджанскому народу, хотя и назывались «бакинскими» (ничего ба-

кинского в них не было). А дело было в самих камнях. Камни эти как будто олицетворяли все помыслы обоих народов на то время, выражая весь внутренний гнев, ненависть, чувства мести друг к другу.

К счастью, азербайджанский народ смог полностью освободиться от этого каменного груза, приобретя душевное равновесие. Но, к сожалению, армянский народ так и не смог избавиться от вековечного ношения «камня за пазухой», который балластом тащит их вниз, в пропасть, обрекая на вечные скитания по миру в искании счастья и успокоения.

Да поможет им Бог, чтобы они через покаяние и очищение собственных помыслов, путем внутреннего изменения, наконец-то познали истину в том, «что не стоит все это одной слезинки ребенка», и что счастье в мире и в душах построено не на слезах и несчастьях, а на Любви и сострадании.

О душах, которые все же придут на землю...

В недавно показанном фильме про крестоносцев рыцарь-крестоносец спрашивает юношу, желающего вступить в их ряды:

- Ты когда-нибудь убивал?
- Нет. Никогда.
- Тебе будет очень тяжело. Убивать очень плохое занятие...
- Даже во имя свободы?
- Даже во имя Бога...

Червь червю: «Мы — существа бессмертные. Мы пережили все катастрофы на земле и выжили. Мы незаметны. Но смогли внедриться во все живое и неживое. И смогли плодиться. А вот посмотри на людей. Нет на земле глупее и наивнее существ, чем люди. Они думают, что, при жизни презрев и стараясь истребить нас, после смерти скрываясь за каменными плитами и в дубовых гробах, они избегнут встречи с нами. Какой самообман! Даже если их поместят в железные саркофаги, это не поможет их телам избежать встречи с нами. Потому что мы — не снаружи, а внутри них. Мы сидим не только в их телах, но и стали частью их мыслей и желаний. Мы стали частью их помыслов. И как бы они ни гордились собой и своими успехами, мы — лучше них! Потому что мы не убиваем друг друга...»

По библейскому преданию, создание Адама из глины богом Яхве было великой божественной задумкой. И что бы ни говорили, ни писали религиозные летописцы, судьба Адама и всего человечества была заранее предопределена Богом. И то, что они, Адам и Ева, в искушении своем сорвут и съедят запретный плод с древа добра и зла, и что после этого они обратят внимание на свою наготу и, устыдясь этого, прикроются фиговыми листочками. И что Бог обратит на это свое внимание и поймет, что они попробовали запретный плод. И что после этого они будет изгнаны из рая — это тоже входило в Великую задумку. Ибо человек уже был подвержен по своей сути стремлению познать добро и зло, иначе человек не ослушался бы своего создателя.

Замысел создания человеческой сущности и заключается в том, что праведность и порок были вместе заложены в человека до его появления на свет.

И миссия Сознания, дарованная человеку Всевышним, и состоит в том, как им будут использованы эти самые праведность и порочность в повседневной жизни.

...Говорят, что судьба человека определяет его будущую жизнь. И невозможно ни обмануть, ни обойти, ни изменить судьбу. Человек как бы запрограммирован Судьбой.

Еще говорят, что человеческая душа, раз возникнув, никогда не умирает. Что души людей создаются сразу же после их зачатия и ожидают своего выхода на землю. Ожидают воссоединиться с теми зародышами, для которых были созданы, и которые потом становятся человеческими детьми.

А иногда оказывается так, что ребенок зачат, душа определена и готова воссоединиться, — но ребенок так и не появляется на свет — погибает. Иногда естественно. А очень часто искусственно — по чьей-то злой воле. И душа так и остается невостребованной.

Интересно то, что одни и те же руки принимают и содействуют появлению на свет новорожденных – одаривая их душевной теплотой и вниманием...

А через некоторое время эти же самые руки невозмутимо производят аборт, лишая будущих таких же новорожденных жизни, лишая их всего того, что называется Божественным милосердием, земной любовью, счастьем продолжения рода, заставляя их души метаться по бесконечным просторам веселенной...

Последние три дня Эльвина была в большой тревоге: исчез, в буквальном смысле, ее любимый человек – Исахан. Как сквозь землю провалился. Его телефон был отключен, ни дома, ни в университете он не появлялся. Товарищ по квартире, которую они вместе снимали, пожимал плечами – об Исахане никакой информации нет. Он сам был этим очень удивлен. Эльвина отчаялась, не знала, что и думать, где его искать, ведь Исахан был не только ее любимым человеком, но и отцом ребенка, которого она носила под сердцем – вот уже около трех месяцев. Узнав об этом, Исахан был бесконечно счастлив – Эльвина это поняла по его глазам, которые засветились радостью, радостью быть отцом. Они решили тогда не откладывать свадьбу и сыграть ее через месяц – и даже раньше, если получится. И вот на следующий день после признания Эльвины Исахан исчез. Эльвина не допускала даже мысли, что он исчез, испугавшись ответственности. Она верила Исахану как самой себе, зная о его преданности, надежности и любви к ней. Но Эльвина воспитывалась в семье, где национальные традиции и обычаи ставились на первое место, и то положение, в котором она оказалась, – зная, что будет подвержена осуждению со стороны родителей и близких, – сильно беспокоило ее, особенно после того, как Исахан исчез.

Правда, он и раньше уезжал в родной город к родителям на два-три дня, но всегда предупреждал ее заблаговременно, да и по телефону они обычно переговаривались по несколько раз в день. А сейчас... она просто терялась в догадках.

Когда она вернулась домой после занятий, было время обеда. Эльвина, переодевшись, села за общий стол.

Подавленность и растерянность Эльвины сразу же привлекли внимание ее отца: – Что-то случилось? Какие-то неприятности? – спросил он.

Отец, Бехмет-муаллим, работал в руководстве большой строительной компании и был занятым человеком. Однако он всегда проявлял внимание к своим детям и ничего не упускал из виду. Он не был деспотом, спокойно воспринимал большинство новшеств в образе жизни своих детей. Деликатно корректировал их, стараясь не затронуть их самолюбие, когда считал, что они становятся слишком «современными».

– А какие у меня могут быть неприятности? До госэкзаменов еще далеко...

Бехмет-муаллим почувствовал некоторое раздражение в голосе дочери и поэтому не стал настаивать на продолжении разговора.

Однако спустя некоторое время отец прошел в комнату дочери.

- Эльвина, что стряслось? Только не говори мне, что ты повздорила с подругами по поводу турецких сериалов. Ты же знаешь, дочка, меня трудно обмануть, я могу уловить малейшее изменение в твоем настроении, особенно если случается нечто серьезное.
- Папа, у меня болит голова, не мучай меня, пожалуйста, расспросами. Со своими проблемами я справлюсь. Я уже взрослая, самостоятельная девушка, которая учится на последнем курсе престижного университета и в основном материально сама себя обеспечивает и сама решает, как ей поступить в том или в ином случае.

Эльвина все это проговорила несколько нервозно, ужасаясь собственной дерзости. Ведь она впервые в жизни так разговаривала с отцом.

Бехмет-муаллим хотел было вспылить, но все же сдержался, почувствовав, что случилось нечто необычное.

Эльвина поняла, что очень рассердила отца, и все же продолжила:

– Ты, папа, не отчаивайся из-за моих слов и не упрекай себя, что упустил свою дочь. Просто происходит замещение ваших ценностей нашими, идет изменение нашего мировозрения. Вот посмотри, вместе мы дома бываем всего по несколько часов. За это время общаемся мы с тобой от силы 15-20 минут. И ты хочешь за это мизерное время общения, которое состоит из нескольких незначительных и не обязывающих ни к чему фраз, повлиять на тот информационный поток, который мы получаем от телевидения, интернета, от общения с друзьями, однокурсниками, с которыми я провожу значительно больше времени? И ты хочешь сейчас повлиять на меня, изменить меня?...

Помолчав немного, Бехмет-муаллим сказал:

– У меня нет цели изменить тебя, потому что ты уже состоялась как личность. Я не хочу навязать тебе свои правила и образ мыслей, хотя и нахожу их достаточно целесообразными даже для того мира, где ты постоянно вращаешься. Ты права, сейчас у нас, к сожалению, мало свободного времени для общения между собой...

Я работаю с утра до ночи, мать работает, брат в армии, ты учишься и подрабатываешь. Но хочу напомнить тебе, – если ты позабыла, – о твоем нравственном фундаменте, о корнях, которые, по твоим словам, заменяются сейчас другими, более «современными». Но наверное, необходимо, чтобы новые «корни» не удалялись от старых, а сплелись с ними, чтобы новые мироощущения стали созвучны со старыми. Я хочу напомнить тебе о твоем воспитании, которым мы с матерью занимались вплоть до твоего совершеннолетия, - если ты и это забыла. Хочу напомнить о той музыке, которой твоя мать постоянно занималась с тобой, прививая любовь к национальной культуре, я о тех прогулках по бульвару, паркам, зоопарку, посещении цирка и кукольного театра, куда мы ходили всей семьей, а потом, смеясь, обсуждали каждого персонажа. Я о тех книгах, в которые предлагал тебе вчитаться, и ты с интересом их читала. Вот тогда мы старались привить тебе наши ценности, которые не утратили своего значения и сегодня. Теперь тебя действительно не изменить... Но ведь необходим компромисс между поколениями! Не должны же все ваши мысли и поведение быть оппозиционными в отношении наших? Должна же быть преемственность в умах при переходе одних ценностей в другие?

Помолчав, Бехмет-муаллим продолжил:

– И еще запомни, – если тебя не просветили в твоем так называемом престижном университете, – что природа не любит скачков. Все в природе переходит одно в другое плавно, и тем она прекрасна. И человеческое общество подобно природе. Оно не приемлет скачков – революций – попыток силового его переустройства. Посмотри, чем заканчивались мировые революции, потрясающие устои общества. Только крахом. Преемственность должна быть во всем новом, сменяющем старое. По принципу – оставить хорошее, избавившись от плохого. И здесь нет никаких особых правил, которые придумало старшее поколение. Есть просто жизненная необходимость, в которой нужно правильно ориентироваться. А это – опыт, жизненный опыт, который у старшего поколения есть, а ваше еще не успело его приобрести. И не забывайте того, что в скором времени следующее поколение своими »будет дышать вам в спину.

Эльвина сидела перед отцом несколько растеряно, внимательно прислушиваясь к его словами, не перебивая его. От былой воинственности не осталось и следа. Она казалось потерянной и беззащитной. Теперь внутри нее боролись две силы — открыться отцу или нет, поймет и простит ли он ее, или же жестко осудит? Наконец Эльвина решила открыться — да и другого выхода у нее не было. Кто, как не родители, могут понять и помочь в трудную минуту?

– Папа, прости меня... Я совсем потеряла голову... Я...я беременна...

Бехмет-муаллим вначале не понял ее, настолько это было для него немыслимой вещью, а когда вдруг осознал, у него было такое ощущение, что как будто он врезался в невидимую стену. Лицо его сморщилось, он растерялся, не смог найти нужного вопроса:

- Как это... как это ты беременна? От кого? Когда это случилось?
- От любимого человека... Так получилось... мы любим друг друга и собирались скоро пожениться... но он пропал. Вот уже три дня, как не могу до него дозвониться, достучаться...
 - Ты говорила ему о своей беременности?
 - Да... три дня назад, и он очень обрадовался, узнав об этом.
 - Так обрадовался, что поспешил сбежать?
 - Папа, не говори так, ты его совсем не знаешь. Он не такой...
- А какой? Где же он? Где его сваты? Где его родители, которые должны в таких случаях стучаться в нашу дверь?

Бехмет-муаллим проговорил все это полушепотом, чувствуя, что словно летит в глубокую пропасть. «Не может быть большего несчастья в азербайджанской семье, – думал Бехмет-муаллим, – чем когда девушка беременна вне брака... какой позор, как я теперь буду смотреть в глаза окружающим, родственникам? Все они будут укорять не дочь, а родителей, – неправильно воспитали, недосмотрели, распустили...»

- Мать знает?
- Я сказала только тебе... и Исахану.

Бехмет-муаллим тихо, с опущенной головой, вышел из комнаты дочери. Он был подавлен, нравственно растоптан. Он никогда не мог бы подумать о том, что такое может произойти в их семье. Его мозг, несмотря на внешнее спокойствие, лихорадочно работал, перебирая все варианты выхода из этого положения. «Если бы ее парень не исчез, то можно было говорить о женитьбе... К тому же ребенок родится через шесть месяцев... и это тоже позор...связь вне брака...»

Я не вижу иного выхода, кроме как обратиться к помощи врача. И мне при-

дется настаивать на этом. Я не позволю, чтобы мой дом покрылся позором. Я не позволю, чтобы моя папаха и папаха моего сына, — папаха, которую мужчины не носят, но всегда чувствуют у себя на голове, — оказалась в грязи».

Но какой-то внутренний голос – совершенно автономный, незнакомый, впервые заговоривший с ним, еле пробиваясь сквозь его внутреннюю ярость, зашептал ему: «Чем же ты недоволен, ты должен радоваться тому, что дочь подарит тебе внука, первенца...»

- Не надо мне такого внука, с горечью проговорил Бехмет-муаллим, потеряв последнее самообладание. На его голос вышла жена из смежной комнаты и, посмотрев в лицо мужа, прошептала:
 - Что стряслось, Бехмет? На тебе лица нет.
 - Откуда ему быть? Я его потерял...
 - Успокойся и спокойно объясни что произошло?

И Бехмет-муаллим вкратце рассказал жене, что случилось, в какое ужасное положение они попали благодаря их дочери, и что он, перебрав все возможное, пришел к выводу, что без аборта им не обойтись. Только он поможет на время устранить этот позор. Видно, судьба так распорядилась, – остаться дочери одной на всю жизнь.

Махрус-ханым, мать Эльвины, тоже была обескуражена беременностью дочери. Она давно догадывалось, что дочь с кем-то встречается. Разве возможно скрыть это от материнского глаза? Несколько раз она пыталась завести разговор об этом, но Эльвина только отшучивалась. Махрус-хануым даже представить себе не могла, что все это может обернуться таким плачевным для их семьи образом. Но несмотря на то, что она хорошо знала характер своего мужа, она все же хотела было попытаться отговорить мужа от поспешного решения — все ведь еще может измениться — но увидев его совершенно бледное лицо, промолчала, испугалась, что здоровье мужа может не выдержать и случится непоправимое.

- Завтра же сходи к врачу и объясни положение дочери. И сама поговори с ней. Я не смогу...Хорошо еще, что сын в армии, а то бы наломал дров. И чтобы за 2-3 дня этот вопрос был решен.

Бехмет-муаллиму было тяжело говорить об этом. Он очень любил свою дочь и все время молил Аллаха, чтобы он ниспослал ей счастье. Он считал, что счастье женщины отличается от мужского. Только любящий муж может осчастливить или же сделать несчастной женщину. И он всегда молил Аллаха о том, чтобы дочь встретила на своем пути любящего и достойного парня. И вот что из этого вышло. Его мольбы, видимо, не дошли до ушей Аллаха, затерялись в пути...

Утром следующего дня, простояв три часа в очереди на прием к врачу – акушеру-гинекологу – Махрус-ханым вошла в кабинет:

- Доктор, я пришла поговорить о дочери, который необходимо сделать аборт.
 Она на третьем месяце беременности.
- А что случилось? Она раньше наблюдалась у меня? У нее пятый ребенок? Девочка, а хотите мальчика?

Махрус-ханым замялась:

- Нежеланный ребенок...
- А какой по счету?
- Первый...
- Первый и нежеланный? врач внимательно посмотрела на Махрус-ханым. С генетической патологией?

– Нет, совершенно здоровый...

Врач, не отводя взгляда от Махрус-ханым, продолжала вопросительно смотреть на нее, ожидая вразумительного объяснения.

Махрус-ханым, вся сьежившись под этим взглядом, молчала.

Врач, взглянув на часы, раздраженно проговорила:

– Так какого черта... – и вдруг запнулась. – Хм... я начинаю понимать, в чем дело... В ближайшие дни я занята. Много желающих произвести аборт. Все избавляются от девочек, не понимая, что на старости лет только девочки и будут им нужны... скоро наши мальчики вообще останутся без невест... – врач не договорила и протянула свою визитку. – Дней через десять позвоните мне по этому телефону. Может, за это время и одумаетесь, чтобы потом не пожалели. А то ведь совсем можете остаться без внуков. По крайней мере, от дочери.

Когда Махрус-ханым возвращалась домой и переходила улицу, ее остановил полицейский:

- Ханым, вы перешли дорогу в неположенном месте, и я должен вас оштрафовать на 20 манатов.
- Что...? Махрус-ханым непонимающе уставилась на полицейского, не соображая, что он от нее хочет.
 - С вас 20 манатов за неправильный переход улицы.
 - Да...да... сколько? 20 манатов? Сейчас, сейчас...

Махрус-ханым так и не смогла понять, что же хочет от нее полицейский, не смогла оторваться от звучавших в ушах слов врача о том, что ее дочь может остаться бесплодной. «И куда потом она денется без детей... и кому она будет нужна...» Женщина отчаянно копалась в сумке в поисках кошелька, но никак не могла его найти.

Полицейский почувствовал что-то неладное и, козырнув ей, проговорил:

– Ладно, ханым, проходите, но больше не нарушайте правил перехода улицы, сейчас это опасно. Много машин, много неопытных водителей.

Махрус-ханым поспешно прошла, отметив про себя только слово «проходите», так толком и не поняв, что же хотел от нее полицейский. Вечером она рассказала Бехмет-муаллиму о своем посещении врача и о том, что она ей сказала, протягивая визитную карточку.

Бехмет-муаллим не был глубоко религиозным человеком, но, как и большинство азербайджанцев, верил в Бога, в божественную справедливость и божественное наказание. Он был убежден, что рано или поздно справедливость восторжествует. Если и не земная, то божественная — обязательно. Он искренне верил в то, что если человек виноват и совершил преступление против такого же человека, как и он сам, то обязательно получит по заслугам, пусть даже много лет спустя, даже если его миновал суд людской.

После строгого внушения жене по поводу дочери он терзался в сомнениях. Однако держался спокойно, считая, что сомнения скоро рассеются, а честь останется незапятнанной. Бехмет-муаллим, как и всякий нравственно честный человек, был неумолим в вопросах чести. Но как мудрый и справедливый, не был фанатичным и кровожадным в этом вопросе. И пошел бы на компромисс, если бы дочь вышла замуж – зарегистрировала свой брак с отцом ребенка. Но отец ребенка пропал, и неизвестно, объявится ли вообще? И что остается Бехмет-муаллиму – отцу брошенной и беременной дочери – делать, чтобы сохранить свое лицо и уважение окружающих? Сохранить лицо своей семьи и оградить ее от пересудов и злых языков?

Как он объяснит это своему сыну, который в ближайшее время должен вернуться из армии и жениться, и как воспримут эту историю новые родственники? И захотят ли отдать свою дочь замуж за человека, который не смог постоять за честь своей сестры? Нет — лучше аборт. Это единственный разумный выход. Подобные, жалящие, как змея, мысли в голове Бехмет-муаллима терзали его. И он каждый раз приходил к выводу в правильности своего решения. Постоянно возникающие «чужие» мысли в пользу сохранения ребенка старался не слышать, не отвечать им. Но очень трудно делать вид, будто ты их не слышишь, особенно когда они бывают созвучны с твоей совестью. С такими тревожными мыслями, сомнениями приходилось Бехмет-муаллиму засыпать каждую последующую ночь.

И вот однажды ночью приснился ему странный и необычный сон, — будто он вдруг оказался в дремучем лесу. Деревья и местность были ему незнакомы. Вокруг порхали неизвестные птицы, перелетающие с ветки на ветку, светило солнце, лучи которого прорывались сквозь переплетенные ветки мощным огнем и слепили глаза. Всюду ощущалось какое-то незаметное, еле ощутимое шелестение — движение, которое вызывало состояние спокойствия и облегчения. Бехмет-муаллим, расслабившись во сне, грешным делом подумал даже, не в раю ли он оказался, как вдруг все вокруг померкло, будто и не было этой идиллии, грянул гром, ударила молния, поднялся сильный ветер, сквозь который еле пробивались детские голоса: «Деда, ай, деда, что же мы тебе сделали плохого, что ты нас хочешь убить...убить...ведь мы твои внуки... внуки...»

Вдруг Бехмет-муаллим в свете ударившей молнии различил между деревьями два детских силуэта, мальчика и девочки, прижавшихся друг к другу и постепенно исчезающих...

- Кто вы? во сне крикнул им вслед Бехмет-муаллим. Откуда вы?
- Мы души твоих внуков, от которых ты отказался... еле расслышал Бехмет-муаллим сквозь гром и молнии. И проснулся от собственного отчаянного крика:
 - Подождите, не уходите...

Проснулся весь в поту и от бешено колотившегося сердца.

«Что это было?» – спросил себя Бехмет-муаллим, еще не совсем пробудившись от сна. Вдруг перед его глазами возникли силуэты двух детей, и отчетливо послышались их голоса: «деда, ай, деда...» Внезапно нахлынувшие слезы стали душить его. Он еле сдержался, чтобы не разрыдаться, прикрыв лицо подушкой. Слезы так и лились, не останавливаясь.

«Как я мог, как я посмел даже мысленно посягнуть на волю Божью? Как я посмел усомниться в его милости, ниспославшей мне двойню? Как я не смог различить его шепот, звучавший во мне и предупреждающий?»

Бехмет-муаллим уже не сомневался в том, что у его дочери близнецы. Поспешно одевшись, он устремился в комнату дочери. Эльвина и не скрывала, что не спит. Упершись взглядом в потолок, она лежала на спине, накрывшись одеялом до груди. Левая ее рука лежала на животе, правая же свисала с кровати на пол. Эльвина даже не шелохнулась, не почувствовала, как вошел отец. Бехмет-муаллим подошел к кровати дочери и, став на колени, поднял свисавшую с кровати руку дочери, поцеловал ее. Затем спросил:

– А почему ты скрыла от нас, что у тебя двойня?
 Эльвина подняла опухшие от слез глаза и удивленно взглянула на отца:

– Как двойня? Врач сказала, что у меня один ребенок – девочка.

Поцеловав дочь в лоб, Бехмет-муаллим произнес:

– А я тебе говорю, что у тебя близнецы. Вот посмотришь, врач ошибался. Завтра снова пойдешь и обследуешься. И пожалуйста, прости нас, прости нас, старых, за то, что принуждали тебя... я тогда и не подумал, что тебе потом придется носить это бремя всю жизнь. Мы будем считать, что у нас не двое, а четверо детей.

Эльвина завороженно смотрела на отца и недоумевала: «С чего это он взял, что у меня двойня?» Но спорить не стала.

Наутро, посетив врача и настояв на повторном обследовании на УЗИ, она ошеломленно приняла смущенные извинения и поздравления врача, который при первом обследовании не заметил второго ребенка — мальчика. А для потрясенной Эльвины так и осталось загадкой, откуда отец узнал о втором ребенке. Но это уже не имело никакого значения. Согласие отца принять ее детей вернуло ее к жизни, окрылив ее.

Действительно, благословение родителей – это великое счастье, да не лишит Аллах всех детей этого.

И это счастье не приходит одно. Через два дня, когда вечером позвонили в их дверь, и отец открыл ее, Эльвина не поверила своим глазам: на пороге с букетом цветов стоял ее Исахан в больничной одежде, небритый, исхудавщий, но со счастливыми глазами, а за ним выстроилась целая толпа родственников. По тому, как они бросились в объятия друг другу, преступив все правила азербайджанского этикета, Бехмет-муаллим понял, что перед ним Исахан и его родственники. И они пришли «стучать» в их дверь. «Просто Голливуд, честное слово», – мелкнула мысль у Бехмет-муаллима, незаметно смахнувшего набежавшую слезу. Пригласив гостей войти, Бехмет-муаллим усадил мужчин за стол, – женщин усадили в другой комнате, – и приготовился их выслушать.

И все объяснилось очень просто. Вопреки обычаям, по которым жених должен молча сидеть в углу или вообще не присутствовать, Исахан первый взял слово и рассказал все, что с ним произошло. Рассказал он о том, что после того, как они поговорили с Эльвиной, – пропуская тему разговора, – он в тот же день, даже не заходя к себе на квартиру, выехал на попутной машине к себе домой, в район, чтобы обсудить все с родителями. В дороге автомобиль, избегая лобового столкновения, перевернулся и свалился в кювет, и Исахан с другими пассажирами в тяжелом состоянии оказался в больнице.

В течение шести дней он был в полузабытье. Родители все время находились рядом с ним в больнице. Придя в себе, Исахан все им рассказал и, понимая, в каком тревожном состоянии может находиться Эльвина, собрал всех близких родственников в больницу и, несмотря на слабость, не сменив даже больничной одежды, двинулся к дому Эльвины.

А все остальное вы, дорогие читатели, уже угадали.

И пусть никто не смеет сомневаться в том, что история чуть было не сорвавшегося единения двух любящих друг друга людей закончилась сладким чаепитием и свадьбой, и впоследствии родились два чудесных малыша, души которых чуть было не потеряли своих адресатов.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

ЛАЛА КЛЫЧКОВА

В стихах Лалы Клычковой читателю предстает легко узнаваемый образ — это наша современница, живущая здесь и сейчас, которую радует и огорчает ровно все то, что радует и огорчает всех нас сегодня и во все времена. Вера, надежда, любовь, творчество, осознание себя частью своего народа и общечеловеческого содружества... Но, конечно, главная тема для Лалы-ханым — это все-таки любовь во всех ее проявлениях, радостных и горьких. Ее очень женская поэзия радует своей горячей непосредственностью, искренним и заинтересованным разговором с читателем-другом. К числу ее безусловных плюсов можно отнести и хороший поэтический слух и, как следствие, музыкальность ее стихов, внятный и грамотный литературный язык. Если со временем ей удастся справиться с определенными техническими трудностями, сделать свой стиль и интонацию более индивидуальными, авторскими, а также расширить диапазон своих поэтических тем и исканий, есть все основания считать, что в перечне замечательных женщин-авторов нашего журнала появится еще одно интересное имя.

Родина

Я не могу писать про Родину – Не потому что не люблю, Я для нее никак особенной Границы не установлю.

Не мерю Родину я метрами, Сухой масштаб – не для меня, Я мерю солнцем, мерю ветрами, Я мерю в звездах и морях!..

Я не делю людей на нации, Ведь в каждом человеке – я! Наш мир – цветная аппликация, И моя родина – Земля.

Под дождем

Я попала под дождь и до нитки промокла, Красный «Форд» окатил с головы и до ног. И стою я сейчас в своей мокрой ветровке, И мой порванный зонт мне совсем не помог.

Вроде, всё ничего, только я недовольна – Почему-то обидно, обидно до слез, Хоть не сбил он меня, и мне вовсе не больно, Только плюнул водой из-под черных колес.

Вот и люди – порой даже пальцем не тронут, Просто могут плеснуть вам в лицо парой фраз, Их слова, как плевок, в море жизни утонут, Но приходится долго отстирывать грязь...

Женщине

Пусть уезжают поезда, И улетают самолеты – Но это ведь не навсегда... Пока с тобой твоя свобода,

Покуда вправе ты решать, Не спрашивая разрешенья, Покуда можешь ты дышать, Иди вперед без сожаленья.

Взлетай, беги, скользи, стремись – Тебе открыты все маршруты!.. Покуда длится эта жизнь, Запомни – ты нужна кому-то.

Разговор с южным ветром

Утром тень твоя растает, Станет в комнате светло... Южный ветер завывает, Бьется ветками в стекло.

Воем раненого волка – Изо всех дверных щелей... Он, как тонкая иголка, Колет в сердце побольней.

Он преграды огибает И проходит сквозь меня, Только ветер этот знает Про две ночи и три дня.

Я с ним тихо говорила, Заслонясь от сквозняка: Вновь любовью просквозило – Простужусь наверняка...

А в ответ мне южный ветер: «Полетим со мной – на юг... Я тебя сегодня встретил После тысячи разлук.

Всем нам что-то очень нужно, Но, увы, не всем дано...» Так шептал мне ветер южный, Улетая сквозь окно.

Тихо в комнате вдруг стало, Воздух больше не поёт... Я шмыгну под одеяло – Южный ветер подождет.

Кукушки

Есть на свете женщины-кукушки, Что бросают собственных детей, Как от надоедливой игрушки Прочь уходят в царствие теней.

Оставляют свертки у порога, Не пометив ни имен, ни дат, Не боясь ни совести, ни Бога, И не слыша, как они кричат,

Как они зовут на помощь маму, Как их напугала темнота... Для трех тысяч пятисот двух граммов Мама уготована – не та.

Ждет его обиженная Богом – Та, без права выбирать самой, Та, что приближает с каждым вздохом Миг, чтобы забрать его домой.

Чтобы больше не реветь в подушку, Слышать «Мама!..» из невинных уст, И сказать «спасибо» той «кукушке», Без которой дом ее был пуст...

Пощечина

Залепить бы тебе пощечину, Отпечатать всю пятерню... Очень сделать мне это хочется – Если только тебя догоню.

За всех женщин, тобой обманутых, За осколки разбитой любви, И за струны нервов натянутых, Тех, что рвут меня изнутри.

Чтоб стоял ты, как приколоченный, У позорного у столба... Залепить бы тебе пощечину – Только на руку я слаба.

Я за многих уполномочена, В своем гневе рискуя сгореть... Пусть горит на лице пощечина, Чтобы вспомнил, что значит честь!..

Запасной аэродром

Ты выпустил шасси не слишком рано, Но промахнулся с взлетной полосой, Я соглашусь на роль второго плана, И стану для тебя я запасной.

Я буду ждать, как в зале ожиданья, Твой безнадежно опоздавший борт, Когда уже притуплено сознание, Но сердце рвется изо всех аорт!..

Твой рейс, увы, так сильно задержался... Ты все же выбрал мой аэродром, И пусть багаж твой где-то затерялся – Неизлечим любви моей синдром:

Без всяких документов и без визы Я дам добро посадку совершить. А этот лист осенний золотистый – Как сервисный билет на право жить...

Пообещай мне...

Пообещай мне, что вернешься, Что сердце не устанет ждать, Что всякий раз, когда проснешься, Меня ты будешь вспоминать.

Пообещай мне, что приедешь, Что это будет в сентябре, Что дата нашей скорой встречи Краснеет на календаре.

Пообещай мне, что успеешь, В последний миг не подведешь, Меня в руках своих согреешь, К груди своей меня прижмешь.

Пообещай мне, что поверишь, Что вновь не скажешь мне «прощай»... И даже если не сумеешь – Ты все равно пообещай.

Bepa

Время нас несет неумолимо, Жизнь проходит,

как песок сквозь пальцы... В этом мире все необратимо, Все мы здесь – всего лишь постояльцы.

Совесть разбуди, пока не поздно, Пусть тебе сигналит, как сирена. Сделать выбор, может, и несложно, Если позабыть, что все мы тленны.

Не живи, как все – живи, как надо, Чтобы ночью спать ты мог спокойно. Будет тебе вечная награда, Там, где больше не бывает больно.

Не робей перед лицом порока... Весь наш мир – одна библиотека: В книге отыщи слова Пророка, Что́ есть вера... Вера в Человека!..

ЖАН-МАРИ ЛЕКЛЕЗИО

Жан-Мари Гюстав Леклезио родился в 1940 году в Ницце. Французский писатель. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе премии Ренодо и Нобелевской премии по литературе 2008 года. Нобелевский комитете сформулировал заслуги писателя на литературном попроще следующим образом: «Академия выбрала писателя переломных ситуаций, поэтических приключений, чувственного экстаза, исследователя рода человеческого за рамками правящей цивилизации»

ДЕРЕВО ЯМА

Из книги «История ноги и другие фантазии». Издательство Gallimard 2011

Нет фотографии Яма, никакого изображения, сувенира, украшения, даже лоскута платья. Только колыбельная, старая песенка из прошлого, говорит: спи, дитя, спи, а то черт заберет тебя, спи, а то ребенок, привязанный к дереву, упадет, и его унесет ветер. Этим словам ее научила Кона. Но Мари помнит только шум ветра, убаюкивающее «руруру» ветра.

Однажды, когда ей было десять лет, Мари убежала, она шла весь день к дереву. Возвратилась к ночи.

- Где ты была? спрашивают дети. Твоя тетя Кона искала тебя.
- Я ходила навещать бабушку.
- Где ты была? Мы искали тебя, строго говорит Кона.
- Я была у Яма, отвечает Мари.
- Твоя бабушка давно умерла, говорит Кона.

Мари не слушает. Много раз она возвращалась к дереву. Она пропускала школу, шла сквозь саванну по высокой траве до реки. Она смотрела на дерево, такое большое и сильное, что казалось, будто оно привязано к облакам.

Она не знает, ни как называется дерево, ни сколько ему лет, ни как оно здесь выросло. Единственное дерево этого вида посреди высохшей саванны, рядом с маленькой рекой. Оно было там раньше других. Даже раньше, чем люди построили деревню Каланго. До появления полей, сожженных земель. По этой причине люди пожалели дерево или забыли о нем. Во время войны солдаты Тейлора сбрасывали за-

¹Мандинка – народность в западной Африке.

жигательные бомбы, самолеты пролетали над лесом, другие деревья и животные исчезли, но дерево осталось. Оно старое, щедрое и мощное, оно вечно. Мари уверена в этом.

Когда Мари приходит, то следует ритуалу. Она сразу идет к дереву, чтобы поздороваться с ним. (Воатате, beva bi?), прикладывает руки к стволу. Его поверхность очень гладкая, как кожа рук старых женщин, испещренная маленькими вертикальными морщинами, усеянная бородавками, пятнами, шрамами. Она прижимается щекой к стволу, прикасается лбом к коре, чтобы почувствовать свежесть. Она прикладывает к ней ухо, чтобы услышать, как под корой течет сок. Дерево слегка вибрирует. Мари чувствует колебание кожей лица, всем телом, когда раздвигает руки и прижимается к нему.

В школе учитель рассказал о жизни деревьев, как они дышат листьями, как питаются под землей, и об их крови, текущей под корой. Он еще сказал о кольцах, которые добавляются каждый год в сердцевине их тела. Мари знает, что их сердце полое. Когда она начала посещать дерево Яма, она ходила туда с тетей Коной и дядей Або. Она была еще совсем маленькой и боязливой, сжимала руку своей тети, боясь отпустить. Кона насмехалась над ней: «Ты труслива, чего боишься? Здесь нет леопарда, который бы тебя съел». Но девочка с ужасом смотрела на отверстие у подножия дерева, большую дыру треугольной формы между корнями.

Теперь Мари привыкла. Всякий раз, когда может, она бежит по траве саванны до реки, бежит босиком по термитникам до поляны, где стоит дерево. Она успокаивается, увидев мощной ствол, темные ветви, раскинутые подобно рукам. По утрам много птиц в ветвях – белые ибисы, вороны. Или орды маленьких птичек, иногда их так много, что листва дерева шевелится. Мари любит это время, когда она подходит к дереву и чувствует его жизнь – внутри него, вокруг него, словно целый мир живых существ, для которых дерево является единственным домом.

«Дерево, дерево Яма», – говорит она. Она приветствует его по-своему, не так, как приветствуют человека уважаемого и в возрасте, упав ниц, с опущенными глазами; она смотрит прямо, раскрыв руки и ладони.

А потом она входит в дерево. Первый раз она вошла в него, когда пошла во взрослую школу, туда, где учат читать и считать. У нее была школьная форма, юбочка из шотландки в синюю и зеленую клетку, белая блузка и пара новеньких лакированных туфель. Чтобы не испортить одежду, Мари разделась. Оставила туфли на входе и проскользнула через отверстие внутрь дерева.

Снаружи жарило солнце в безоблачном небе. Все замерло от жары: птицы, насекомые, ветер. Но внутри дерева воздух был прохладным, и Мари вздрогнула. «Яма, это я, твое внучка, – выдохнула Мари. – Позволь мне войти, уже давно я этого хочу, прими меня, прошу тебя».

Вначале она ничего не видела. Затем, когда ее глаза привыкли к темноте, она разглядела, что полое пространство внутри дерева намного больше, чем она себе представляла, оно напоминало пещеру с высокими стенами, с отверстием вверху. Дневной свет проникал сквозь это отверстие, проходя сквозь большие листья, становился голубоватым, зеленоватым, очень нежным. Стенки были гладкими, без морщин, как снаружи, а отполированными и блестящими, как камень, и когда Мари приложила к ним ладони, она почувствовала удовольствие и успокоилась.

«Красивый у тебя дом, Яма», – сказала Мари. Она говорила тихо, чтобы не нарушать ее покой.

Она села на землю, та была мягкой и прохладной – ковер из листьев и древесной трухи. Мари почувствовала, как успокоилось ее тело, жар воздуха исчезал вместе со страхом. Через отверстие в стволе она видела внешний мир – далекий, другой, безопасный. Она оставалась там долгое время, потом, с наступлением ночи, ушла, потому что помнила, что говорила ее тетя Кона о леопарде.

В доме ее ждали тетя и дядя.

«Где ты была, дитя?», – спросил Або.

Мари ответила: «Я была в доме Бабушки Яма».

Дядя дал ей пощечину, вмешалась Кона. «Она не лжет, это дерево, в котором ее прятала бабушка, когда она была младенцем, это печаль говорит ее ртом».

Но Мари не была опечалена, только чувствовала признательность к тете за то, что та защитила ее. Несмотря на запрет, она часто возвращалась к дереву во время каникул, когда все засыпало от жары в саванне. Она оставляет одежду у входа в дерево и надевает старую, чтобы не испачкаться. Она надевает коричневое платье, превратившееся в лохмотья, и ей кажется, что в такой одежде она больше похожа на дерево, и Яма это должно понравиться.

Прошли годы. Мари стала девушкой, и тетя Кона и дядя Або решили отправить ее в город для получения диплома об образовании, в строгий пансион, управляемый католическими монахинями, Our Lady of Fatima — большой белый дом в обрамлении пальм у оживленной дороги. Вначале Мари почувствовала себя очень одинокой, пленницей дома, занятий, чужой среди богатых девочек. Она ненавидела свою форму, яркую синюю юбку и белую блузку, шерстяные гольфы и узкие туфли. Во второй половине дня вместо того, чтобы играть в мяч с другими ученицами, Мари садилась на ступеньку и предавалась воспоминаниям о саванне, лесе, дереве Яма. Здесь деревья были хилыми: жакаранда, колючая акация, почти не дававшие тени, или неподвижные бессмысленные пальмы, с верхушками, похожими на торчащие заплетенные косички. Она чувствовала себя бесполезной, маленькой и очень черной, похожей на насекомое, брошенное на солнце посреди раскаленной дороги. И все девочки в Our Lady of Fatima, монахини-азиатки, учителя физкультуры или математики также казались копошащимися и смешными насекомыми.

Потом она немного привыкла. Среди учениц она заметила одну девочку-иностранку, не из деревни, а из далекой страны, ливанку с желтоватым оттенком кожи, зелеными глазами, которую звали Эсме. С ней Мари говорила на переменах или вечерами в дортуаре. У Эсме была астма и потому ее освободили от физкультуры, и Мари оставалась рядом с ней на скамье, пока другие кричали и играли в мяч. Эсме рассказывала о своей стране, отце, много путешествовавшем, потому что он торговал бриллиантами в разных концах света. Ее мать была в разводе с отцом, она жила в Ливане с другим мужчиной, Эсме никогда не встречалась с ней. В общем, Эсме немного походила на Мари, такая же сирота.

Мари рассказала о дереве у реки, там, в ее краю. Ей хотелось, чтобы эта девочка-космополитка заинтересовалась ею и ее деревом. «Как называется дерево?» – Эсме, конечно же, хотела узнать, какого вида дерево, его латинское название. Мари ответила: «Ты никому не скажешь? Дерево зовут Яма, это имя моей бабушки». Эсме поняла, что это важно, она взяла Мари за руку и сказала: «Я хотела бы познакомиться с ним, когда-нибудь отведешь меня к нему?» Это было похоже на договор, и с этого дня Мари и Эсме стали настоящими подругами.

Во время каникул Мари не могла вернуться к тете, и Эсме приглашала ее в дом

своего отца — большую красивую виллу в квартале посольств, рядом с морем. Дом находился посреди сада, окруженного высокими стенами, и с голубым бассейном. Никогда Мари не видела ничего прекраснее. В первый раз, когда она вошла в сад и увидела виллу, то наивно воскликнула «Дворец!». Эсме улыбнулась. Джибрил Стефан, отец Эсмы — невысокий нервный мужчина с беспокойным взглядом. Он лысел с макушки. Эсме сказала, что он пытался скрыть лысину , зачесывая вперед пряди волос. Кроме торговли бриллиантами, он был страстным фотографом. Он показал Мари свою студию, камеру-обскуру, где он сам проявлял свои снимки на больших листах, погруженных в кислоту, прежде чем развесить их на шнуре с помощью прищепок для белья.

Большая комната для приемов, выходившая в сад, была украшена его фотографиями африканских пейзажей, уличных сценок, портретами женщин. В туалете Мари обнаружив большое фото совершенно обнаженной африканской женщины в анфас, не смогла удержаться и спрсила Эсме: «Кто эта женщина?» Эсме пожала плечами: «Никто, шлюха, я полагаю». В первый раз Мари видела подобное фото. Женщина шокировала ее, это была женщина немолодая, может, около сорока лет, с тяжелыми грудями, стоящая прямо перед объективом, руки на широких бедрах, массивные ноги немного раздвинуты, черный в завитушках лобок. «Мой отец говорит, что это портрет Африки». Мари почувствовала себя оскорбленной: «Твой отец говорит ерунду, это просто женщина, проститутка». Ей захотелось сказать что-то неприятное: «Он ей наверняка заплатил». Но она удержалась. В конце концов, художники тоже спали со своими натурщицами.

Мари часто приезжала на виллу «Стефан». Они проводила дни в комнате Эсме, болтая, смеясь, слушая музыку. Вечером, до наступления ночи, они шли купаться в нагретом солнцем бассейне, вскрикивая, когда их кусали водомерки. Воздух был теплым, дрозды щебетали на деревьях, и большие красные летучие мыши начинали свой танец вокруг сада.

На день рождения Эсме (ей исполнилось семнадцать лет) устроили большой праздник. На летние каникулы Мари отказалась возвращаться в деревню под предлогом экзаменов, подготовки к поступлению в колледж (она являлась кандидатом на получение американской стипендии). Господин Джибрил Стефан отсутствовал, продавал свои бриллианты в Израиле. Как обычно, оставил свою дочь под охраной кухарки-филиппинки по имени Эмма Джо и садовника-алкоголика высокого роста, которого звали Дада. Праздник продолжался несколько дней и ночей: мальчики из американского лицея и девочки из Our Lady заполонили дом и сад. Пили, курили, флиртовали. Музыка гремела, и у нескольких пьяных девочек случилась истерика. В первый раз Мари выкурила сигарету с марихуаной. Мальчик из американского лицея раздавал сигаретки, небольшая группа собралась в центре сада рядом с конурой собаки. Мари затянулась, выпила несколько рюмок водки и ее стошнило в прачечной в глубине сада. От грохота музыки содрогалась земля, собака Джон Рембо выла. Большой Дада выпил, как обычно. Он ходил по саду, раскинув громадные руки и крича: «Рікпі! Рікпі! Внимание! Я все расскажу господину Стефану!». Молодые только смеялись: «Дада, выпей с нами!» Эсме исчезла со своим приятелем-англичанином, таким же рыжим, как она. Мари осталась в саду с Сеймуром, метисом с зелеными глазами, милым и обходительным. Мари не сопротивлялась его объятьям, задремала, пока он ласкал ей щеку. Она находила, что это романтично и совсем не опасно.

В это лето 2003 года ситуация в стране обострилась. Говорили о войне, но она

там, далеко, впрочем, это была старая история. Мятежники перешли в атаку на севере, западе, международные силы, вероятно, решат все проблемы. Черное небо давило на город в сезон дождей, с четырех часов дня лил ливень, затопляя улицы, становилось так темно, что нужно было зажигать лампы. Девочки оставались под навесом, наблюдая за тем, как капли падают в грязный бассейн. Они обсуждали политическую ситуацию. Эсме позвонил отец, он застрял во Франции, аэропорт был закрыт для гражданских полетов. Он посоветовал не выходить из дома. Он попросил Дада защитить их, но Эсме не надеялась на него. «Видишь Дада? Он приветлив, кажется преданным, но если ему придется перерезать нам горло, чтобы спасти свою шкуру, он, не колеблясь, это сделает». Эмма Джо, напротив, казалась обеспокоенный, как и другие. Она причитала, готовила только белый рис с консервами. У Мари не было никакой информации о деревне. Возможно, мятежники уже стали хозяевами этой территории. Говорили, что они набрали армию фанатиков, в основном юношей, почти детей, которые принимали смесь кокаина с порохом, насиловали и убивали встреченных людей, отрезали им руки, чтобы те не могли сражаться.

Город пребывал в неведении. Лишь изредка слышны были полицейские сирены или дальние звуки выстрелов поверх деревьев, с которых слетали голуби, но это могли быть хлопки петард. Телевидение не работало, а по радио передавали противоречивые новости. Правительственные войска сделали то, мятежники это — несвязные речи. Девочки больше не включали приемник.

Однажды утром начались бомбардировки. Мари подумала, что это гроза, но на небе не было туч. Вскоре взрывы стали колебать землю, пропало электричество. Пришел Дада, он вошел в дом, жестикулируя: «Быстрей, быстрей, идите в школу, быстро!» Он дрожал, запинался. Эсме пыталась его разговорить, но он лишь тянул ее за руку: «Идите в школу, Мисс, идите быстрей!»

На улице люди разбегались в разные стороны. Не было ни машин, ни автобусов вот уже несколько дней, горючее реквизировали для армии. Стервятники кружили высоко в небе. Эсме шла так быстро, как могла, но дышала она со свистом и вскоре остановилась, села на землю, на шоссе. Тогда Дада поднял ее одним движением, как если бы она была мешком с тряпьем, и положил на плечо. Несмотря на трагизм ситуации Эсме смеялась от тряски на плече великана: «Остановись, Дада, остановись, ты делаешь мне больно!» Но Дада продолжал бежать, он уносил ее, словно добычу. А Мари бежала за ними.

В Our Lady of Fatima царила невообразимая сумятица. Девочки собрались на лужайке, но двери заведения оставались закрытыми. Несколько надзирателей безуспешно пытались поддержать порядок, группируя учеников в зависимости от классов: 6, 5 и 4-ые с одной стороны, взрослые с другой, с минуты на минуту ждали директора, мать настоятельница сделала распоряжения насчет молитвы. Это происходило в субботу каникул, совсем как в любую другую субботу, дождя не было со вчерашнего дня, трава на лужайке блестела под солнцем. Мари наблюдала за стервятниками, выписывающими круги в небе, ей хотелось сказать Эсме: «Пока они летают, с нами ничего не случится». Эсме их ненавидела. Она рассказала, что когда сопровождала отца на машине за город, они время от времени останавливались, чтобы отец пострелял из карабина по стервятникам. «Почему? Они — ангелы-хранители», заметила Мари. «Ангелы! Они уродливы, у них серые крылья, они похожи на летучих мышей!» Мари была рада узнать, что господин Стефан ни разу не смог убить ни одну из птиц, они летали слишком высоко.

Больше не слышно взрывов. Может, мятежников отбросили? Или это затишье перед бурей? Словно море, отступающее прежде, чем поднимется волна.

Девочки сели на траву под сень жакаранд. Это было похоже на пикник, отличие заключалось в том, что никто не принес ни еды, ни питья. К трем часам дня появился джип, и два надзирателя в сопровождении учителя физкультуры раздали воду в пластиковых бутылках, одну бутылку на двоих учеников. Чуть позже приехал еще один белый джип ООН, и из него вышли африканцы в камуфляже, вооруженные автоматами АК, Эсме сказала, что они нигерийцы, она распознала их акцент. Они громко говорили, почти кричали, надзиратели отвечали им таким же образом. Эсме пошла за новостями, вернулась и сказала, что новости противоречивы, солдаты говорили, что нужно ехать на пляж, ближе к порту, чтобы эвакуировать детей, надзиратели отказывались из-за опасности. Мари сказала: «Может, стоит вернуться на виллу? Сегодня уже ничего не случится, у меня нет желания провести здесь ночь».

Они нашли Дада и вместе пошли в квартал посольств. Все выглядело странным, потому что за день, казалось, многое поменялось в городе. Пустынные улицы, брошенные дома с разбитыми окнами и порталами, разрушенными тараном. Проходя вдоль стены посольства США, девочки ужаснулись, увидев, что почти все стекла были разбиты, а на фасаде видны следы пожара. Но дверь охраняли вооруженные автоматами солдаты. Они не двинулись, когда мимо них прошли девочки, но Дада они что-то прокричали на языке кран, по всей вероятности, какое-то ругательство, потому что Дада рассердился, а они ухмыльнулись. Дада грубовато, словно коз, подталкивал девочек. Он потел от страха, посмотрев на него, Мари вдруг поняла, что они рискуют жизнью, и Дада не в состоянии помочь им.

Виллу «Стефан» разграбили. Эмма Джо исчезла. Она, без сомнения, убежала, как только девочки покинули дом, чтобы пойти в школу. Во дворе лежала одежда, разбитая мебель, пустые бутылки вперемешку с книгами. Грабители разломали двери, шкафы, унесли кровати и матрасы. Они опустошили холодильник, выбросили то, что не понравилось: пакеты с овсянкой, растительное масло, собачий корм. Клетка Джона Рамбо была открыта, но собаки и след простыл. Эсме, державшаяся до этого момента, заплакала. «Моя собака, что они сделали с моей собакой? Почему они ее забрали?» Дада не стал церемониться и сказал грубым голосом: «Собаку можно съесть, Мисс!» Мари попыталась утешить ее: «Нет, не слушай Дада, они не съели ее! Может, она убежала и вернется». Эсме оставалась безутешной.

Внутри виллы Мари увидела фотографии, валяющиеся на полу. Грабители рылись в архивах господина Стефана, похоже, они искали деньги и драгоценности. В коридоре, на плиточном полу в гостиной были разбросаны семейные фотографии, портреты, пейзажи, ню. Они ходили по фотографиям, местами виднелись грязные следы от военных ботинок. В углу Мари увидела тайные фото, которые господин Стефан никогда не показывал. Военные фотографии, ужасные, кошмарные, дети с отрезанными руками и выколотыми глазами, матери со вспоротыми животами, где плод соединяется пуповиной с маткой. Почему он хранил эти ужасы у себя?

Мари шла по пустому дому, вытянув руки, как слепая. Внезапно она забыла о том, где находится, что с ней случилось, как если бы этот длинный день вверг ее в беспамятство.

Эсме осталась у входа, она сидела на полу посреди разрухи, перед большим взломанным сейфом. В этом сейфе господин Стефан хранил алмазы из леса, которые он перепродавал голландцам и израильтянам. Эсме неотрывно смотрела на сейф,

словно не стоило сожалеть ни о чем другом. Мари почувствовала злость, даже ярость. Она держала в руках охапки фотографий, которые бросила к ногам Эсме: «Посмотри! Посмотри на эти фото! Почему твой отец хранил фотографии бойни, почему...» Она не могла говорить, слезами наполнились глаза и перехватило горло. Эсме тоже плакала, но не захотела смотреть фотографии.

Какое-то время они сидели на полу, обнявшись. Мари поняла, что и Дада ушел, и что они одни на разграбленной вилле. Почувствовала холодок ужаса, спускавшийся по спине, и взяла себя в руки. «Эсме, нужно уходить немедленно! Если они вернутся, то убьют нас, надо идти на пляж, вертолеты ООН заберут нас, нужно уйти скорее, здесь очень опасно!» Эсме в недоумении смотрела на нее. «А если мой отец придет за мной....» Мари жестко ответила: «Твой отец не придет. Он не сможет приехать, аэропорты закрыты. У него даже нет алмазов!»

Они побежали по пустым улочкам. Время от времени вблизи раздавались выстрелы, хлопки, похожие на взрывы петард в Новый год, или проезжал на большой скорости автобус, и тогда девочки прятались в зарослях.

На пляже близ порта ждали три вертолета с огромными лопастями, свисавшими до земли. Солдаты ООН стояли в оцеплении, и когда Мари и Эсме представились, то один из них сказал Эсме: «Вы, но не она!» И он загородил палкой дорогу Мари. Эсме впала в истерику, она стала кричать: « Она тоже, это моя сестра, она со мной!» Но солдаты оттолкнули ее, и она упала на песок. В то же время они пропускали белых, желтых, смуглых, солдаты ООН даже не проверяли у них паспорта. Черным отказали, даже матери с двумя малолетними детьми, несмотря на ее утверждение, что она американка, а не африканка, солдаты преградили путь своими длинными палками.

А потом вертолеты взлетели, подняв большие облака пыли, беженцы разошлись, женщины завернулись в шали. Мари и Эсме оказались в толпе измученных людей, побелевших от пыли, плачущих детей, кричащих женщин, спотыкающихся стариков, ходивших по кругу. Там они провели бессонную ночь, ожидая восставших. На заре появились грузовики. Она брали пассажиров за доллары в крытые кузова. Мари переговорила с одним из шоферов и вместе с Эсме поднялась в кузов; они спрятались подальше от чужих глаз под навесом. Эсме смотрела на нее, не понимая. «Поедем ко мне, в сторону Каланго, к реке Мано. Если останемся здесь, то нас убыот, особенно тебя». Она смотрела на бледное лицо Эсме, светлые волосы с рыжим оттенком, зеленые глаза. «Держи, покройся этим». Она дала ей свой черный платок, Эсме укуталась в него, легла на пол в глубине грузовика. В кузове было несколько пассажирок с испуганными детьми. Они пытались перейти границу со стороны Бо. Когда грузовик тронулся с места, у Мари случился приступ нервного смеха. «Эти мерзавцы из ООН, пусть Бог устроит аварию их вертолетам».

Граница являлась самым опасным местом. В Каланго Мари пошла к своей тете со стороны отца, по имени Камара. Она жила одна в богатом доме на въезде в деревню. Когда она впустила девочек, то прежде всего закрыла дверь, потом, узнав Мари, произнесла длинную обвинительную речь на своем языке мембе: «Когда я издалека увидела вас, то подумала, что вы солдатские девки, проститутки, они ходят за ними: когда солдаты приходят в деревню, то сначала посылают девок, чтобы те проверили, нет ли там других солдат, что дорога свободна, и тогда они приходят и забирают все, убивают тех, кто сопротивляется. Они были здесь четыре дня тому назад, все унесли, я осталась, потому что старая, готова к смерти, могу прямо сей-

час встретиться с Богом, но вы, вы очень молоды, вы не должны умереть, добро пожаловать, но не оставайтесь здесь, убийцы вокруг деревни, если они схватят вас, то вы станете их рабынями, если они вас схватят, они изнасилуют вас, отрежут руки, чтобы вы не смогли выйти замуж, они прокляты, демоны, они оставят вас умирать на муравейнике, а мне остается только умереть, моя семья перешла границу, я одна и чувствую себя одинокой!» Все сказанное перемежалось словами «Ahnyaké, ahnyanjé, O! Отец! О! Мать!» и громкими рыданиями.

Девочки провели ночь у старой Камары в большом пустом зале, из которого исчезла мебель, телевизор, диваны, холодильник, ковры, а пол был усеян обломками, оставленными грабителями. Старуха сидела на единственном стуле, охраняя девочек. В деревне было непривычно тихо, не слышно ни собак, ни петухов. Ранним утром тетя приготовила еду, не унесенную повстанцами: паштет из маниоки, бананы, несколько сушеных рыб, банки с сардинами, зеленые апельсины. «Идите, не оглядываясь, дети, не переходите дороги, мосты, прячьтесь в колючих кустарниках, и пусть Бог не оставит вас, пусть Бог накажет убийц».

Мари нашла тропинку, которую она знает с детства, ту, что пересекает саванну между холмиками термитников. Много дней не было дождя, завитки туч тянулись вровень с холмами. Мари шла впереди, неся одежду и провизию на голове, как раньше, когда она возвращалась из школы. Теперь она чувствовала себя сильной, потому что ей знаком был каждый поворот, каждая складочка земли, каждый куст. Эсме следовала за ней, хилая, словно больной ребенок.

Они шли несколько дней, от зари до полудня, не останавливаясь, без еды, питья, в молчании, каждое мгновение готовые спрятаться в кустах, все их чувства были обострены в ожидании опасности. Они обходили деревни и фермы из боязни быть замеченными жителями и выданными повстанцам. Стервятники кружили в небе над ними, по ночам они слышали пугающие звуки, рык животных, доносящийся из лесу. Им пришлось сделать крюк, чтобы не столкнуться со стаей бабуинов, а в другой раз их атаковало стадо диких свиней; они остались живы только потому, что взобрались на трухлявое дерево. Свиньи держали их в осаде до вечера, они хрюкали и сдирали кору с дерева, а затем, когда саранча начала свой вечерний концерт, свиньи устали и ушли.

По ночам насекомые оживлялись. Девочки спали, закрыв головы платками и майками. Слабая Эсме дрожала от лихорадки.

Наконец они достигли цели. Мари поняла это, увидев, что земля стала краснее и покрыта колючим кустарником. С наступлением ночи она оставила Эсме на поляне и пошла в разведку в сторону Йеле, фермы между деревней ее тети и рекой. Придя туда, она увидела подозрительные силуэты, мужчин в банданах, женщин с автоматами, и сердце ее забилось сильнее. Она узнала солдат революционной армии. Эсме отползла как можно медленнее и тише.

Той ночью они не отдыхали. Они быстро шли через кустарник к реке. Полная луна освещала пейзаж, вырисовывая сухие деревья с кривыми пальцами на фоне неба. Страх придал девочкам сил.

Эсме тихо жаловалась, стонала: «У меня болят ноги, я больше не могу». Мари говорила: «Мы идем к Яма». Может, Эсме думала, что они идут к бабушке Мари, в дом, где они смогут поспать в безопасности.

На рассвете они подошли к выступу над рекой, где увидели дерево.

Дерево большое и щедрое. Его мощный ствол разделен на побеги, большие

ветки, веревки и мосты. Его корни погружены в землю в четырех направлениях.

Мари входит первой через узкое отверстие. Она вспоминает, как легко это было сделать прежде, когда она была маленькой, а теперь ее бедра с трудом проходят через вход, она стукается головой, ее волосы цепляются за лишайники и сучки. Но она сразу же узнает запах, тень, мягкий и влажный войлок, и она шепчет имя дерева: «О, Яма!» Она повторяет, проходя через отверстие: «О, бабушка, защити меня, забери меня в свое лоно, дай мне молока, защити меня и мою подругу Эсме, она моя сестра, прими ее и спаси нас от врагов».

Эсме в свою очередь входит, она больна, дрожит от лихорадки и отчаяния. Мари укладывает ее на сухом ковре, оставленном древесными муравьями.

Солнце проникает сквозь верхнее отверстие и превращается в зеленый свет, мешающийся с листьями и песнями птиц. На стенке дерева, в складках коры, сохранилась дождевая вода, настолько чистая и прохладная, что Мари набирает ее в ладони и поит Эсме. «Она вкусная, как мед», — говорит Эсме, жадно пьет, и Мари улыбается, услышав ее детский голос.

Здесь она у себя, в конце путешествия. Долгое время она мечтала об этом, может быть, с того момента, когда она пришла в лицей к сестрам. Сюда не может проникнуть безумие людей, здесь они с Эсме вдали от людской жажды власти, жажды крови и алмазов.

«Я родилась здесь, в дереве, – рассказывает Мари. – Моя мать умерла родами, она родила меня на берегу реки во время войны, и тогда бабушка принесла меня сюда и спрятала в дереве. Она кормила меня своим молоком, потому что у меня не было матери, чтобы кормить меня. Она молила Бога, и Бог сделал так, что у нее появилось молоко, хотя она была старой и бесплодной, она кормила меня своим молоком, она давала мне воду дерева, и когда закончилась война, она принесла меня к тете Коне, а потом она умерла и ее похоронили здесь, на берегу реки, рядом с ее деревом. Она меня кормила и прятала здесь, а я не помню ее».

Эсме упивается ее словами, так же, как она, пьет горькую смесь, приготовленную Мари из листьев дерева, перемешанных с вьюнком, ползущим между корнями. Чтобы вылечить ее от астмы, Мари натирает ее грудь листьями, смешанными с пеплом.

Мари забыла причуды города. Она сняла свою одежду и туфли, совсем, как раньше, когда она убегала из школы. Она надела большую майку, что дал ей Сеймур во время празднования дня рождения на вилле Стефан. Она спала в ней на земле, и теперь майка грязная, и что-то написано на груди, что-то вроде Marvin Gaye или LL-Cool J^1 , но здесь это не имеет никакого значения. Она повязала волосы красной материей, она шутит, что она участник RUF^2 , что она дочь революции.

Правда в том, что она делает революция совсем одна, что ведет Эсме за собой; теперь их двое против остального мира.

Ночью лес просыпается. Мари помнит каждый звук, каждый крик. Говорящий с ней на языке, который она забыла и который просыпается в ней, длинные слова, короткие, шипение, вздохи, щебетанье птиц, спрятанных в ветвях, уханье совы, крики козодоя. И бесконечная вибрирующая нота насекомых.

Даже когда Эсме дрожит от холода, Мари не зажигает огня, чтобы не привлекать убийц. Яма зажигала огонь только на заре, когда дым мешается с испарениями

¹ Американские певцы.

² Revolutionary United Front – Объединенный революционный фронт.

реки, чтобы согреть камни в золе и приготовить корни вьюнка. Все, что Мари знает о лесе, это Яма её научила. Не уроками, а своим молоком. Мари молится тихим голосом: «О, Яма, бабушка, дай мне твою силу, защити нас от убийц, удали их от твоего дома!»

Она слушает голос леса. Она чувствует на себе, на Эсме руки Яма, которые их обнимают, сжимают, она слышит тысячи тихих шумов, создающих кольцо вокруг них.

По ночам река слышна лучше, это медленная песня, шорох от прикосновения воды к камням вдоль берега, красный песок падает в изгиб реки, но мощные корни дерева поддерживают землю.

Иногда к полуночи идет дождь. Дождевая вода льется каскадом вдоль ствола внутри дерева и заполняет полости в коре. Дождь перескакивает с ветки на ветку, с листа на лист, и от земли исходит сильный и нежный запах, напоминающий детство. Мари дрожит, узнавая запах, казавшийся забытым. Она шепчет, наклонившись к Эсме: «Дыши, сестра, дыши, дерево Яма исцелит тебя, не дрожи, ничего не бойся, Яма защищает нас».

Эсме заснула в первый раз после нескольких недель. Она свернулась клубком, обхватив колени руками как для прыжка в бассейн. Она дышит тихо, маленькими вдохами, слушая звуки дождя и ночи.

Луна всходит над саванной, освещает верхушки деревьев. Бледный свет проникает сквозь верхнее отверстие до ковра из листьев, где заснула Эсме, а Мари все вспоминает. Она вновь проживает время своего рождения, когда Яма прижимала ее к себе, чтобы остановить войну.

Шум, шорох шагов по земле вокруг дерева. Мари открыла глаза, сердце ее трепещет. Может быть, это солдаты, повстанцы ОРФ, или еще хуже: страшные военные, которые продаются тому, кто платит миллионы долларов, пригоршни алмазов, чтобы бродить по ночам, убивать, насиловать и грабить. В черных масках, обмазанные сажей. Вооруженные мачете и автоматами. Мари задерживает дыхание, она не осмеливается разбудить Эсме из страха, что та закричит и выдаст их. Насекомые замолкли, даже лягушки застыли на берегу.

Мари видит тень перед входом, массивный темный силуэт. Она слышит дыхание зверя, ворчание на низких тонах, спокойное. Мягкие шаги по земле, рядом с корнями. Мари никогда не видела и не слышала ничего подобного в детстве. Но имя зверя приходит на языке Яма: suluwo, гиена.

Мари узнает зверя. Его широкую морду, гриву, горбатую спину, маленькие круглые уши. Она вспоминает, что видела его в фильмах, по телевизору, в школе, может, у мсье Стефана, в документальных фильмах о животных, которые ему так нравятся, а девочки смотрели их, зевая, краем глаза.

Suluwo ходит мелкими шагами вокруг дерева, носом копается между корнями, гиена ворчит и мурлычет, делает вдох, подняв голову и навострив уши, улавливая звуки. Она поворачивается, возвращается, останавливается перед входом, она почувствовала присутствие девочек, но это ее особо не беспокоит. Мари без ужаса смотрит на нее, но чувства ее обострены. Ей кажется, что реальность изменилась и больше нет опасности. О, Яма, Suluwo твоя посланница, гиена, хозяйка саванны, хозяйка реки, ты послала ее к нам, чтобы она защитила нас от убийц.

Дети не придут, те, чей ум замутнен кокаином, смешанным с порохом, сумасшедшие дети, убивающие своих родителей, калечащие своих маленьких сестер, они не найдут наших следов, потому что когти гиены вонзились в землю и стерли их. Они не учуют нашего запаха, потому что Suluwo присела перед деревом и помочилась на землю! Они почувствуют запах гиены, увидят следы от когтей гиены на земле и испугаются, уйдут на ту сторону реки в свое логово демонов.

Каждую ночь бурая гиена возвращается к дереву Яма. Она пробует землю, вдыхает пепел, трется гривой о кору, чтобы оставить свой запах, она стирает своими лапами следы людей. Однажды, только один раз, убийцы пришли к дереву до наступления ночи. Мари и Эсме укрылись в глубине их пещеры, задерживая дыхание. Солдаты наклонились, прочитали на земле следы гиены, почувствовали ее сильный едкий запах, дико закричали и ушли в деревни. «Скоро, — подумала Мари, — они пройдут по мосту и исчезнут, как дурной ветер, и жизнь вернется на сожженную землю, в разрушенные города».

Посланница Яма возвращалась каждую ночь в один и тот же час. Она ходит и танцует вокруг дерева, девочки узнают ее грузный силуэт, темный и мощный, как у медведя, ее широкую голову и маленькие уши, и они чувствуют себя защищенными снисходительной и капризной прабабушкой. Мари оставляет каждый вечер еду, бананы, тапиоку, сушеную рыбу. Она оставляет воду в берестяной плошке, пресную воду дождя, которую гиена лакает языком маленькими глотками. Гиена ест немного, оставляет тапиоку, потом немного ворчит, чтобы сказать спасибо, чтобы сказать, что она довольна. Мари и Эсме каждую ночь ждут ее прихода, улегшись на земле, повернув к двери лица. Они слышат глухой звук ее шагов в траве, они слушают дыхание приближающегося зверя. Мари говорит с гиеной тихим голосом, чтобы не испугать. Она ей рассказывает историю Яма, о своей прежней жизни в дереве, когда бабушка прятала ее и кормила своим молоком, защищала ее от убийц. Гиена слушает, Мари не видит ее глаз, но ее широкая морда повернута к дереву, и уши торчат, улавливая слова. Потом она отвечает ворчанием, дует на землю, фыркает; при свете луны она окружена ореолом из частиц пыли. Она – сильная, она – хозяйка леса, берегов реки, она – бабушка этой земли. Знакомая с тайнами жизни, охраняющая страну, несмотря на людей. Одинокая, без возраста, родом с истоков реки, гор, окаймляющих пустыню, песчаного края и баобабов; она пришла с другой стороны жизни, цвета ночи, молчаливая, волшебная, чтобы защитить потомство Яма, чтобы поддержать детей в испытании. Она покинет их только когда закончится война, и когда она будет не нужна; она вернется в свое логово на севере, туда, где живут ее сородичи.

В середине августа Шарль Тейлор сложил оружие и отказался от власти. Крики радости сельчан долетели до Мари и Эсме. И тогда девушки вышли из дерева на свет и пошли в сторону Каланго. Жители ферм и деревень с удивлением смотрели на проходивших вдоль улиц двух существ в лохмотьях, босиком, с грязными волосами, одно

из них очень бледное, с прозрачными глазами слепого, другое – цвета земли, в серых пятнах, с безумным выражением лица.

Они двигались молча, толпа ребятишек расступалась, старухи прятали лица, полагая, что видят привидения тех, кого военные насиловали и убивали ударами сабель, и кто был похоронен на поляне посреди леса.

По дороге к реке Мано грузовик ECOMOG¹ подобрал их, и Мари и Эсме совершили путешествие в обратном направлении через всю разрушенную страну. Везде вдоль дороги – развалины домов, остовы сожженных грузовиков, иногда на обочине – раздувшиеся тела, добыча стервятников. Жители деревень смотрели на проезжающие военные грузовики пустыми глазами, дети не кричали, не прыгали, как прежде, немые и испуганные, голодные. Тучи мошкары походили на дым.

В квартале посольств жизнь возобновилась. Ничего особенного там не происходило, несколько погромов. Дада начал прибираться на вилле «Стефан». Он собрал в кучу обломки, разбитую мебель и все поджег; густой черный дым застил голубое небо. Только это и напоминало войну.

Он встретил девочек с энтузиазмом: «А, Мисс, Слава Богу!» Он вручил Эсме конверт из посольства Франции, в котором был билет в Бейрут, чек на номер в отеле «Конкорд» в Париже и визитная карточка одного атташе со следующими словами: «От мсье Джибрила Стефана». Стало ясно, что мсье Джибрил уехал навсегда, он никогда не вернется в Африку, его сейф пуст, время алмазов закончилось, международное сообщество проголосовало за запрет торговли алмазами, словно именно эти маленькие блестящие камешки являлись причиной несчастья народа, а не жадные и коррумпированные политики, их армия демонов, убийц, подсадивших на наркотики детей и бросивших их в войну, вооружив саблями и пулеметами.

- Ты ко мне приедешь? спросила Эсме.
- Может быть, однажды, ответила Мари.

Но она думает об опустошенных деревнях, о детях, которых она научит читать и писать, о дереве Яма у реки, что ждет ее.

Перевод с французского Гюлюш АГАМАМЕДОВОЙ

¹ Economic Community of West African States Cease fire Monitoring Group (ECOMOG) – Наблюдательная группа за прекращением огня экономического сообщества Западных Африканских государств.

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Искусственный мир

Эссе

Все течет, все изменяется. В одну реку нельзя войти дважды именно по этой причине. Другая река, другие времена, другая жизнь. Некая фатальность присутствует в данном процессе. Случается, что в самом сердце незыблемых традиций, тем не менее, происходят изменения. Меняется антураж. Отдельные, прежде герметично закрытые традиционные общества волей-неволей превращаются в сообщающиеся сосуды. Появляются новые поколения, которые невозможно отгородить китайской стеной от остального мира. И еще появляется бесконечное желание людей изменяться и изменять все вокруг них.

На фоне бесконечных изменений наблюдаем появление нового — искусственного, виртуального мира, часто далекого от реальности, отшлифованного, отформатированного, а потому недостижимо прекрасного. Чтобы попасть в этот мир, необходимо приложить достаточно много усилий. Каждый, кто стремится в него, должен (по законам жанра) соответствовать определенным жестким стандартам. И вот тут парадоксально обнаруживается удивительная похожесть, далекая от многообразия жизни, а значит, и от изменчивой природы мира.

Искусственный мир – результат глобализации сознания. Одинаковые стандарты общества потребления по всему миру. Эксгибиционизм - один из феноменов искусственного мира. Желание выставить напоказ, а вернее, на зависть окружающим, всё, и в первую очередь себя, любимого. А вот для того, чтобы картинка соответствовала идеалам эрзац-культуры, нужно пройти тяжкий путь. Начинают с самого заметного. Меняют внешность. Если раньше использовали одежду для того, чтобы предстать в более выигрышном свете, к примеру, в средние века женщины носили корсеты, чтобы казаться стройнее, то сегодня можно перекроить плоть. Любопытная эволюция. Появилось неисчислимое множество салонов красоты, предлагающих дамам и мужчинам (мужской пол все активнее вовлекается в процесс) поменять все, что угодно. Вы недовольны тем, чем природа наградила вас при рождении? Нет проблем. Мы изменим вас так, что мама родная не узнает. И не узнает! Процесс идет полным ходом и, как ни странно, приводит к парадоксу. Чем больше хотят изменений, совершенства, тем больше становятся похожи друг на друга. Одинаковые носы, губы, грудь, овал лица. В итоге изменения выливаются в производство одинаковых особей, похожих на куклы-манекены. Форсированное изменение внешнего облика привело к стандарту. Кто-то скажет, золотому.

Стремление быть похожим на куклу, на неживую резиновую куклу уже не вызывает удивления. Число людей, мечтающих превратиться в виртуальных персонажей, увеличивается с каждым днем. В США, в Лос-Анжелесе, открылось модельное агентство «искусственные люди». Оно рекламирует людей, потративших не менее 3 млн долларов, чтобы полностью изменить свою внешность и стать похожими на живых кукол. Что движет этими людьми? Возможно ли, чтобы массовая эрзац-куль-

тура, захватившая, подобно пандемии, весь мир, настолько очаровала людей, что от желающих уподобиться гламурно-сладким мультяшным куклам нет отбоя?

Каким образом стал возможен этот бесконечный нон-стоп показ собственного совершенства? Новые технологии очень помогли в этом нелегком деле – телефоны, айпады и их ближайшие друзья – социальные сети сделали неслыханный подарок самовлюбленным нарциссам. Фото-, видео-съемки позволяют ежеминутно сообщать всему миру не только о своих пристрастиях, взглядах на жизнь, гражданской позиции, но и рассказать о собственных достижениях, неземной красоте, изяществе. И конечно, в невероятно красивых интерьерах, похожих на постановочные кадры голливудских фильмов о прекрасных принцессах. В эту игру вовлекается все больше людей, переселяющихся из реала в виртуал и мечтающих усовершенствовать свою уникальную личность. Картинки из красивой жизни счастливчиков, сумевших осуществить свою гламурную мечту, действуют, как наркотик, на молодые умы. Фото, видео, фильмы из жизни олигархов, успешных кино- и шоуменов, выставляющие и прославляющие жизнь этих деятелей, их спутниц, счастливых детей. Не могу не вспомнить очаровательную реплику одной из дам из «высшего общества»: «Как!!!! У вас нет прав на вождение яхты?!!!!». Праздники, ставшие постановочными шоу, развлечения в немыслимых интерьерах, дворцы, виллы, яхты, самолеты – вся эта «красота» обрушивается на подростков и на инфантильные умы, завораживает и вызывает патологическое желание стать такими же успешными. Неважно, что для этого придется делать. Неважно.... Главное – результат.

Если вступить на этот путь, то времени ни на что другое хватать больше не будет. Всегда найдется новое достижение косметологии, диетологии, которое вы еще не попробовали. Этот феномен можно назвать новой зависимостью – addiction, от которой, вероятно, скоро начнут лечить. «Совершенные люди», естественно, не могут жить в том же мире, что и обычные смертные. Им нужен особый антураж, позволяющий представить себя как можно лучше. А значит, фото- и видео-съемки лучше вести из элитных салонов красоты, бутиков, дорогих ресторанов, самых невероятных, желательно красочных мест земного шара (так, чтобы было экзотично, но без эксцессов: если держишь в руке сову, то лучше белоснежную, если гладишь льва, то лучше с ухоженной гривой, если ешь лобстера, то большого и т.д.) Для создания такого гламурного искусственного мира требуются средства, финансовые. Чтобы можно было все купить. Все красивое. А для получения этих средств правильнее всего (для искусственных людей, естественно) получить желаемое при помощи «неземной красоты». Вот они и стараются.

Одно из последних достижений цифровых технологий – Réalité augmentée – дополненная реальность. Что это такое? Вероятно, с этой технологией знакомы многие. Ну, хотя бы по японской игре, захватившей весь мир. Рокетоп Go. Ловля мультяшных покемонов в реальном мире превратилась в проблему во всем мире. Покемонов ловили везде, иногда в самых неподходящих для этого местах. В храмах, музеях. Эта технология предоставляет новые возможности любителям красивой жизни. Почему бы из обычной спальни не сделать покои Шехерезады? Безусловно. дополненная реальность может быть использована не только для того, чтобы добровольно погрузиться в грезы, в сон наяву, но и во благо людей. Например, в медицине.

Внешностью, естественно, все не ограничивается. Появляется настойчивое желание поменять стиль жизни. Современные гуру, проповедующие успех, очень часто понимаемый, как обогащение, написали огромное количество книг на тему, как его

достичь, затрачивая минимум усилий. Они популярно объясняют, каким образом нужно общаться, с кем дружить, как улыбаться, в какой момент предложить товар, а когда уйти в тень, как рекламировать себя, при этом не выглядеть назойливым. Эти и многие другие ценные советы можно почерпнуть из многостраничных изданий. Действительно, многие банальности выглядят свежо, когда о них говорят люди, добившиеся успеха. Они предлагают всем желающим воспользоваться их бесценным опытом и устремиться к тем сияющим вершинам, которых они достигли сами. Среди достаточно простых текстов – книга успешной дамы, создавшей косметическую империю и придумавшей принцип сетевого маркетинга, Мэри Кей. Автобиографическая книга сверхуспешного американского магната Эндрю Карнеги стала путеводителем для людей, мечтающих сказочно разбогатеть. Книга была написана в 1889 году и имеет звучное название: «Евангелие богатства», Занимательно, что Карнеги, ставший сказочно богатым, в почтенном возрасте проповедовал отказ от богатства и советовал богачам раздать накопленное ими богатство на благо общества еще при жизни. Недавно посмотрела американский фильм 2010 года о постапокалиптическом мире — «Книга Илая». С удивлением обнаружила, что главного злодея зовут Карнеги. Так же, как и автора «Евангелия богатства». А если принять во внимание тот факт, что Илая хранит Библию, то антитеза очень показательна.

Готовый продукт, оттюнингованный, с отформатированными мозгами, смело шагает по жизни в полной уверенности, что может достичь невероятных высот просто потому, что у него все совершенно. Забавно, не правда ли? Удивительно другое: общество потребления культивирует такие настроения; востребованных резиновых кукол, не обремененных интеллектом, становится все больше.

Еще один пример из жизни искусственного мира. Американка потратила 1,5 миллиона долларов, чтобы стать похожей на куклу Барби. Получила, что хотела, и даже сверх того. В качестве бонуса пластический хирург осуществил ее желание иметь на лице вечную улыбку куклы Барби. Представила себе вечно улыбающуюся живую женщину, удивительно похожую на куклу, и мне стало страшно. Я вспомнила роман Виктора Гюго «Человек, который смеется» и его главного героя – несчастного, изуродованного вечной улыбкой лорда Гуинплена. У Виктора Гюго — удивительный литературный талант, умение создавать живые персонажи, живущие в мире, полном удивительных хитросплетений сюжета. Но даже ему, я полагаю, невозможно было вообразить женщину, заплатившую кучу денег для того, чтобы получить рот, искаженный вечной улыбкой.

Возможно ли, чтобы изменение внешнего облика привело к изменению стиля жизни и в конечном итоге к изменению общества? Интересный вопрос, на который нет однозначного ответа. Почему развернулась такая ожесточенная полемика в западных христианских странах по поводу ношения хиджаба? Казалось бы, дело каждого решать, будешь ты носить платок, завернешься в чадру или наденешь мини-юбку. Этому есть простое объяснение. Ношение мусульманской одежды предполагает стиль жизнь, диаметрально противоположный стилю жизни западных стран. Совершенно так же, как байкеры, хипстеры, когда-то хиппи, рокеры, узнают друг друга по «прикиду», так и люди, носящие определенную одежду, чувствуют себя частью определенного социума, в котором им комфортно. Не только одежда, но и манера поведения, разговор, выбираемая лексика, и самое главное — менталитет. Если вы полагаете, что можно серьезно поиграть в игру со сменой имиджа так, чтобы она не затронула вашу личность, то вы обольщаетесь. Ваша новая личина обяза-

тельно оставит отпечаток, зарубку на душе. Даже элементарный повседневный выбор одежды — будь то офисная, для отдыха, танцев и так далее, меняет, в определенной степени, ваше поведение. Воровской жаргон, татуировки, цепи, черные кожаные куртки, тяжелые ботинки стали повседневной модой людей, не связанных напрямую с криминалом, и, тем не менее, возможно, подсознательно они готовы принять законы криминального общества.

Живые одинаковые куклы живут в своем искусственном глянцевом мире, стараясь изо всех сил завоевать симпатии, а вместе с ними и материальные средства для своего безупречного мира, столь далекого от реального. Если им это не удается, то они ломаются, совсем как обычные неживые куклы.

Париж, Париж...

Путевой этюд

Что будет делать женщина, оказавшаяся в городе своей мечты, Париже? Одна. Летом. Свободная, как птица, вольная лететь, куда пожелает. Вдохнет особый воздух. Воздух свободы. Поглазеет на публику. Люди на улицах — яркие, разные, многоязычные. Поищет глазами женщин, о которых можно сказать «настоящая француженка». Восхитится городом. А город все тот же — зовущий, словно сирена, завлекающая в свои сети простодушного моряка. Прохожие, те, что движутся целенаправленно, словно не замечают того, что вокруг. А глазеющие по сторонам, похоже, ищут заранее заготовленные образы. Все, что в воображении слилось с Парижем, должно непременно найти свое реальное воплощение. Вот и женщина, Амина (назовем ее Аминой), оказавшаяся здесь впервые, не смогла удержаться от искушения пройти тем же путем, что и миллионы страждущих приобщиться к городупразднику.

– Мадам, вы не скажете, как мне пройти к Бастилии? – Амина обратилась к седой даме, ждущей автобуса. Та улыбнулась, повернулась к своей рядом стоящей подруге. Вдвоем они подробно объяснили, как добраться до площади.

Женщина поблагодарила подруг и благополучно добралась до площади Бастилии. Но самое забавное заключалось в том, что она почувствовала себя разочарованной, потому что самого здания Бастилии там не было! И не могло быть! Она читала об этом. О революции, о том, что возмущенные монархическим режимом свободолюбивые французы разрушили до основания крепость Бастилию, на тот момент королевскую тюрьму. Она вспомнила, как во время экзамена ее развеселил один из студентов. На ее вопрос, что празднуют французы в Национальный день Франции, 14 июля, он ответил, что этот день связан с Бастилией. А что такое Бастилия? И у студента в голове, по всей вероятности, сложился свой образ Бастилии, и он, не задумываясь, ответил: «Это гордость французского народа». Большего от него добиться не удалось. На ее подсказку: «Может, это королевский дворец, или тюрьма, а может, одновременно дворец и тюрьма», – студент никак не отреагировал. Он твердо стоял на своем. «Гордость!» А теперь странным образом оказалось, что и у нее тоже своя Бастилия, такая, какой она была изображена на картинке, до того, как ее разрушили. И на месте ее не оказалось....

Описывать красоты Парижа – неблагодарный труд. У каждого Париж свой. В этом Амина убедилась, когда много позже своего визита в город-мечту выслушала

рассказ сначала русского, а потом американца. Русский заявил со всей решительностью, что эта европейская столица ни в какое сравнение не идет с Москвой. Вот где размах, красота, чистота! А Париж? Что Париж? Небольшой город с многочисленными проблемами, и грязный к тому же. Ну, сфоткались у Эйфелевой башни. Наверх подниматься не стали. Такую очередь выдержать, и зачем? Американец не был бы американцем, если бы не отметил как одну из главных достопримечательностей книжный магазин «Шекспир и компания», основанный американкой, в котором любили бывать Хемингуэй, Фитцджеральд, Гертруда Стайн. Примечательное место.

Амина поднялась на самый верх Эйфелевой башни. Пока она стояла в извивающейся змеей очереди, чтобы заполучить долгожданный билетик, с ней приключилась забавная история. Впрочем, она давно заметила, что притягивает к себе необычных людей и часто попадает в нестандартные ситуации. В то лето в Париже ее принимали за итальянку. Почему? Вероятно из-за внешности южанки и еще потому, что она свободно говорила по-французски, с легким акцентом, не грассируя «Р» и увлекаясь напевностью. Никого она не разубеждала; ей льстило такое сравнение. В очереди прямо перед ней стояла пара. Сейчас часто можно встретить подобные пары. Она постарше, подвижная, в подчеркнуто молодежной одежде. Рядом с ней спутник, не выделяющийся ничем, кроме бьющей в глаза юности. Влюбленные, вероятно, стараясь соответствовать банальным представлениям о Париже, как о романтическом городе, городе любви, касались друг друга, обнимались, смеялись, но самое главное, комментировали все, что видели. Говорили они на русском. В полной уверенности, что вокруг них, в очереди, никто не понимает их милого разговора. Амина, русскоязычная, выслушивала комментарии пары, в которых матерные слова воспринимались лишь как фигура речи, просто как украшение, как бы сказали наши дамы, «вишенка на торте». Замечания их о городе, башне, скучной толпе, невероятной очереди, где лишь они выделяются своей любовью друг к другу, не представляли особого интереса, и женщина наверняка забыла бы о них, если бы.... Вот именно, если бы в этот момент не раздался звонок. Звонил ее мобильный телефон. Посмотрев на экран, прочитала имя абонента, ждущего ответа. «Муж». Так кратко она обозначила в своей телефонной книжке спутника жизни. Не ответить невозможно. Хотя бы потому, что муж, зная, что она в Париже одна, не поймет ее молчания. А ответить – значит выдать себя. Вот такая дилемма. Почему каждый раз, когда она пытается сделать индифферентное лицо, что-либо или кто-либо выдает ее?

«Да, я слышу. Конечно. Пока нашла телефон, ты же знаешь. В моей сумке художественный беспорядок». Амина не удержалась и взглянула на парочку. Они застыли в немом изумлении. Ей стало жаль их. Так жестоко разрушить идиллию интимного разговора женщине еще не приходилось. Она отвернулась, продолжая говорить мужу банальности и представляя, какими эпитетами наградит ее вечером за ужином колоритная парочка. Когда она уже забралась на самый верх башни, то потеряла из виду русских туристов. Замерла в восхищении, любуясь панорамой, гармоничной мозаикой города, разбросавшего перед восторженными почитателями несметные богатства. Удивилась тому, что только одна высотная башня Монпарнас глядит свысока, а, возможно, чувствует себя неловко, словно парвеню среди солидных и не столь высоких зданий Парижа. Тут же услышала объяснение одного из французов своему гостю: «Нельзя нарушать стиль города. Вы же видите, какая красота. Поэтому только одна, нет, две башни, с одной мы сейчас и любуемся на город. Строить высотки можно в пригородах». Амина вздохнула, невольно вспомнив коли-

чество домов-башен в родном городе.

Rue de Rivoli, та самая улица, где происходят события многих романов французских авторов. А вот сейчас она идет по ней, и уже не в первый раз. Идет и поражается своей удаче. Как так случилось, что она, наконец, здесь! На одной из самых знаменитых улиц мира. Вот так просто гуляет, а скоро дойдет до Лувра – он совсем близко – и полюбуется на бесценные сокровища. Еще утром, в гостинице, выбранной ею за доступную для нее цену, за чудное имя «Агора», означающее место для собраний в греческом полисе, и за расположение в самом центре Парижа, рядом с проспектом с не менее экзотическим названием «Севастопольский бульвар», она случайно услышала удивительный разговор. К портье подошли двое мужчин, по внешним признакам – китайцы. Один из них – обычного китайского небольшого роста, средних лет, а другой, молодой человек, просто гигант. Взрослый мужчина едва доходил до плеча молодому. Молодой обратился к портье: «Мьсе, вы не скажете, где находится музей, в котором есть знаменитая картина «Мона Лиза». Мы приехали, чтобы посмотреть на нее». Амина в этот момент завтракала в маленькой гостиной, примыкающей к приемному отделению. Ела круасан и думала о том, как француженкам удается сохранить стройную фигуру, съедая за завтраком сдобу, иногда с медом или повидлом. Но услышав вопрос китайца, она внимательно посмотрела на мужчин. Отметила распахнутые в изумлении глаза портье. Справившись с удивлением, он ответил:

— Это рядом. Если вы пойдете вверх по улице Риволи, никуда не сворачивая, то выйдете к Лувру, это музей, очень хороший музей, — здесь портье сделал паузу и посмотрел поверх очков на китайцев, проверяя впечатление, произведенное его словами на туристов. — Вот там хранится знаменитая картина Леонардо да Винчи «Джоконда», которую еще называют «Моной Лизой».

Китайцы оставались бесстрастными. Во всяком случае, лица их не поменяли своего доброжелательного выражения. А молодой повторил тот же вопрос: «Мона Лиза в этом самом Лувре?» Портье кивнул. Улыбнулся.

Женщина почти не удивилась тому, что в громадном музее, где собраны произведения со всех концов света, китайцев интересует лишь небольшая по размеру картина. На нее каждый день любуются толпы туристов. Некоторые из них не особо разбираются в искусстве. Но о Джоконде слышали все. Каждый раз, выходя из отеля, женщина решала для себя, куда она направится в этот день. Ее не тяготило отсутствие спутника. Наоборот, никто не мог ей навязать своего мнения. Могла бродить без цели. Но сегодня она пойдет в Лувр. Прямо перед входом в арку к ней подскочила женщина, нагнулась, выпрямилась и быстро заговорила, держа в руках что-то блестящее. «Мадам, вы очень удачливы. У вас под ногами я нашла золотое кольцо. Смотрите!» Она ловко поднесла к лицу Амины сверкающее кольцо. «Посмотрите, оно словно ждало вас. Видите, мне оно маленькое, а вам будет впору, я не сомневаюсь. Не хотите примерить?» Амина смотрела на женщину, на ее старания вручить ей, незнакомке, кольцо, и совершенно ясно понимала, что наживка срабатывает в том случае, если базовый инстинкт собственника будет сильнее разума. У Амины много недостатков, но жадности в ней нет. Она улыбнулась, отошла на шаг назад от назойливой дамы и только покачала отрицательно головой. Женщина с неодобрением смерила взглядом с головы до ног гордячку и так же проворно удалилась. Билеты в Лувр продавали в стеклянной пирамиде. Французов всегда привлекал загадочный Восток, Египет, фараоны. Можно вспомнить поход Наполеона в Египет, куда отправились не только солдаты, но и ученые. Позже француз Шампольон расшифровал древние египетские иероглифы, знаменитый Розеттский камень, привезенный из похода. Восхищение французов Египтом и его культурой не ослабло и в XX веке, тому свидетельство – стеклянная пирамида. Амина тут же вспомнила похожую пирамиду в Баку перед станцией метро İcəri Şəhər. А недавно пирамиды установили и у других станций города. Насколько архитекторов ее родного города вдохновляли египтяне, сказать трудно. Скорее всего, именно парижская стеклянная пирамида надоумила местные власти построить у себя такую же. Если бы только египтяне могли знать, что мавзолеи фараонов будут настолько популярными, что их будут строить в разных странах мира. Правда, не в качестве гробниц, а для украшения городского пейзажа.

Провести в Лувре весь день несложно. Гораздо сложнее за день посмотреть хотя бы половину экспонатов. Амина не ставила перед собой столь амбициозной задачи. И, совсем как китайцы, она, погостив у греков, римлян, итальянцев, отправилась к неповторимой, единственной, несравненной Джоконде. Как и следовало ожидать, Мону Лизу окружали поклонники. Кто-то стоял неподвижно, вглядываясь в картину и пытаясь угадать, кому она улыбается, были такие, что кружились вокруг нее, словно в танце, чтобы убедиться в том, что дама следит за ними, не отводит пристального взгляда. Амина, поглядев на Лизу, узнала в ней давнюю подругу. Женщину, занимавшую ее воображение некоторое время. Она знала, что месяцем раньше в Лувре выставлялись две Моны Лизы. Одна, та самая, известная и почитаемая во всем мире, на которую она смотрит сейчас, а другая — та, что нашли в 2012 году, и хранится она сегодня в мадридском музее Прадо.

Амина подошла к двум охранникам, стоявшим в карауле рядом с красавицей Лизой. «Скажите, ведь недавно у вас гостила еще одна Мона Лиза? Какое она произвела на вас впечатление? Как вам показалось, какая из них интереснее?»

Высокие стройные брюнеты (Амина даже подумала, что для такой почетной миссии их специально выбирали среди самых видных сотрудников), отвечали по очереди, не перебивая друг друга.

Первый, улыбчивый, синеглазый: «Мне другая Лиза показалась моложе, ярче, наивнее. Младшая сестра нашей синьоры», он обернулся к Лизе, словно она могла подтвердить сказанное.

Второй, сумрачный мачо, сверкнул глазами: «Наша Лиза интереснее, загадочнее».

Амина поблагодарила стражей, попрощалась с Джокондой и вышла из Лувра. Ей хотелось подумать о том, что она увидела и услышала. Выйдя из арки, она увидела на противоположной стороне улицы кафе на террасе. В кафе подавали мороженое, десерты, вино. Она выбрала мороженое, фисташковое, любимое. Уселась в уголке, чтобы любоваться на прохожих, Лувр. К стойке с мороженым подошла группа туристок, женщин пенсионного возраста. Простых, в носочках, удобных туфлях, просторных одеждах. Переговаривались между собой на русском. Амина еще подумала, что русских привлекает Франция; так было всегда, и, похоже, мало что изменилось. Одна задержалась у стойки, не в силах выбрать десерт. «Лизавета, ты еще долго будешь выбирать? Не мужа выбираешь, мороженое!» Амина сохраняла все тот же безразличный вид. Лизавета повернулась в сторону подруг: «Хочу фисташковое, как у дамы напротив, а его нет». «А ты спроси, может, гарсон поймет?» Лизавета попыталась жестами объяснить продавцу, чего она желает. Амина не выдержала, встала, подошла к стойке, перевела заказ. Гарсон улыбнулся, зашел в подсобку и принес Ли-

завете фисташковое мороженое. Женщины оживились. Амина подсела к их столику. Одна из них, «командир отряда», тут же сообщила: «А мы подумали, что вы — француженка». Амина расспросила женщин о том, как они путешествуют. Очень ей понравился их рассказ. «А что дома сидеть! Вот мы все на пенсии. Целый год собираем денежку, а летом по всей Европе катаемся. Где мы только не были! Так хорошо! Вот сегодня в Лувре были, на Лизаветину тезку смотрели. Похожа на нее в молодости. Особенно когда улыбается. О чем думаешь в это время, Лизавета?» «Ну, ты скажешь, тоже! Ничуть не похожа! О чем думаю? Не скажу... » Лизавета засмущалась. Амина рассказала о себе немного. Женщины расстались, пожелав друг другу насладиться Парижем.

Погуляв в саду Тюильри, представила, как здесь прогуливались придворные дамы в экстравагантных туалетах. Жеманные кавалеры назначали свидания в укромных уголках. Вот здесь, у пруда. Каждый элемент туалета продуман. От того, куда дама приклеит мушку, любовная интрига могла получить бурное продолжение или, наоборот, затихнуть и перейти в спящий режим.

Амина призналась себе, что за несколько дней, проведенных в сердце Парижа, ей не удалось увидеть женщину или мужчину, поразивших ее воображение. Хваленая элегантность французов, неужели это всего лишь миф? А может, в этом и заключается настоящая элегантность? В простоте.

Днем раньше Амина встретилась с давней приятельницей, живущей уже много лет в Париже. Они договорились о встрече по телефону.

– Я буду одета в белый сарафан, черную воздушную капюшонку, и буду ждать тебя на площади перед мэрией.

Приятельница засмеялась:

– Неужели ты думаешь, что я тебя не узнаю? Или ты меня? Конечно, столько лет прошло... Но, думаю, все равно нас можно узнать.

В самом деле, они легко узнали друг друга. Обе были искренни рады. Погуляв по саду, похожему, скорее, на парк, зашли в известный магазин Samaritaine. Прошлись по отделам. Амина не горела желанием что-либо покупать, и они поднялись в кафе. Обычная кафешка в *Молле*, но вот одна маленькая деталь очаровала Амину. На стенах кафе были рисунки, объясняющие некоторые название десертов и даже посуды, приспособлений для приготовления пирожных, кексов. Они сели за столик под рисунком Синички Nonnette. Симпатичная синица по имени Нонет (так ее назвали потому, что она является разновидностью обычной синицы Mésange). А еще этим же словом – Нонет – сегодня называют пирожное, которое готовят в специальной форме. И пирожное, и форма называются Нонет. Амина поделилась восторгом с приятельницей. Та улыбнулась: «Вижу, ты совсем не изменилась. Та же Амина». Женщина посоветовала посмотреть Консьержери.

- Там тюрьма была. Несчастная Мари Антуанет провела там последние дни перед казнью. Посмотришь, какими утонченные французы могут быть жестокими!
- Любопытно. О королеве много всего написано, вот только что правда, а что ложь? Смотрела недавно фильм Софии Коппола «Мария Антуанетта». Интересно. Знаменитая фраза, которую приписывают королеве, «*если у них нет хлеба, пусть едет бриоши*», в фильме удивляет и огорчает королеву. Она никогда не говорила ничего подобного. Во всяком случае, так трактует фильм.
- Да, соглашусь с тобой. Часто общественное мнение далеко от истины. Каким был персонаж, сложно сказать. Почти невозможно. Людская молва может как при-

украсить, так и очернить любого.

Расставшись с приятельницей, Амина направилась в Консьержери. Громадный средневековый комплекс зданий, внушающий трепет. Консьержери – одно из зданий комплекса. Амина почувствовала себя маленькой хрупкой женщиной и с замиранием сердца вошла внутрь. В X-XIV веках во дворце жили французские короли из династии Капетингов. От той эпохи сохранился огромный зал готической архитектуры Salledesgensd'armes. Слово «жандарм», ставшее международным, в переводе с французского значит «люди оружия». Позже дворец стал выполнять роль тюрьмы. Во времена революции тюрьму называли «передней гильотины». Здесь томились узники, жизнь которых чаще всего заканчивалась на плахе. Та же судьба ожидала блестящую королеву Марию Антуанетту, одну из самых элегантных королев Франции. Ее поместили туда в 1793 году. Перед комнатой, где она провела последние дни жизни, витраж с ее монограммой, переплетенными буквами М и А. В ее камере постарались воссоздать реальную обстановку той эпохи. Служащий музея сказал Амине, что гобелены с лилиями, которыми обтянуты стены комнаты, являются подлинными. Рисунок местами выгорел и стерся. Амине показалось странным, что в тюремной камере осужденной на смерть стены украшены королевскими лилиями, словно для того, чтобы пленница не забыла о том, что она королева и с какой высоты упала.

И как насмешка судьбы над теми, кто взывал к справедливости, над якобинцами, в той же тюрьме Консьержери провел ночь перед казнью Максимилиан Робеспьер, один из пламенных революционеров. Робеспьер, «Неподкупный» (Incorruptible), как его называли соратники, закончил жизнь на гильотине, как и королева, немного позже нее, в 1794 году.

Но больше всего Амину поразило свидетельство графа де Беньо, узника Консьержери. Вот что он пишет: «Коридор являлся местом нашей любимой прогулки; мы выходили в него, как только нас выпускали из камер, женщины появлялись в то же время, но без спешки; туалет устанавливал свои неписанные правила. Утром они показывались в кокетливом неглиже, настолько свежем и привлекательном, что представлялось невообразимым, что они провели ночь на убогом ложе и чаще всего на зловонной соломе.

Обычно светские дамы, которых препровождали в Консьержери, и там сохраняли до самого конца священный огонь хорошего тона и вкуса... Я заметил, что все дамы, имеющие подобную возможность, меняли платье по три раза на день. Другие восполняли их отсутствие чистотой, возможной в этом заведении. Во дворе у женщин находилось сокровище: источник воды, предоставлявшей им ее вдоволь; каждое утро я наблюдал, как эти несчастные, те, что не принесли с собой или не имели другого наряда, стирали, отбеливали и сушили у источника в неугомонном соперничестве. Первый утренний час они посвящали этим заботам, и ничто не могло их отвлечь, даже приговор».

Удивительная подробность в этом тексте. Граф называет несчастными не всех дам-узниц, а именно тех, у кого было лишь одно платье.

«Смертельная элегантность», так захотелось Амине назвать данное свидетельство.

Французы французами, а желание приукрасить себя свойственно всем женщинам, независимо от условий жизни и от обстоятельств. В этом Амина убедилась еще раз, прогулявшись по Елисейским полям. Нет, Амина представляла себе эту улицу масштабнее, грандиознее, сродни громадным проспектам Москвы. А улица оказалась

вполне человеческих размеров. Много туристов. Японки с удовольствием сфотографировали Амину на фоне бутика Картье. Конечно, она не прошла мимо бутика Louis Vuitton, где продают мечту многих женшин. Сумки от Louis Vuitton заполонили весь мир. Многие дамы купили себе эти сумки. Некоторые приобрели настоящие, но большинство довольствуются подделками. На первом уровне магазина самый демократичный, недорогой для этого бренда товар стоимостью в пределах 500-600 евро. Амине интересно было наблюдать, как женщины, попав в атмосферу воплощенного гламура, свободно чувствуют себя. Продавцы, в основном молодые красавцы, вполне подходящие на роль jeune premier 1 , любезны и внимательны. Любопытство привело Амину на второй уровень магазина. Она шла следом за интересной группой, состоявшей из четырех женщин в длинных черных чадрах в сопровождении одного по-европейски одетого господина средних лет. У женшин в руках не было сумок. Укутанные с головы до ног в черные одежды, они, тем не менее, очень активно интересовались разными моделями изделий. Подошли к прилавку, установленному на возвышении, словно на постаменте, за которым стоял молодой мужчина – неотразимый мужественный латинский мачо. Дамы щебетали без умолку на арабском, мужчина переводил. Они пересмотрели несколько сумок, но, ничего не купив, удалились. Что могло привлечь внимание женщин, не имеющих возможности в обычной своей мусульманской жизни щеголять в ярких нарядах и прогуливать, совсем как дорогую собачку, новую брендовую сумочку? Под стеклом лежал предмет вожделения многих дам. Сумка из крокодиловый кожи. Больше всего Амину поразила цена. Сумка стоила 30.000 евро. Да, именно такая сумма фигурировала на ценнике. Не поверив своим глазам, она переспросила у красавца продавца цену товара. Он улыбнулся и вежливо ответил:

- Да, мадам. Сумка стоит 30.000 евро. Она из крокодиловой кожи.
- И у вас ее покупают?
- Не сомневайтесь, мадам, покупают!

Женщины в черных чадрах, вероятно, могли себе позволить купить ну хотя бы одну маленькую сумочку из крокодиловой кожи. А иначе зачем нужно было их все смотреть?

Вечером в отеле уставшая, счастливая Амина решила посмотреть местные каналы. Захотелось сравнить их со своими домашними. Она включила телевизор и на экране увидела ту женщину, что предлагала ей утром подарить так удачно найденное золотое кольцо. Просто потому, что оно ей мало. Диктор бесстрастным тоном комментировал действия женщины на экране. Как оказалось, ловкой мошеннице удалось провести довольно много наивных дам. Пока дамы примеряли и восхищались кольцом, мошенница ловко обчищала их сумочки. Вот так просто, почти элегантно, улыбнулась Амина. Спонтанно возникла мысль о том, куда она пойдет завтра. Во дворец правосудия. Еще одно из зданий королевского комплекса рядом с Консьержери.

Дворец правосудия. Поднявшись по ступеням, Амина оказалась в огромном зале, чем-то похожем на «Salledesgensd'armes», скорее всего размерами, величием. Привратник объяснил ей, что помещение называется «Salledespasperdus»! Если перевести это выражение так, как кажется логичным, и так, как переводят сегодня многие медиа, то это – «Зал потерянных шагов». В самом деле, легко представить, как человек, ожидающий решения суда, проходящего в одном из помещений, примыкающих к «Залу потерянных шагов», кружит по залу в ожидании вердикта. Сколько

слез, страданий, а возможно, и криков радости слышали эти стены. Амина поднялась на второй уровень и прошлась по неширокому коридору, в который выходили комнаты. Женщина, любопытная от природы, не могла не заглянуть хотя бы в одну из комнат. Ей повезло, она смогла присутствовать на заседании суда. Французского суда, где выступали истец, ответчица и служители правосудия – как она поняла, адвокат, прокурор и секретарь суда. Публику представляла в единственном числе Амина. Заседание было открытым. Амину не просили выйти. Рассматривалось дело о разводе. Ее не удивило, что судейские были в мантиях, она знала по фильмам, что во Франции сохраняется традиция ношения специальных тог для служителей правосудия. Ее поразил парик адвоката. Настоящий парик, похожий на те, что украшали головы судей, вершивших правосудие много веков назад. Адвокат – женщина средних лет, защищавшая права ответчицы, дралась как львица, чтобы заставить истца, подавшего на развод, признаться в том, что именно по его вине брак распадается. Слушая адвоката, Амина подумала о том, что если бы у Марии Антуанетты был такой адвокат, возможно, она осталась бы жива. Понятно, что такого быть не могло, хотя бы потому, что женщины получили право быть юристами много позже, в середине ХХ века. Возможно, по этой причине адвокатессе захотелось надеть парик: подчеркнуть традицию и преемственность. Амина не стала дожидаться конца процесса, выскользнула из зала. Спустилась по мраморной лестнице в «Зал потерянных шагов», прошла по периметру, словно танцуя странный церемонный танец, и покинула Царство правосудия. Почувствовала себя легкой, свободной.

Позже дотошная Амина выяснила, что выражение «Зал потерянных шагов» во франкоязычных странах используют для обозначения приемных в разных организациях, и иногда даже для залов ожидания на вокзалах, но вот происхождение этого выражения не имеет ничего общего с потерянными шагами. История загадочного выражения такова. После падения Наполеона к власти пришел младший брат казненного короля, Людовик XVIII. Император Наполеон сумел вернуть себе власть на сто дней, естественно, король удалился снова в изгнание, и только после разгрома Наполеона под Ватерлоо в 1815 году Людовик вернулся окончательно. Этот период называется вторая Реставрация. Монархия в этот исторический период стала конституционной монархией. В палату вновь избранных депутатов Национальной Ассамблеи вошли, в основном, роялисты, Людовик был в восторге и назвал эту палату «Lachambreintrouvable», что значит «Невиданная палата». Однако палата очень скоро стала «большей сторонницей монархии», чем сам король. Правительство распустило палату через год после ее создания. Во время очередных выборов некоторые из депутатов не были переизбраны, их называли «Perdus», «Потерянные», а депутатов переизбранных называли «Pasperdus», «Непотерянные». Заседания палаты проходили в Бурбонском дворце. Зал, где собирались «Непотерянные», стал называться «Залом Непотерянных». Вот такая интересная история.

А еще Амина покаталась на bateau-mouche, так называются прогулочные кораблики, курсирующие по Сене. Атмосфера праздника не покидала ее все время прогулки. Словно она попала в один из интригующих фильмов про Париж.

Единственное отличие — она не чувствовала себя главной героиней. Нет. Героем, славным красавцем, опытным соблазнителем с силой молодого страстного любовника выступал город ее мечты, Париж.

Еще один сюрприз ждал ее у Стены любви. Есть такая стена в Париже на Монмартре, неподалеку от виллы Далиды, восточной красавицы, ставшей одним из сим-

волов Парижа. Громадная стена, исписанная признаниями в любви на разных языках мира. Амина нашла на стене надпись на азербайджанском. Пока она с увлечением разглядывала надписи, пытаясь угадать язык, к ней подошли два красавца мачо и попросили ее сделать с ней фото на фоне стены. Недоверчивая Амина, не питавшая особых иллюзий по поводу своей внешности, поинтересовалась, почему именно она вызвала такой интерес у молодых людей. Ответ ее успокоил. «У вас восточная внешность, западная одежда и к тому же прекрасный французский». Амина улыбнулась. Аргументы красавцев ее убедили. Фото на память. Амина в белом сарафане, с красной ниткой кораллов на шее, в компании двух голубоглазых, черноволосых, статных молодых мужчин на фоне Стены любви в Париже. Молодые люди пригласили ее в кафе на Монмартре. Они поболтали обо всем на свете и распрощались совсем как старые друзья, впрочем, не надеясь на будущую встречу. Вечером, перебирая, словно редкие жемчужины, впечатления дня, Амина невольно подумала, что нежданную и романтическую встречу с молодыми людьми ей подарил Париж.

Неделя счастья подходила к концу. Амина увидела лишь маленькую толику всех богатств Парижа. Она не сумела поехать в Версаль, и это мучило ее. Приходилось мириться с такой, как ей казалось, страшной несправедливостью: приехать в Париж и не полюбоваться на Версаль. Она не унывала. У нее появилось новое желание. Амина непременно еще раз приедет сюда, в город-сказку; ее ждет Версаль. В последний день своего пребывания в Париже Амина пошла на плошадь Согласия. Так назвали плошадь после неоднократной смены имен. В самом начале своей сумасшедшей «карьеры» площадь носила имя Людовика XV, он ее основал, и там же находилась конная статуя короля. Да, того самого короля, чей сын Людовик XVI и невестка Мария Антуанетта были казнены на этой же самой площади, которую тогда назвали площадью Революции после августа 1792. Площадь еще не раз переименовывали. Она называлась площадью Согласия при Наполеоне, затем снова площадью Людовика XV и чуть позже Людовика XVI при реставрации монархии. Площадь Хартии (Конституции) - одно из ее названий, и наконец французы сделали свой выбор в пользу названия площадь Согласия. Выбор был сделан во время правления последнего короля французов Луи Филиппа I, принца Орлеанского, сторонника либеральной монархии. В центре площади установлен египетский обелиск из Луксора. Восток и Запад объединились на площади Согласия в Париже.

В самом центре Парижа – площадь Согласия. Желание примирить, казалось бы, непримиримые события. Монархию и Революцию. Аристократов и народ. Еще и подружить Восток и Запад. Неужели это возможно?

Амина стояла рядом с обелиском, как живое свидетельство того, что такое возможно. Восточная женщина, носящая западные одежды, любящая французскую культуру и хорошо владеющая французским языком.

100

АЗЕР ЭФЕНДИ

Сакартвело – с любовью!

Планеты маленький кусочек: Сакартвело, Где гроздь целуют, как невесту на пиру! Где все поют! Страна – хорал! Страна – капелла! Но знают цену и кинжалу, и перу.

Мужчины все – князья, а женщины – Медеи!.. В застолье души льются, как вино! Вот где, воистину, vox populi – vox Dei!.. И красть не надо – попроси Руно...

Да что Руно!.. Сердца свои впридачу Гостям вручат азартно, как никто!.. И сулугуни, и в бутылях чачу К причалу юркий поднесёт кинто...

Лети Арго, лети с украденной шерстицей... Эллада Грецией сменилась – новый сон!.. А хор как гроздь звучит – усатые колхидцы Поют и пьют вино, и вторит им Ясон...

* * *

О, азиатская Мадонна! Ты изваянье тишины... Как небеса, душа исконна – Страданья все приглушены.

Наружу искра не прорвётся, А если боль терпеть невмочь, Улыбка в ниточку совьётся, Зрачки расширятся, как ночь...

Раскосых глаз степная ширь Сольётся с бездной мирозданья, И будет шелестеть ковыль, Качая колыбель преданья...

И только дробный стук копыт По юрте эхом отзовётся... И мысль: он жив или убит?! Как птица, в форточку ворвётся...

Чирикают птички беспечно, Чирикают птички о вечном: О солнце, о мошках, о луже, О днях, что становятся уже... А когда грохочет гром И выворачивает скулы небу, Они смиренно затихают И не раскаиваются ни в чём...

* * *

А.С.Пушкину

Сверкают струи водопада, И нимбом радуга над ним! Грохочет светлая громада – Поток широк, неутомим!..

Вода кипит в его подножье, Стремится вновь взлететь наверх, Но физика и воля Божья Ни в чём не ведают прорех!

И вот уже несётся стрежень, И вьётся следом седина – Поток безудержно небрежен, Напо̀ен будто допьяна́!

Дробится солнце в нём и плещет Огнём, вливаяся в реку, Река горит: вся рябь трепещет!.. Чем это чудо нареку?!.

Рекой поэзии российской, Чья слава выше медных труб, И славы этой обелиском Стоит «У лукоморья дуб Зелёный...»...

Иронические стихи

Ι

Жизнь – лубок, не тонкое искусство... Запах рыбы жареной, котлет... Жизнь не звукопись Марселя Пруста, А шарманка радостей и бед... ... Есть ещё тревожный сон недолгий – Быстро тающий в руках кристалл любви... Ну, а символ чистоты – в итоге – «Always» с крылышками и тампон «O.b.»

Ветер вечно треплет море, Волны вечно лижут берег, Берег терпит без истерик Игры вольные стихий...

Людям вечно мыкать горе, Если нет в кармане денег, А поэты без истерик Пишут горькие стихи...

III

Как громоздко слово «мироздание» – Тяжесть бесконечных этажей! Жил когда-то принц неглупый в Дании – Всё хотел познать без ворожей.

Мысль гонял и вверх, и в подземелие, Размышляя: «Быть или не быть»?! С помощью кинжала или зелия Лечь, уснуть и горе позабыть...

Эти мысли загоняли в угол Род людской поточно тучу лет! Но явил Господь нам Holy Google – Holy Google даст на всё ответ!

IV

Стихи оставили меня – Обходят стороной!.. Как будто это и не я, А кто-нибудь другой...

Эй! Погодите вы! Куда?! Я коньячок припас!.. Не оглянулись... вот беда... Похоже, дело – квас!..

А почему? ну почему?! Ведь я, ей-богу, тот же: И по душе, и по уму, И не одрябла кожа...

Вопрос, как крюк, повис впотьмах... Но много ль он нанижет?.. Мой пёс в ответ раскинул пах И смысл какой-то лижет... На песню не ложится пыль, И надо мной не властно время – Я то ли небыль, то ли быль, А время – это просто стремя.

И я скачу во весь карьер, Не зная сам, куда и надо ль... Беру барьеры разных вер, И обхожу людскую падаль. И поднимая рой стрекоз С глазами из осколков неба, Я чую Бога детских грёз И сладость вольного побега

На Сини-Горы с пацаньём, Где куцый мир раздвинул плечи, Меня искали днём с огнём, А я летал на крыльях речи:

Простор степи и выси гор, И солнце, пляшущее в небе, И ящерки, снующие у нор... И я забыл о времени, о хлебе!

Я потерял обличье – мир един Во мне, как в капле, жил и отражался, Нить порвалась, и бусины годин Рассыпались, и я в комочек сжался,

И лёг на землю, чтобы ощутить Себя крупицей в этой новой эре, Но из песка, готовый подшутить, Глядел в меня пустой овечий череп...

Случайной встречной

Я смотрю на тебя, как на море – Бьются волны волос на ветру... Потеряться бы в этом просторе И найтись, где-нибудь поутру...

И в глазах твоих, тёмных, как полночь, Канет мой мимолётный лик... Так смывает рассветная щёлочь Дня вчерашнего призрачный блик... Я хотел бы, как птица, В листве укрыться, Замереть, Забыться... И вдруг распахнуться, Настежь раскрыться, Чтобы море В груди у меня дышало, Чтобы волны плясали бушуйно и шало, Чтобы звёзды, скатившись, На гребнях сверкали, Чтобы взором вобрать Все окрестные дали, А на небе Маячила б Месяца долька -Да и только.

* * *

Мне стыдно признаваться в том, Как жадно хочется мне жить! Жить до потопа и потом, И по земле кружить, кружить... Кружить, как ветер, наг и чист, Не зная времени и сна, И серебристый птичий свист Швырять с небес, как семена,

И бесшабашно завывать! И звать! И колотить в оконце! И упоённо затихать С восходом Женщины и Солнца!

* * *

Цыганка-Судьба, стиснув радугой стан свой, Монистами солнц в танце жарком бренча, Пустилась в одно из бесчисленных странствий, Меня, как сурка, за собой волоча.

И все, кому счастье впервые весеннится, С надеждою просят Судьбу погадать, И шепчет Судьба им: «Куда ж оно денется? Его мой сурок может мигом достать».

И я достаю из коробки записочки, В них счастье злачёное, жизнь в серебре! Не бойтесь, берите ж их котики, кисочки – Пустой фант, плутовка, оставила мне. Лёг – встал, лёг – встал: Вот, глядишь, и стар стал...

Где... Когда... Какой пёс Твою молодость унёс?

И как мальчик у путей Машешь жизни сам своей, Промелькнувшей сквозь года – А куда?..

* * *

Я – бык. Добросовестный и честный. Я уже привык На площадке округлой, тесной, Я уже привык Сотни лет подряд Своей смертью Публику ободрять!

Жёлтый песок арены, Блеск позументов, Красавицы бровь – П Е С Т Р О Т А! Моя шерсть слипается, На губах пузырится кровь!.. К Р А С О Т А!

Красивая галлюцинация. А на деле всё не так совсем: Я лежу на прилавке разделанный, И меня предлагают всем. А на бойне, в цеху для отбросов, На морде моей Шёпот застыл В смоле кровавых Тягучих слюней: «Всё так просто, Как четыре стены У разбитого домика. Трудно лишь – быть собой! – Обходиться без допинга... Когда будете есть меня -Просто так, или с хреном -Вы плеснуть не забудьте в бокалы Пиво! золотом пенным!..»

ГЮЛЬШАН ТОФИГГЫЗЫ

ЭССЕ И РАССКАЗЫ

«МЕНЯ ЖДАЛА ЖИЗНЬ»

25 лет назад, в октябре 1992 года, не стало французской писательницы Банин — Умм-эль Бану Асадуллаевой

Эссе

«— И ты покидаешь меня? — обречённо и обиженно спрашивал меня дом моего детства. Всё, что было мне так дорого здесь, уходило, уплывало, таяло, исчезало. Только теперь поняла, что жизнь состоит не из приобретений, а из потерь: мы каждую минуту что- то теряем — и так до самой смерти. Прощаясь с морем, садом и домом, я получила от них этот напутственный урок …»

«Кавказские дни» Банин

Пожилая дама в светло-сером кардигане, застёгнутом на одну только верхнюю пуговицу, осторожно, словно боясь промять растрескавшийся край огромного бассейна, опустилась на холодный камень. Она нагнулась, чтоб коснуться рукой... нет, не голубоватой воды — как тогда, в последний раз! — а её воображаемой прохлады. Сейчас бассейн был пуст. Пуст давно, очень давно. Это было видно по спёкшимся чёрным листьям, наслоившимся друг на друга за долгие десятилетия. А может быть, это и не листья вовсе, а ...прах тех ужасных чудищ, живших в глубине бассейна? Они обитали там, готовые схватить и уволочь на дно.

- Почему не ухватили меня за руку тогда? женщина расстегнула мешавшую верхнюю пуговицу, сняла малиновую шляпку с неширокими опущенными полями, отложила в сторону и сделала зачерпывающее движение обеими ладонями. Истончённая старостью кожа по-прежнему благородно-изящных рук осталась сухой. Она провела ладонями по лицу, словно умывая его воображаемой водой, глубоко вздохнула и прошептала.
- Какой же я была глупой, пугаясь вас! Ведь вы меня любили и не могли причинить зла, не правда ли? Да, именно так... Любили...Но где же вы? Что произошло? Похоже, с вами обошлись ещё хуже, чем со мной, ещё более жестоко, бросив умирать в иссыхающем бассейне, в вашем таинственном логове среди обречённо теряющих жизнь водорослей. Вы не смогли покинуть своё каменное узилище? Как страшно умирать тем, кто жил только в грёзах! Их некому оплакивать... Но вот я снова пришла к вам! И вы возвращайтесь! Теперь я не испугаюсь. Мы вместе порадуемся встрече.

Женщина убрала с лица упавшую седую прядь, откинула голову назад, посмотрела в небо. И оно было таким же, как тогда — синим, в клочьях белых облаков. Из-за стены Времени доносились глухие смешанные звуки другого, чуждого и далёкого мира. Она так долго мечтала о встрече с прежним — любимым, но ушедшим миром! Встреча оказалось ещё печальнее, чем когда-то разлука.

- Как жаль, что ты не родила собственных дочерей! Одну из них назвали бы твоим именем.
- Да сейчас такими именами и не называют. Это ведь имя моей матери... Но неправда, что у меня нет дочерей. Их множество! И дочерей, и сыновей. Их без счёта! Просто одни рождают детей чревом, а иные пером. Первые когда-нибудь уходят. Вторые никогда. И вообще, не надо меня жалеть! Со дня моего появления на свет 87 лет назад действительность была для меня всего лишь суровой наставницей, насаждающей свои правила. А Мир моих грёз был подвластен моим желаниям там я одна создавала правила!
- Ты всё та же маленькая чудачка, которая переставила местами потери и приобретения.
- Может быть, и так... Однажды негодники двоюродные братья подшутили надо мной... глупо и жестоко... Когда в подарочном коробке, перевязанном лентами и украшенном блёстками, обнаруживаешь гадкого земляного червя, приходится воображать, что это заколдованный принц. Иначе будет очень больно... Так и повелось иметь дело с кучей зачарованных принцев. Выбор невелик: либо сам опускаешься до «червя», либо творишь из него «принца».
 - Ты когда-нибудь пожалела, что покинула нас?
- Вас я не покидала. Вы всегда были со мной. Разве это не очевидно? Поэтому и пришла сюда. Теперь точно в последний раз...

Женщина поднялась с места, снова поправила упавшую на лицо седую прядь. Потом передумала — сняла заколки с собранных узлом на затылке волос, по-юношески задорно тряхнула головой, помогая им рассыпаться по плечам. Когда-то сводившие с ума многочисленных поклонников жгучей чернотой и трепетно-призывным блеском, но давно уже глубоко-поседевшие и «помудревшие» пряди послушно легли вдоль спины, почти сливаясь цветом с серым кардиганом. Она направлялась в сторону потерявших листву серебристых тополей и молодых кипарисов, занявших место прежних её любимцев. Забытая на краю бассейна изящная малиновая шляпка с неширокими полями и тёмной шёлковой лентой осталась на пыльном растрескавшемся камне. Дойдя до середины аллеи, женщина остановилась, оглянулась, но возвращаться за шляпкой не стала.

Картинка-раскраска

– Мале-е-е-на, ижави-и-и-ка, – распевал на дне двора-колодца ранний торговец лесной ягодой. Часы показывали восемь пятнадцать. Уверения торговца в свежести только что собранной ягоды, на которой «еще не просохла роса», вызывали улыбку. Если учесть по меньшей мере двухчасовой путь и время сбора столь нежного продукта, выходило, что ягоду собирали еще вчера. Роса, скорее всего, давно стекла на дно ведерок, и в ней плавал подкиснувший нижний слой изрядно примятой «малены и ижавики». Но торговец понимал значение выражения «Реклама – двигатель торговли», поэтому примерно по 500 граммов отборной, крупной ягоды, уложенной

сверху, ждали своего покупателя. Для пущей убедительности на них валялись несколько подозрительно чистых листочков, как бы случайно попавших в ведерки. Жаля со второго этажа, которая без обид откликалась на прозвище «Жало», почти четверть часа допытывалась у торговца о происхождении, времени сбора, сорте и качестве ягод, но так ничего и не купила. Рассерженный торговец смерил ее выразительным взглядом и покинул двор, слишком громко расхваливая свой товар. Не прошло и десяти минут, как вслед за продавцом «малены и ижавики» вошел во двор мацонщик.

- Гатык, све-е-е-жжи-и! Молоко све-е-е-жжи-и! Творох све-е-е-жжи-и! маркировал молокопродукты мацонщик. Можно подумать, что будь его товар несвеж, кто-нибудь откликнулся бы. Но ему повезло больше, чем хозяину «малены». Спрос на катык летом возрастает многократно. Замучившая бессмысленными вопросами торговца ягодами Жаля, ничего не спросив у мацонщика, купила сразу три банки катыка и два литра молока.
- Если молоко скиснет, я тебе его на голову вылью, на всякий случай предупредила Жаля мацонщика, протягивая ему пустую сменную тару и деньги.
- Скорее вода скиснет! уверял ее мацонщик. На здоровье, уважаемая! Плюнешь на мою папаху, если скиснет! У моей коровы молоко слаще мармелада.
- Ладно-ладно, разболтался! Мармелад-шоколад! А корову сам, небось, старыми газетами кормишь, делано ворчала Жаля.
- Что ты, что ты, хозяйка! Да если б я свою коровушку газетами кормил, у нее молоко еще в титях прокисло бы от того, что в них написано, замахал руками незлобивый мацонщик.

Выпроводив его, Жаля зашлёпала по длинному коридору к соседке Нине – отдавать вчерашний «молочный» долг. А с улицы уже шла другая перекличка.

- Хлер-хлер! пискляво тараторила продавщица «левой» продукции сумгайытского химкомбината.
- Яйси, яйси, покупай, не сисняйси! демонстрировал знание русского языка пожилой мужичок, перекладывая из руки в руку плетенное лукошко с пятью десятками желто-розовых деревенских яиц. Моя куриса старайса, патаму хароши яйса!

Через час к почерневшей от времени внешней стене двора припарковался латаный-перелатаный синий когда-то «москвичок». Задрав на узкий тротуар переднее правое колесо, он почихал и покашлял некоторое время, прежде чем замолк тарахтящий мотор.

- Па-ма-дор! А-гу-рес! Гу-ру-ша! Те-рин! сиплым голосом пояснял водительпродавец, сгружая с крыши своего чуда на колесах несколько небольших ящиков с овощами и фруктами. А его компаньон уже укладывал в спущенный на веревочке с третьего этажа пакет помидоры для тети Насият. Убедившись, что внук справляется с подъемом сам, тетя Насият приступила к развешиванию белья на веревке, перекинутой от одного застекленного внутреннего балкона к другому. Вслед за шестью наволочками поползло столько же ее необъятных панталон примерно одинакового с наволочками размера 80х80. На стонущие звуки колесиков с противоположной стороны выглянула Сона и стала спешно снимать с веревки свои трусишки, выглядевшие оскорбительно мелкими рядом с гигантскими штанами и лифчиками тети Насият. Когда их нижнее белье висело рядом, оно непременно вызывало комментарии соседей.
- Снова Сона свои сигнальные флажки рядом со знаменами Насият вывесила,
 посмеивался Гасангулу, муж последней.

А тем временем на бельевых веревках выплывали, словно флагманские паруса,

надутые легким ветерком, пододеяльники и простыни тети Фани. Размахивая рукавами, как крыльями, выстраивались вереницей рубашки Семена Абрамовича. Порхали разноцветными бабочками пестрые юбочки и блузочки их внучки Ритули, приехавшей погостить с «родины предков». Сам Семен Абрамович наслаждался ежедневной процедурой расчесывания изрядно поредевшей шевелюры, стоя у распахнутого окна веранды. Когда-то у него были густые, волнистые каштановые волосы, от которых сейчас мало что осталось. Но он по-прежнему часами мог укладывать их. зачесывая назад мелким гребнем и приглаживая левой ладонью. Этому вовсе не мешала узкая лента, крепившая на правом глазу кожаную повязку. Семен Абрамович носил ее с двадцати лет. Говорят, что некогда это было модно. Но у него и вправду не было правого глаза – потерял на фронте. Сначала молодой сердцеед Семушка очень переживал из-за той потери, а потом понял, что кожаная повязка на глазу делает его еще более привлекательным для женщин, придавая внешности некую героическую таинственность, шарм. Даже сейчас, когда Семену Абрамовичу почти 85 лет, видно, каким гусаром он был в молодости: голубой глаз, почти не поблекший от старости, излучающий жизнелюбие и обладающий стопроцентным зрением, так и «отстреливал» вертлявые попки, попадавшие в его «охотничьи угодья». Иногда это влекло за собой бурную, как в молодости, реакцию тети Фани.

– Ах ты, старый циклоп! – громко возмущалась подкравшаяся с тыла жена, по которой «отрикошетила» очередная «пуля» Семена Абрамовича. – И из могилы твой перископ торчать будет, чтоб на баб пялиться!

Но Семен Абрамович, улыбаясь своей дряхлеющей половинке, продолжал щелкать языком, восхищаясь какой-либо красоткой. Хотя тетя Фаня и бранила мужа, это давно уже были не те сцены ревности, которые устраивались в молодости, когда она закатывала истерики с обмороками и грозилась «уйти к мамочке», да так и не ушла. Правда, сейчас появилась новая тема для споров в семье: немецкая покаянная квота для евреев. Семен Абрамович ни в какую не соглашался на выезд в Германию.

- Ну и дурак! фыркает жена. Глаз им отдал, а откуп не принимаешь!
- А ты у меня такая умница! Если б я тебя двумя глазами видел, давно бы бросил. Ты немцам еще спасибо скажи за это. Ай, Гасангулу, обращался Семен Абрамович к соседу, с усмешкой наблюдавшему ежедневные дворовые сцены, скажи, дорогой, за что мы с твоим отцом в прошлом веке бились? Почему немцев гнали, если они сейчас здесь такие желанные гости? Я бы сказал хозяева! Один твой сын для них офисы строит, другой для них же нашу нефть добывает. Ну, дела! Гитлер, дурак, до нее на танках не добрался, а его землячки просто взяли и купили. Вместе с нашими потрохами.
 - Все течет, Абрамыч, все меняется, кивает Гасангулу.
- Кроме нашего простодырства! Платят нам гроши за наше же добро, а мы и счастливы!
 - Наше дело маленькое.
 - Зато глупость большая!
- «Оседлал Кёроглу своего Гырата, взмахнул мечо-о-о-ом, а возлюбленная его Нигя-а-а-р..» загундосил безголосый придурковатый Ани, кося одним указательным пальцем по струнам дряхлого тара, будто по балалайке.
- Ани, спой, красавчик, что-нибудь повеселее, окликнул уличного менестреля Семен Абрамович, и придурковатый Ани, воодушевленный «заказом», начинает новое представление. Теперь он будет терзать струны несчастного тара и уши жильцов

двора до тех пор, пока не получит свой «ширван» от сына Гасангулу. Соседи сбрасывают ему сверху денежку помельче, а он, вдохновляясь их вниманием к своему искусству, продолжает терроризировать «мастерством». Думает, что платят за исполнение. А платят за то, чтоб поскорее убрался. И все равно Ани не уходит, пока не наберет довольно приличную сумму. Так кто же глупее?..

- Калинка-малинка, малинка моя! И-и-и-и! А-а-а-а! Сяду-я-гутку-малинку-мая! юродствует Ани, зажмурившись от удовольствия. Это его коронный номер.
- Еще один со своей «малиной»! ворчит Зейнаб, вывешивая на бельевой веревке тюлевую занавеску, в которую, словно в рыболовную сеть, заплывают золотыми рыбками солнечные лучи.

День только начинается, и еще много голосов и звуков принесет он в старый двор-колодец. Этот двор, как стойкий оловянный солдатик, упорно не хочет прощаться с прошлым, которое всегда кажется лучше. Здесь уже не слышны звуки станка точильщика ножей, призывы стекольщика и старьевщика. Двадцать первый век изгнал их, как до него двадцатый век — шарманщика и примусника. А новостройки уже подобрались совсем близко и взяли в плотное кольцо старый двор-колодец. Кольцо все сжимается. Эх, Ани, Ани! Где ты будешь пытать свой чудо-тар дастаном о Кероглу? В предбанниках небоскребов? Будут ли там так же снисходительны к твоему «искусству» и терпеливы к твоему присутствию?

- Жизнь, она как картинка-раскраска, поучает Жаля соседку Нину, которая жалуется на нерадивого мужа. Тебе дается рисунок, а краски ты выбираешь сама. Кто же виноват, если не те выбрала? При чем тут судьба?
- Юрии-и-ик! кричит вслед уходящему со двора мужу Нина. Не забудь купить веревку!
 - Для чего?
- Чтоб повеситься! огрызается жена. Она неделю не допросится купить новую бельевую веревку старая оборвалась.
 - Юрик, не траться зря, я ей подарю! встревает Насият.
 - Спасибо, тетя Насият, обижается Нина.
 - Не за что. Я еще не подарила.
- Язух чубанар 7 лавашдин чкядал 7 хеб вахкуниз мажбур хана, рассказывает старая лезгинка Миасса сказку своему правнуку. Цаз чана за лавашрик, лаваш Гана, хеб кчачуна!
 - Не хочешь яичницу, ешь колбасу! Что тебе еще надо? это голос Сони.
 - Компьютер! а это голос ее сына.
 - A «Мерседес» не хочешь?
 - Хочу!
- А кина нуз мякян, деле кабуз мякян, напевает талышка Хафиза, вытряхивая палас, в котором дыр больше, чем узоров.
- Ме патарам гоговар, гаморде весензе. Радручиме, лексия, патарама хвалузе, повторяет маленькая Тина стишок. Она готовится к встрече с дедушкой и бабушкой из Кутаиси.
- Не позволю хоронить себя во вражеской земле! Хватит с немцев и моего глаза! слышен приглушенный дверью голос Семена Абрамович.
- A с меня довольно твоего упрямства! доносятся ответные всхлипывания тети Фани. Все, уеду у Мишуне!

Не уедет, уж поверьте!..

Рукодельница Шарур

Свет в полуподвальную комнатку, где жила Шарур-Бегим, попадая через небольшое окошко, утром освещал правый угол, днем – середину противоположной стены, а к вечеру падал на левый угол. Поэтому самые примечательные предметы размешались именно в этих местах. Солнечные лучи в течение дня поочередно освещали их. Все остальное всегда находилось в полумраке. Если бы вы вошли в эту комнату поутру, ваш взгляд обязательно остановился бы на этажерке с кружевными салфетками, статуэтками и шкатулочками мейсенского фарфора. Тогда эти безделицы, как и более ценные вещи, вроде проигрывателей и автомобилей, привезенные из Германии, называли «трофейными». Этих полупрозрачных балерин, румяных пастушек с ангелоподобными барашками было множество на этажерке. Хотя ребятишек во дворе было десятка три, но только мне и моей сверстнице Симочке разрешалось подолгу разглядывать чудесные статуэтки и даже прикасаться к ним. По каждой фигурке можно было придумать какую-нибудь историю. Вот мы и придумывали: сочиняли всякие небылицы, где героинями были синеглазые пухлые девицы, олени с золоченными рожками, малахитовые лягушки и бело-розовые птицы на зеркальных прудах. Меняя голоса под стать персонажам, мы с Симочкой уходили с головой в сочиняемые истории. Иногда мы так входили в образ, что только смех не удержавшейся Шарур-Бегим выводил нас из него, вызывая смущение.

Солнечные лучи медленно передвигались, к полудню подползая к противоположной стене, и начинался следующий акт. Но теперь уже говорила Шарур-Бегим. А мы слушали. Свет падал на полки с альбомами в кожаных переплетах, фотографиями в замысловатых рамках и бронзовыми кабинетными приборами. Тут же стояла тяжеленная черная печатная машинка с недописанным листком бумаги в каретке. Этот листок давно пожелтел, но Шарур-Бегим, даже вытирая пыль с машинки, его не вынимала. Нажимать на круглые буковки-кнопочки никому не позволялось, и тайну недописанного листка мы так и не узнали. Шарур-Бегим брала в руки один из альбомов и, осторожно переворачивая картонные страницы, рассказывала о людях на фотографиях, читала подписи на красочных глянцевых открытках. Порой казалось, что она, как и мы, многое присочиняет. Мы с Симочкой переглядывались, когда женщина начинала рассказывать о ком-то совершенно иную историю, чем раньше. Но мы не перебивали и слушали. В конце концов, и она имела право на вымысел. У нее свои сказки... Надо отдать ей должное, сказки ее были хороши, да и рассказчица она была отменная. Вот, к примеру, эта дама с огромным зонтом и кружевными манжетами, которая в прошлом рассказе была ее умершей сестрой, в новом повествовании стала невестой брата, которую в день свадьбы умыкнул его друг. Захватывающая была история! А про усатого дядьку в трико и с гирями она, помнится, говорила, что он был чемпионом мира, выступал в Парижском цирке, и ей приходился двоюродным братом. В другой раз Шарур-Бегим сказала, что это – Иван Поддубный. Рассказы увлекали и продолжались до тех пор, пока наши мамы не зазывали нас обедать и спать. Дневной сон был обязателен для всех детей до десяти лет. Нам с Симочкой летом разрешалось спать на крылечке-мостике, соединяющем внутренние стены двора. Это была особая привилегия. Но спать днем вовсе не хотелось, и мы просто валялись на своих раскладушках, наблюдая за всеми, кто приходил и уходил со двора: обзор с крылечка был великолепный. «Ну, что, таможня, бодрствуем?» – неизменно спрашивал, смеясь, дядя Юра. Мы не знали тогда, что такое таможня, и делали ему знак, чтоб не выдавал нас.

Через час-полтора, убрав раскладушки и набив карманы сушками, мы вновь спускались к Шарур-Бегим. На этот раз солнечные лучи указывали на левый угол комнаты, где стоял почтенный «Зингер» на чугунных ножках. Когда Шарур-Бегим шила, мы с Симочкой по очереди, скорее мешая, чем помогая, крутили ручку швейной машинки и нажимали на педаль. Но Шарур не возражала и терпеливо объясняла нам, где какие петельки нужно укладывать, учила вышивать на пяльцах и вязать крючком.

Прошли десятилетия, но и сейчас руки сохранили эти навыки, и моя вышивка на блузах неизменно приводит в восторг моих знакомых. Спасибо, Шарур-Бегим, добрая искорка, запавшая в память рук! Из всех безделушек, которые дарила нам с Симочкой эта женщина, у меня сохранилась лишь одна — деревянные пяльцы для вышивания. Когда я растягиваю на них кусок ткани и намечаю узор для вышивки, то неизменно вспоминаю Шарур. Не знаю, жива ли она сейчас?.. Мне было лет десять, когда ее сосватал и увез некий дальний родственник из Нухи, а комнатушку заняли другие соседи. Уезжая, она оставила для нас два замечательных платьица, которые сшила сама. На воротничках блестели мелкие бусинки, как искорки. Так она, наверное, хотела напомнить о себе: Шарур в переводе означает «искра».

Когда только пошли слухи, что скоро Шарур-Бегим уедет, мы с Симочкой забеспокоились. С точки зрения ребенка, вдовам и женщинам в летах выходить замуж было неприлично. А ведь ей было всего 37 лет! Сейчас я понимаю, что наше возмущение и обида были вызваны обыкновенным детским эгоизмом — ведь Шарур была частью нашей жизни и не могла нас вот так, вдруг, оставить! Мы, противные девчонки, притворились спящими, когда Шарур-Бегим, бросив взгляд на наше крылечко, ушла со двора в сопровождении жениха и золовок.

Долго тосковали мы с Симочкой по этажерке, где жили наши сказки, по грохочущему «Зингеру» и старым альбомам, которые населяли люди с меняющимися историями. Но дети умеют быстро заполнять пустоту в сердце, и мы переключились на Реночку, недавно родившую близняшек. Добровольные нянечки ей были как нельзя кстати. Вообразив себя взрослыми, мы обдумывали, как будем учить этих малышек вязать крючком и вышивать, рассказывая им истории с этажерки Шарур-Бегим. И цепочка не оборвется...

«Крепкие стены»

Каждый раз мрачнел, как туча, Сейфулла, когда конопатый Сардар заводил речь о своих сыновьях – Игиде, Джасуре, Горхмазе и Гахрамане.

– Мой конь надежно подкован на все четыре ноги, и у дома моего крепкие стены, – бахвалился заносчивый Сардар, намекая на своих четырех сыновей. – Когда у мужчины есть сыновья, нет ему горя в этом мире! Будет кому плечи под мой гроб подставить. Сыны и в тяготах подмога, и в старости опора. А пока жив, и стареть не страшно. Роду моему конца не будет!

Бобыль Камандар, добродушный старичок, сочувствуя Сейфулле, пытался сгладить острые углы неприятного разговора. Он понимал, как неуютно становится Сейфулле, отцу трех дочерей, от бравады Сардара по поводу своих сыновей.

– И сына, и дочь милостью своей Аллах дает, – поучительным тоном внушал он Сардару простые истины. – Я считал бы себя счастливейшим человеком, если бы хоть

одна дочь утешила меня в старости, принесла свет в мой дом. Но не судьба. Аллаху виднее, не буду роптать. Но хотя нет у меня ни сынов, ни дочек, не думаю, что хоронить меня некому будет. Вот вы, соседи, есть, дети ваши есть, добрые люди найдутся — не оставят без савана да без могилы.

Жена Сейфуллы, родившая ему одним разом трех дочерей-близнецов, была женщина кроткая и трудолюбивая. Муж ее дочками никогда не попрекал. Любил Сейфулла свою старуху. И дочек любил. Конечно же, какой мужчина сына не захочет! И Сейфулла о сыне мечтал. Но что поделаешь, если бог так распорядился. Дочки, так дочки. Его больше удручало, что девочки личиками не очень пригожие были. А по правде сказать, дурнушки. Звали их Дуру, Дурниса и Дурдана. Злыдень Сардар за глаза называл их «тремя Дурами». Но девочки дурами не были. И хотя красотой не блистали, были они отрадой для сердца Сейфуллы: послушные, отзывчивые, в учебе усердные, в хозяйстве проворные, с родителями почтительные и заботливые. Бывало, придет вечером Сейфулла с работы усталый и хмурый, усядется на топчан, а дочки уже бегут к нему: кто тазик с теплой водой несет, чтоб отцу ноги помыть, кто поднос со свежим чаем, кто с тюфячком бежит – под спину подложить. И сразу всю усталость как рукой снимало. А когда жена ставила перед ним горячий и безумно вкусный пити с теплым хлебом домашней выпечки и, улыбаясь, разглядывала утомленное мужнее лицо, казалось, божья благодать сходила с небес и наполняла своим светом все жизненное пространство вокруг Сейфуллы.

– Ну что ты, сын, для своих отца-матери доброго сделал? – думал Сейфулла о Сардаре. – Старики в нужде померли, когда ты вдали от них был, неведомо где. А часто ли сам их могилы навещаешь? Раз в год, в Гара-байрам. Да и то, если сестры напомнят.

Правду говорят — не зарекайся! Пролетели годы, как быстрокрылые ласточки, и расставила судьба все по своим местам. Дочки-дурнушки Сейфуллы вдруг, неожиданно для всех, повзрослев, расцвели, и не могли старики нарадоваться на них: одна в науке преуспела, другая важным государственным чиновником стала, третья, выйдя замуж и родив четырех дочерей, уже воспитывала внуков-близнецов. А вот Сардару, носившемуся со своими сынками, как дурак с писаной торбой, не повезло. Непутевыми выросли, ни имен своих не оправдали, ни родительских надежд. Двое старших сроки мотали в чужих краях, третий спился, четвертый все родительское добро в карты просадил, да и в бега подался. Жив ли, мертв ли — никто не знает. Сейфулла по доброте своей зла на соседа за обидные речи не таит, да и жалеет старика.

- Вот ведь как жизнь обернулась, качает головой Сейфулла, глядя на согбенного годами и горестями соседа, и конь твой подковы растерял, и «четыре стены» дома в пыль обратились. Несет теперь ветер пыль эту куда ни попадя. И где теперь те плечи, что гроб твой понесут?
- Эй, жена, зовет Сейфулла свою верную спутницу, собери-ка чего-нибудь, пойду проведаю Сардара-бедолагу. Что-то он давно во двор не выглядывает, не захворал ли.

Неподдавшийся

– Хрюк... – внезапно поперхнулся долгим многозвучным храпом сосед за стеной. Это, должно быть, жена лягнула его пяткой в бок. Скорее всего, так. Потому что через пять-десять минут все повторится снова: муж захрапит, а когда храп начнет

усиливаться по возрастающей, вдруг неожиданно оборвется на самой сложной для восприятия музыкальной фразе. И так до утра. Да отвалятся уши у придумавшего панельные дома! Хорошо, что у жены соседа сегодня чуткий сон. А какую какофонию приходится выслушивать Сафару, когда они храпят дуэтом! Здесь и львиный рык, и пение жаворонка, и мычание стельной коровы, и ржание жеребца, рвущегося к яловой кобыле!

Было около трех часов ночи. Лифт остановился этажом выше. И с порога началось.

- Ты же должен был вернуться к шести! берет приступом соседка наверху. Ее муж, летчик, часто возвращается из рейса так поздно. Но «приветственный» текст жены за годы остался почти неизменен.
- Рейс задержали. Туман. Ты же звонила. Знаешь, устало отвечает муж, дай хоть раздеться! Нет, ничего не хочу. Спать хочу! У меня меньше суток времени. Завтра ночью Сеида нужно подменить. Заболел.
- Ну, конечно, продолжается разговор уже в спальне. Завтра Сеида подменить, потом еще кого-нибудь. Жену тебе еще никто не подменил? Долго мне еще твою спину разглядывать?
- Азиза, я устал! Спать хочу! Умоляю, у меня всего пара часов на отдых! взмолился муж.
- Спи, спи, самолетная начинка! Зачем тебе жена? Там тебе твоя Светка-стюардесса и ремень пристегнет, и автопилот включит, и фигуры высшего пилотажа покажет.
 - Не ори, соседей разбудишь! Утром поговорим, дай поспать!
- От утренних разговоров дети не рождаются, начинает поскуливать Азиза.Все родственники уже шепчутся за моей спиной. Тетя Тамара говорит...
 - В гробу видал я твою тетю Тамару! Дай поспать!

Сафар, улыбаясь, раскурил сигарету у окна. Он посмотрел на электронные часы. Было уже около половины пятого. Через час проснется младенец в квартире этажом ниже и, пока нерасторопная молодая мама приготовит ему молочную смесь, будет вопить в полное горло, вызывая негодование своего новоиспеченного папаши.

- Каторга, блин! Ты не можешь приготовить эту бурду чуть раньше? как обычно, недовольно рявкнет он.
- Сам один раз встань и приготовь! Я тоже, блин, спать хочу, заворчит в ответ жена.

Пока они будут пререкаться, обмениваясь «блинами», младенец перейдет на истерическое закатывание. Уже не уснуть. Сафар докуривал вторую сигарету, вглядываясь в предрассветный туман. Нет, он тысячу раз прав, что до сих пор не поддался на бесконечные уговоры родственников, подбивающих его жениться. Наблюдая эти яркие иллюстрации чужого «семейного счастья», он думал о том, каким счастьем сочли бы его соседи-мужья простую возможность выспаться. Так и встретил он утро у окна, с сигаретой. А утром все из того же окна наблюдал, как соседка, что живет за стеной, улыбаясь, машет рукой мужу-храпуну, провожая его на работу. Через час молодожены с нижнего этажа будут весело катить колясочку, выгуливая свой «ночной кошмарик». Чуть позже сосед-летчик выйдет под руку со своей благоверной. Она будет выглядеть довольной и счастливой, потому что подозрения тети Тамары окажутся несправедливыми, а опасения родни напрасными, и выспавшийся после рейса муж исполнит-таки «мертвую петлю» над ушедшей в «глубокий штопор» женой.

Чайник на плите долго булькал, свистел, шипел и, не дождавшись хозяина, выкипел. Надо было уходить, а выстиранные с вечера рубашки еще не выглажены. Холодильник – почти пуст, но он уже не успеет сходить в магазин. Значит, останется без завтрака. Да и пообедать придется «на ходу».

– Ну и что с того? Зато никто не пилит, не ворчит, не тянет душу своим вечным недовольством. Никто не вопит по ночам, требуя сменить вздувшийся памперс, и не просит кашки по ночам! Могу спать когда угодно и сколько угодно, – думает Сафар, наблюдая за соседями, стоя у окна с сигаретой, да так и не уснув до утра. – Однако...

Бессребреница

Дамы, самые юные из которых были в возрасте два-по-тридцать, заполняли большую комнату в форме продолговатого прямоугольника. Раньше эта комната — «зала», как ее называла хозяйка, – была частью длинного коридора. После он был изолирован от остальных помещений дощатыми перегородками, выходящие внутрь двери заколочены, а проемы превращены в неглубокие ниши с полками, заставленными пожелтевшими, крошащимися папками с жэковской документацией доперестроечной эпохи, водруженными друг на друга бесполезными дисковыми телефонами, допотопными деревянными счетами с частично утерянными костяшками. Было тут и несколько тронутых жучком книг с дарственными надписями на титульных листах. Дальше этих листов книги никогда никем не открывались, поэтому их содержание так и оставалось тайной спрессованных годами страниц. На абы как выкрашенных бледно-голубой масляной краской стенах тускло мерцали пластмассовые светильники, обвитые утратившими блеск елочными гирляндами и выгоревшими атласными цветами. Гирлянды болтались на светильниках еще с прошлогодних рождественских праздников. А может быть, и с позапрошлогодних. Когда-то алые маки и посеревшие голубые ирисы, вероятно, приколоты еще раньше. Занавеска на оконце (одном из двух, выходящих в небольшой внутренний дворик) висела на четырех кольцах вместо предусмотренных восьми. Лет пять назад она была оранжевой в полосочку. Сейчас стала желтушной в дырочку. На другом оконце занавески не было вовсе, стекла матовые, разные. В глубине подоконника печально теряла листья увядающая герань. Между оконцами висят настенные часы. Они работают. Это чувствуется по шелчкообразному тиканью и перемещающейся часовой стрелке. Минутная же стрелка разболталась и поэтому все время падает к цифре шесть. Она слегка дергается при щелчках спрятанного за циферблатом механизма, делает усилие, доползая до четверки или восьмерки, но каждый раз бессильно зависает над шестеркой. Секундная стрелка и вовсе обломана у основания. Словом, часы работают и показывают время, как на заре создания часовых механизмов – только двенадцать суточных циклов.

Посреди комнаты, почти по всей ее длине, стоят три сдвинутых стола, накрытых многократно использованными одноразовыми скатерками. Одна ножка среднего стола неустойчива, и пожилые дамы одновременно вздрагивают, если кто-то по неосторожности ставит на стол локоть и провоцирует громкий стук. А еще при этом ктонибудь с возгласом «ай!» хватается за графинчик, чтобы тот не опрокинулся.

Другой мебели, кроме сдвинутых столов и стульев, в комнате нет. Если, конечно, не брать в расчет дверные проемы, переделанные в ниши. Во главе триединого стола восседает хозяйка, Хавва-ханым – высокая, широкая в плечах, густобровая

дама лет пятидесяти пяти. Благодаря челюсти, напоминающей миниатюрный медвежий капкан, и сдвинутым для пущей серьезности бровям, она имеет довольно грозный вид. А возвышаясь над присутствующими не только по причине большого роста, но и из-за высоких ножек старомодного кресла, производит впечатление весьма свирепого создания. Ее ведьминский имидж подчеркивается модным в этом сезоне голубоватым лаком на ногтях. Если б по окончании собрания она оседлала метлу и вылетела через печную трубу, наверное, никто бы этому не удивился.

- Ну, что ж, здравствуйте, девочки, Хавва-ханым обвела присутствующих властным взглядом, слегка вскинув левую бровь и обнажив крупные зубья маленького капканчика. Женщины дружно закивали, разноголосо отвечая на приветствие. Ответная здравица несколько затянулась. По крайней мере, так показалось хозяйке. Она сделала дирижерский жест и «девочки» разом умолкли.
- Ай! ухватилась за графинчик одна из них. Чье-то неловкое движение нарушило равновесие колченогого стола. На это уже не обращали внимания. Все «девочки» устремили свои взоры на хозяйку. Приняв озабоченный вид, она, судя по всему, собиралась сообщить нечто не очень приятное.
- К сожалению, у меня плохие новости, назидательно-печально начала она.
 Вчера начальник ЖЭКа сказал мне, что мы можем собираться здесь до конца месяца, а после искать себе другое помещение. И это после того, как мы столько лет экономили для него средства, ремонт сделали за свой счет, за аренду платим исправно! Говорит, кто-то предложил ему больше, а у него финансовые проблемы. Если из-за прихоти управдома распадется такая необходимая всем нам и полезная обществу организация, кто проиграет в первую очередь? Безусловно, общество! Нужно искать выход. Жду ваших предложений.

Свое предложение у Хаввы-ханым, разумеется, было. Но оно прозвучит в конце и станет, как обычно, решающим.

- Еще раз попросит у меня банки ему поставить! возмутилась пожилая дама по прозвищу Банкомат. Настоящее ее имя Биби-ханым. Считается, что никто во всем квартале не ставит банки лучше нее, и рука у нее легкая. После удаления банок кружочки на спине больного бывают иссиня-черные, и она напоминает надкрылки божьей коровки.
- Вот тебе шах, произносит Биби-ханым, ставя последние банки. А вот тебе мат!

Отсюда и прозвище – Банкомат. Старушка получила его относительно недавно (с появлением денежных банкоматов), а еще раньше ее называли просто Пиявочницей – она и по части пиявочных процедур умелица.

– А я ему больше кураги не дам! – подхватила шестидесятилетняя Тимоша. Имя женщины имеет свою оригинальную историю. Когда-то ее отца, истекающего кровью, вынес с поля боя однополчанин по имени Тимофей. «Я свой сын твая имья даду!» – пообещал теряющий сознание боец. Он выжил, а вернувшись с войны женился и получил первенца – дочь. Клятва оказалась опрометчива, но она свята. Тем более, что фронтовой друг сам через два месяца погиб в бою. Девочку чуть было не назвали Тимофеем! Наконец, поддавшись уговорам родни, молодой отец пошел на компромисс и назвал дочь Тимошей. Так и клятву не нарушил, и имя в какой-то степени женскому уподобил.

Так вот, о кураге. Ее тетушка Тимоша получала ежемесячно от сестры, которая проживала в родном Ордубаде и не скупилась на сухофрукты с каждого нового уро-

жая. А Тимоша, добрая душа, щедро их раздаривала.

– Кушайте, кушайте на здоровье, – приговаривала она, раздавая соседям и приятельницам пакетики с янтарными сушеными абрикосами. – Это для сердца первейшее лекарство!

Каждая из тридцати женщин, членов самодеятельного общества «Лепесток», имела в биографии какую-нибудь забавную историю. Но эти истории были частичками их жизни и самими женщинами не воспринимались как нечто особенное. Вот, к примеру, Айпара-ханым. У нее все время такое задумчиво-сосредоточенное выражение лица, что кажется, будто мысли прикованы к кладовке, где сложен покрытый пылью и паутиной разного рода хлам — Айпара никогда ничего не выбрасывает! Недавно вот обнаружила среди мусора, который сын собирался вынести из гаража на помойку, рассохшееся сиденье для унитаза из прессованных опилок. Айпара извлекла этот предмет из-под кучи жестянок и проводов, повесила на гвоздь, прибитый изнутри к двери кладовки — авось сгодится. Для чего? Таких унитазов-то давно нет!

- Надо же, какой негодяй! очнулась вдруг Айпара. Она потянула за рукав свою соседку Мехри-ханым. Хорошо, что не отдала ему Сафашкин «Агидель».
- Ты же говорила, что он не работает, Мехри-ханым по привычке поправила потускневший за долгие годы шиньон. Когда-то была в моде прическа «тюльпан», ее носили все, кому идет, и те, кому не идет. Невзирая на возраст, овал лица, цвет волос. У кого волосы не отрастали до длины, необходимой для укладки «тюльпана», прикалывали шиньоны. Мехри тоже считала себя неотразимой с такой прической. Прическа настолько пришлась ей по душе, что «тюльпан» из потускневшего шиньона расцветает на седых, но упорно окрашиваемых в черный цвет волосах более сорока лет. Невестка за глаза язвительно называет свекровь «Черным тюльпаном».
- Тебе послышалось, махнула рукой Айпара-ханым. Пусть лучше полежит в кладовке. Пригодится.
 - Твоя кладовка все равно, что ленинградская кунсткамера.
 - А твой шиньон все равно, что ее экспонат.
- Женщины! послышался строгий оклик Хаввы-ханым. Отставить споры! У нас серьезная проблема. Ее надо решать, а не отношения выяснять.
- Можно, я скажу? как школьница, потянула вверх руку семидесятилетняя Зулейха. Я предлагаю устроить пикет перед Исполкомом. Пусть выделят нам помещение!
- Обязательно выделят! Запихнут всех в смирительные рубашки и свезут в психушку.
 - Или полиция дубинками приласкает!
 - За что? Мы хулиганить не собираемся.
- Извините, сестрицы, но на пикеты и митинги я не стану ходить. Вы хотите, чтоб меня мой старик из дому прогнал? И куда мне потом деваться?
- В богадельню. Будут тебя по телевизору показывать. Их сейчас часто показывают.
 - А может быть, омбудсману пожалуемся?..
- И что напишем? Управдом Алибала требует назад свое помещение? По закону имеет право.
- «Лепесток» не должен распадаться! Он нужен всем! Помните, когда умер мой муж, Мадина, Басти, Фируза до сороковин помогали на кухне. А когда они сами померли, мы с Аминой до сороковин халву варили...

- И Валиде мы по хозяйству помогали, когда она ногу сломала.
- А Сара нас крючком вязать научила.
- Да-да, и Барат своими рецептами делится.
- Я одну ворожею знаю, заговорщически произнесла Гюльниса. «Завяжем» язык Алибале! А еще лучше, порчу на него нашлем! Правильно я говорю, ай Бибиханым? А когда его саталчам (сильная простуда авт.) свалит, ты ему банки не ставь пусть подыхает!
- Я тоже знаю одну. Такое с ним сотворит, что чума ему желаннее будет. Если надо, я к ней съезжу на Монтино.
- Ты о Фаине Якубовне? Слышала, слышала. Но она больше по части приворота мастерица, самого верного мужа из семьи уведет. Недавно, слыхала я, для дочки своей гулящей мужика из чужой семьи выколдовала. А там дети взрослые, внуки уже. Видела я ее дочку волосатая, щербатая, прыщавая, и с дитем невесть от кого. Для такой мужа найти разве что только ворожбой. А как ты собираешься волос с груди Алибалы нащипать? Уж не в постель ли с ним ляжешь?
 - Для чего мне его вшивая поросль?!
- Фаина Якубовна затребует. Она для ворожбы ногти или волосы просит принести.

Хавва-ханым в очередной раз попыталась вернуть разговор в нужное русло. Она похлопала по столу, обвела женщин еще более посуровевшим взглядом и обратилась к Мехри.

- Мехри-ханым, твой сын, кажется, в исполкоме работает? Не поможет ли?
- Поможет, если жена разрешит, ехидно проговорила Барат, не дав раскрыть рта самой Мехри.
- При чем тут его жена? обиженно сказала Мехри, поправляя свой увядший «тюльпан». Ты хочешь сказать, что мой сын подкаблучник?
- Ну-ка, прекратите! остановила их Хавва-ханым. Не хватало еще, чтоб скандалили тут. Дома будете выяснять, кто у кого подкаблучник. Так поможет нам твой сын, Мехри-ханым?
 - Я спрошу... замялась Мехри. Вообще-то он всего лишь там в охране...
- Ясно. Отпадает. Боюсь, что лучшего варианта, чем ворожба, никто из вас предложить не может. Вас послушать у всех родственники большие люди. А как до дела доходит, выясняется, что попусту бахвалитесь. Думаю, самое верное это добавить управдому сотню-другую. Другого выхода не вижу. Для вас стараюсь. Мне тут никакой выгоды. Сами решайте. Если согласны, я переговорю с ним. Скинемся, делать нечего. Но если кто-то не согласен, придется наш «Лепесток» распустить...

В глубине души не согласны были все, но «Лепесток» – та отдушина, через которую пожилые дамы получают радость общения, и куда, пусть ненадолго, уходят их печали и трудности. Здесь все они считают себя (а может быть, воображают?..) очень необходимыми, крошечными, почти микроскопическими частичками двигателя общественной жизни. И очень гордятся этим. Со слов, которые всем хочется услышать, – «Вы нужны!», – дальновидная Хавва-ханым начинала почти каждое их собрание. На старых женщин эти слова действовали как эликсир жизни, как боевой клич и господне благословение. Они сразу забывали домашние дрязги, ворчливых мужей, невнимательных детей, непочтительных снох, скандальных соседей и прочие издержки быта. Справедливости ради нужно отметить, что временное отсутствие некоторых из них тоже было маленьким праздником. Разве могли женщины своими ру-

ками захлопнуть эту благословенную отдушину? Придется-таки отстегнуть из потайных кармашков управдому-упырю. Хавва обвела своих «питомиц» несколько смягчившимся взглядом. Ей не нужно было ждать ответа, и так ясно, что условия безбожника Алибалы приняты.

- Ты и в самом деле вурдалак, Алибала, недовольно бурчала Хавва-ханым, отсчитывая деньги из пачки мелкими купюрами. Она нехотя, неторопливо клала их перед управдомом, ожидая, когда он засовестится и остановит ее. Но Алибала не спешил этого делать.
- Думаешь, этот убогий коридорчик стоит больше? Хавва возмущенно вскинула брови, когда в руках осталась половина всех денег. Половина моя! Держи свою сотню и не гневи Аллаха!

С этими словами она сунула оставшиеся деньги в кошелек и сердито зашагала к выходу.

Ген выносливости

1

- Он снова пришёл! растерянная и взволнованная официантка Дина готова была расплакаться. Она теребила край розового фартука, не зная, куда девать трясущиеся руки. Девушка была так искренне расстроена, что Тамара поспешила успокоить её.
- Кто «он»? Успокойся и говори толком. Тамара закрыла лежавшую перед ней папку с бумагами и указала глазами на кресло. Садись. С проверкой, что ли? Не вижу причин для паники. Пусть заходит сюда, ко мне. И нечего девушек в зале пугать.
- Нет, не с проверкой, всё ещё волнуясь, произнесла Дина. Она кивнула в сторону двери. Этот. Клиент. Ну, тот, который всё время напрягает своими капризами, цепляется, недовольный всем. И, как назло, за мой столик садится без конца. Вы скажите девочкам, пусть кто-нибудь другой его обслужит. Я его уже боюсь! Может, шизик какой-нибудь.

Уголки её губ опустились, брови встали «домиком». Ещё чуток – и разревётся.

- Только без слёз, пожалуйста! Тамара поморщилась. Она попыталась урезонить девушку. Может быть, ты ему просто понравилась? Пытается таким образом подразнить тебя. У мужчин и такой приёмчик имеется, чтоб внимание привлечь, а заодно и к покорности приучить. Не расстраивайся, помучает-помучает, да и замуж позовёт. Иди, милая, работай.
- Я за такого не пойду! обиженно поджала губы Дина. Он чересчур холёный какой-то. Как артист. С виду сахарный, а сам злой, как удав. Точно! Настоящий удав!
- Дина, уже строже произнесла Тамара, иди в зал! Обслуживай клиента и не морочь мне голову. Напрягает он её! А оценить успела! Да ещё так метко. Сахар-

ный удав – надо же...

Тамара покачала головой, провожая взглядом обиженную официантку. Но недовольный клиент её несколько озадачил и заинтересовал. Она вспомнила, что это не первые его претензии к обслуге. Пару дней назад Дина уже жаловалась администратору на его беспочвенные, по её мнению, придирки: то ли вилка недостаточно блестела, то ли ложка не так лежала. Через несколько минут после ухода девушки Тамара вышла из кабинета и, пройдя в зал, подошла к стойке бара. Сделав вид, что интересуется показателями расчётов у кассового аппарата, она как бы невзначай бросила взгляд на столик, за которым сидел Динин «воздыхатель» — Тамара не сомневалась, что дело обстоит именно так. Но неожиданно её взгляд встретился с взглядом придирчивого клиента, «сахарного удава», как его успела окрестить бесхитростная официантка. Тамара уже почти десять лет вполне успешно вела свой бизнес, владела сетью небольших, но популярных ресторанов и умела держать в узде собственные эмоции. Однако в этот миг ей стало как-то неуютно. Она почувствовала себя нашкодившим ребёнком, которого застали врасплох. Но тотчас взяв себя в руки, женщина решительно направилась в сторону посетителя.

- Действительно, удав, подумала про себя Тамара. Вот и я добровольно направляюсь в его пасть. Цирк какой-то!
- Здравствуйте, приветливо улыбнулась Тамара, подойдя к столику. Мне показалось, вы чем-то недовольны. Я приношу свои извинения, если что-то не так.
- Всё не так! тихо, но довольно резко ответил клиент. Дина даже вздрогнула. Тамара от неожиданности сцепила тонкие изящные пальцы, не сразу сообразив, как следует отреагировать на слова гостя.
- Если не возражаете, я хотел бы пройти в ваш кабинет, недовольно постукивал пальцами по столу посетитель. Не в моих правилах ябедничать в чиновничьи инстанции, но с вами бы я кое-что обсудил.
 - Относительно чего? подавляя неприязнь и раздражение, спросила Тамара.
- Относительно неповоротливости ваших официанток, например, клиент смерил презрительным взглядом оторопевшую Дину, которая, казалось, вот-вот шлёпнется в обморок.
- Прошу вас! коротким жестом Тамара указала клиенту в сторону декоративной занавески, скрывающей вход в другое помещение и, не дожидаясь самодовольного типа, направилась к кабинету первая. Стараясь выглядеть совершенно спокойной и невозмутимой, Тамара испытывала огромное искушение послать «удава» куда подальше и пинка приложить вдобавок нехилого. Но бизнес обязывал. В том числе и к учтивости.
- Если ваш заказ оплачен, мы возместим убыток, дежурно-вежливо произнесла Тамара. Предложив посетителю стул, сама села в своё кресло напротив. Так чем же не угодила вам официантка? Вы первый, кто недоволен ею. Дина очень добросовестный работник. С клиентами обходительна, улыбчива, приветлива. Да и как можно сердиться на такую красивую девушку?

Последние слова Тамара приправила лёгкой улыбкой, пытаясь разрядить напряжение. Она наконец внимательней разглядела клиента-зануду и удивилась внезапной перемене: перед ней сидел не надменный колючий «бука» со снобистским взором, а очень привлекательный молодой мужчина лет тридцати, игриво вскинувший левую бровь и не очень усердно прятавший интерес в красивых серых глазах. Тамару ошеломила такая стремительная и необъяснимая метаморфоза, но она не

подала виду и, не меняя учтивого тона, продолжила:

- Кажется, вы уже не сердитесь. Вот и славно. А то бедная девушка испереживалась вся. Хотите кофе?
- Хочу. И обязательно в вашей компании, мужчина прищурился и тихо добавил. Но не здесь, царица моих грёз...
- Я дала повод для фамильярности? не на шутку рассердилась Тамара.
 «Удав» преподносил всё новые сюрпризы. Если конфликт исчерпан, прошу покинуть мой кабинет.
 - А если я всё-таки пожалуюсь на ваше заведение?
 - Ваше право. Уходите, пожалуйста.
 - Я могу продолжить свой обед?
 - Выбор за вами.
- Обожаю свободу выбора! И терпеть не могу, когда её ограничивают. Вы и представить не можете, каким кошмаром порой оборачивается отсутствие выбора... «удав» как-то странно посмотрел на Тамару, словно решая, как лучше приступить к заглатыванию: с головы или с ног.
- A разве красный свет светофора у проезжей части не ограничивает вашу свободу выбора? И в ваших же интересах, заметьте.
- Умозаключение, достойное царицы Савской. И стать та же. Я у ваших прелестных ног, обворожительная.
- Вон!.. Тамара привстала из-за стола. Она была в ярости. Ещё чуть-чуть, и самообладание покинет её.
 - Уже ушёл, улыбаясь, нахальный клиент пятился к выходу. Не навсегда.

Тамара резко опустилась в кресло и, чуть не плача, схватилась за голову – вторая женщина, которую менее, чем за полчаса почти довёл до слёз один и тот же мужчина: одну недовольством, другую ... комплиментами. Почти тотчас в кабинет влетела Дина:

- Тамара-ханым, он точно ненормальный!

Но увидев Тамару взволнованной, застыла на месте с выпученными глазами и раскрытым ртом.

- Что ещё стряслось? Вилка не блестит? Или инопланетяне тарелку угнали? Ты работать сегодня будешь?
- Я ... я, растерялась девушка. Он мне подмигнул, засмеялся и язык показал! Эдик видел.
- Ну и что? А вопишь, будто укусил, оборвала её Тамара. Клиент недоволен шизик. Клиент смеётся ненормальный. Дурдом какой-то! У меня самой из-за вас крыша едет! Иди, работай!

Дина, обескураженная реакцией Тамары, выскочила из кабинета и поспешила в туалетную комнату — ополоснуть лицо под холодной водой было в самый раз. Тамара закрыла за ней дверь на защёлку и подошла к зеркалу. Несколько секунд постояла перед ним молча, внимательно разглядывая раскрасневшееся лицо, провела пальцами по бровям и вокруг глаз, сняла заколку и поправила распавшиеся по плечам волнистые каштановые волосы, заправила в юбку сиреневую батистовую блузу и расстегнула верхнюю пуговицу. Подумав немного, расстегнула и вторую.

– Царица Савская, – повторила она слова недавнего посетителя и горько улыбнулась. – Лошадь ломовая, ослица, медью гружённая, вот кто я, а не библейская царица. Вот сейчас набегаюсь за день, нервы и здоровье клиентам скормлю, деньги,

пОтом смоченные, мытарям в бездонные карманы рассую и приползу домой детей мыть-кормить, нерадивому мужу подушки под бока подкладывать и его телефонный трёп слушать. Без выходных, без праздников, без отдыха... Десять лет изо дня в день одно и то же, одно и то же. Как на износ...Так и состарюсь. Дочь вырастет, выйдет замуж. Помру — похоронят и забудут. Ну вот, раскисла. Успокойся, соберись — и снова в бой! Нельзя помирать — о сыне подумай. Кто позаботится о нём?...Эх! Разворачивай хоругви и водружайся на трон, царица!

Тамара убрала в сейф папку с документацией, вышла из кабинета и, заперев за собой дверь, прошла в зал.

- Эдик, позвала она менеджера. Мне нужно уйти. Телефон я выключаю. Если возникнут чрезвычайные обстоятельства, звони на второй номер. До завтра!
- До свидания, Тамара-ханым, не беспокойтесь. Эдик был удивлён её внезапным уходом в самый разгар притока посетителей. Раньше такого не было. Но, как говорится, хозяин – барин.

Тамара и сама себе удивилась: оказывается, и негативные воздействия могут давать позитивный результат. Она села в машину, припаркованную неподалёку, посмотрела на себя в зеркало заднего обзора, ещё раз поправила волосы и влилась в шуршащий, гудящий и рычащий поток городских авто. Нет, домой она не поедет. Сделает себе царский подарок: вопреки здравому смыслу прогуляется по бульвару, съест эскимо на палочке, просто посидит на скамейке.

– Почему на скамейке? – спросила она у себя вслух. – А слабо на катере прокатиться? Отличная затея, сколько лет не каталась на катере!

Уже через полчаса Тамара стояла на палубе белоснежного прогулочного катера и любовалась городом со стороны моря.

- Наверное, ангелы вот так наблюдают за своими подопечными. Самые нерасторопные из них расслабляются, замешкаются и не успевают вовремя подоспеть на помощь, размышляла Тамара. Откуда такие образы? Такие неожиданные и случайные. Но нет ничего случайного в этом мире. Она и представить себе не могла, насколько замешкался её ангел-хранитель... и где его носило? Наверное, там же, где он запропастился, когда в 18-летнем возрасте юная красавица из очень обеспеченной и благополучной семьи, без памяти влюблённая в «непутёвого футболиста», поддавшись уговорам родственников, пожалев рыдающую мать и слегшую с сердечным приступом бабушку, отказала бедному юноше и не пошла за него замуж. «Непутёвый футболист», потрясённый разлукой, с разбитым сердцем уехал из страны. Навсегда... Сейчас он один из самых востребованных и богатых футболистов мира...
- Какое замужество?! Ты сама ещё ребёнок, Тамарочка, девочка моя! Что даст тебе этот нищий мальчишка? Содержать семью это не мячик по полю гонять. Тебе об учёбе думать надо, а не о замужестве, срывая голос до шёпота, стенала бабушка, то и дело закапывая в стаканчик сердечные капли.
- Я буду учиться, опустив голову, утирала кулачком слёзы Тамара. И он тоже будет. Мы вместе будем... учиться. А потом будем работать. А потом...
- Что потом? плакала мама. Потом пелёнки-распашонки, голодная мышь в кармане мужа-футболиста и позднее раскаяние. Всё! Кончилась демократия! Звони своему Пеле и скажи, чтоб поскорее исчез из нашей жизни.
- Не скажу... прошептала Тамарочка. Но в этот миг случилось ужасное: бабушка всей тяжестью грузного тела рухнула со стула без сознания. Девочка бросилась к ней с криком, пытаясь поднять женщину с пола, они с матерью в растерянности

тянули её в разные стороны.

- Скорую! Скорую вызывай! кричала мама.
- Вызывай Скорую! перебивала её своим криком Тамара. Я не знаю номер!
- Ноль три!
- Не умирай, бабуля! Я позвоню!... Я скажу...Ты только не умирай...

Давно уже нет ни мамы, ни бабушки, а эти воспоминания почти не вызывают грусти и боли. Почти не вызывают... Будто сцена из чужой жизни. Случалось, что мама и бабушка переглядывались и быстренько переключали канал, стоило зазвучать знакомому имени. Однажды Тамара даже слышала, как они спорили, кто из них больше повинен в этой разлуке.

Тамара с наслаждением зажмурилась, подставив лицо ветерку, трепавшему её волосы и щекотавшему нос. Она с удовольствием вдыхала морской воздух. Здесь, вдалеке от берега, море совсем другое. Оно необычайно красивого бутылочного цвета. Предвечернее солнце щедро сбрасывало на его поверхность пригоршни мелких золотых монет-бликов, а брызги разрезаемой катером воды вносили собственную лепту серебром. Казалось, вот-вот вынырнут игривые русалочки и начнут торопливо сгребать и уносить на дно свои сокровища, так неосмотрительно просыпанные солнечными лучами.

— Чудо! Какое чудо, господи! — восхищалась Тамара внезапному озарению. — А ведь ничего, кроме воды и света, кругом нет. Ни дорогих машин, ни роскошных вилл, ни витрин с бриллиантами. Только море и небо — а так красиво! Обязательно надо будет прогулять детей на катере. Ну хотя бы Тотошку пока. Жить у моря и фактически его не видеть. Стыдно даже. Всё-таки с берега оно другое. Совсем другое.

Морская прогулка закончилась. Тамара неспеша шла по обновлённому бульвару в сторону парковки. Впервые за последние пять лет она не испытывала чувства усталости и раздражения, возвращаясь домой. Было хорошо. Просто так, беспричинно.

 Я совершила открытие, – улыбалась Тамара своим мыслям. – Отныне буду убегать в открытое море, когда начнут заедать и доставать.

То, что предшествовало её столь неожиданному «побегу», не казалось важным...Заблуждение человека, испытывающего миг счастья, которое дарят из сострадания перед тем, как отправить на эшафот...

- Идёт себе, улыбается, никого не замечает! услышала Тамара знакомый голос за спиной. Она оглянулась и увидела соседку по старому двору Сайку, внучку тётки Бадри.
- Гляжу, Тамара вроде, хитро щурилась Сайка. Она вертела головой, словно пыталась обнаружить рядом кого-то. Одна гуляешь? А бабуля твоя земля ей пухом! всё переживала, что ты вся в делах, вся в заботах, вертишься, как белка в колесе, устаёшь, здоровье не бережёшь.

Девушки обменялись дежурными «чмоками». Нельзя сказать, что встреча с давней знакомой, когда-то почти подругой, обрадовала Тамару. Скорее, наоборот. Но приличия требовали маскировать неприязнь вежливостью.

- Извини, Сайка, не заметила тебя.
- Обижаешь, подруга, противно захихикала Сайка. Как же меня не заметить при моих-то телесах? А тебе, скажи, как удаётся фигуру беречь? Молодец ты, будто и не рожала. Ну просто русалочка!
 - Садись, подвезу, Тамара не стала дожидаться конца Сайкиной тирады. Она

знала, что вслед за восторгом последует критика и сомнения относительно всевозможных диет, рекомендаций, физических нагрузок. Затем последует другая любимая Сайкина тема: «Я такой рецептик знаю – пальчики оближешь!»

- Ой, спасибо, Тамарочка, запыхтела Сайка, водружаясь на высокое сиденье. Вообще-то я не домой. У племянницы завтра день рождения. Хочу сегодня её поздравить. Вот, подарок купила.
 - Почему сегодня?
- Дежурство у меня завтра. Дети, сама знаешь, подарков ждут. Девчонка просто прелесть! Удивительно, как у такой кобры такой чудесный ребёнок родился.
 - Кобра это жена Карима? Забыла, как её зовут...
 - Почти так и зовут Кюбра!
- Ну, ты золовка, змеиная головка! Чем тебе невестка не угодила? По-моему, твой брат женой доволен.
- Подкаблучник он! Сайка невестку недолюбливала, но никогда не могла объяснить, за что. Скорее всего, просто так, по традиции.
 - Не заводись, улыбнулась Тамара. Говори, куда везти.
- Здесь недалеко, на Пушкина. Смотри-ка, вот и братец мой, собственной персоной.

Тамара посмотрела в сторону, куда Сайка направляла свой коротенький пухлый перст, перетянутый безвкусным и неуместным подростковым кольцом и увенчанный сверкающим блёстками свеженарощенным ногтем. У подъезда стояла машина с разинутым до упора багажником. Сайкин брат выгружал из него кульки и пакеты, набитые фруктами и тортами.

- Видишь? недовольно поджимала ярко напомаженные губки золовка-колотовка. Несёт, кормилец-поилец, в руках, в зубах, на горбу! А ханумочка его дома бездельничает.
- Не по делу ворчишь, Сайка. Я так поняла, что к столу всё накуплено, для дочки, для гостей.
- Это сейчас для гостей. Но так всегда! На износ работает, лишь бы его жёнушка нужды не знала ни в чём, не унималась Сайка.
- Вот и молодец! Настоящий мужик, выдохнула Тамара, сопоставив Карима со своим мужем-бездельником, который не считает зазорным, будучи в полном здравии, не утруждать себя заботой о семье и есть «женин хлеб». Тамара много раз пыталась через своих знакомых устроить его на работу. Но нигде больше двух месяцев он не задерживался, считал предложенную работу недостойной себя, любимого. На самом деле это обыкновенный трутень, отдававший предпочтение тому, чтобы «с ребятами в картишки перекинуться». Повезло Сайкиной невестке с мужем, ничего не скажешь.
 - Ладно, Сайка, и мне домой пора. Поцелуй племянницу от меня.
 - Может быть, зайдешь? спросила Сайка, зная ответ наперёд.
- Спасибо, в другой раз, ответила Тамара, понимая, что другого раза не будет. И меня дети заждались. Ещё успею в парк сводить. Голубей вместе покормим. Юське это так нравится!
- За что же их кормить? вдруг засмеялась Сайка. Мама их загадочными птицами называет.
- Что в них загадочного? Обыкновенные птицы. Но Юську они радуют, Тамаре хотелось побыстрее распрощаться.

- Они нам весь балкон загадили, продолжала смеяться Сайка. Оттого и загадочные. По три раза на дню, бывает, балкон чистим. Облюбовали почему-то именно наш балкон для своих шур-мур-лямур. Даже кота не стыдятся.
- Ну, коты и сами те ещё бесстыдники, на этот раз не удержалась от смеха Тамара.
- Нет, наш кастрированный. Ой, а ты слышала про Марыча? Помнишь его? оживилась Сайка, вдохновлённая искренним смехом Тамары и решившая, что можно ещё посплетничать. Ну, тот, у которого в войну отца одноногого в лагерь сослали. Он ведь умер недавно.
 - Кто, одноногий? Сколько же ему веков?
- Да нет же! Марыч сам помер. А в комнатушке его горы коробок с болтами, гайками, винтиками всякими, видимо-невидимо. Не зря мама его «выносливым человеком» окрестила. Он всё это полвека с завода выносил. За отца мстил, наверное. Отца же тогда за болты сослали.
 - Какая же это месть? Это генетическое...
- Скажешь тоже. Хотя, мама назвала бы это «геном выносливости», Сайка всё смеялась и смеялась. Это начинало раздражать: только что кипела от злости из-за брата и снохи, а теперь хохочет без удержу. Сайка всегда отличалась почти мгновенными перепадами настроения.

Поняв что прощание с ней может затянуться, Тамара сама потянулась к дверце и, высадив Сайку из машины, захлопнула её прямо перед носом всё ещё смеющейся девушки.

– Уф-ф, наконец-то, откуда тебя принесло на мою голову. Отдохнула, называется. Домой, скорее домой, – Тамара посмотрела на часы и поняла, что в парк с детьми уже не пойдет. Но ничего, в ближайшее время непременно прокатится с ними на катере. Как хорошо, что Сайкина мама такая остроумная – ведь это именно её «голубиная» шутка спасла почти испорченное впечатление от морской прогулки.

Утро рабочего дня не предвещало ни грозы, ни бури – чудесно, солнечно, ясно, мирно... Поздоровавшись с барменом, хлопотавшим у стойки, Тамара направилась в свой кабинет.

- Тамара-ханым, вам тут букет передали, бармен извлёк из-под стойки очень красивый, со вкусом собранный букет из мелких, словно фарфоровых, розочек и декоративных растительных дополнений.
 - Мне? Букет? Ты ничего не путаешь?
- Нет, доставка принесла. Я расписался. Эдика пока нет, пришлось мне принять. Там, в цветах, конвертик даже прикреплён.
- Я заметила, строго произнесла Тамара, оборвав бармена на полуфразе. Не хватало ещё выслушивать его комментарии. Займись своим делом, Эльмар. И впредь букетов и прочих презентов в моё отсутствие не принимай. Букет отдай девочкам. Эдика я тоже предупрежу.
- A если... начал было бармен, но запнулся под суровым взглядом хозяйки. Понял!

Едва Тамара вошла в кабинет, раздался телефонный звонок. Она не спешила ответить. Что-то подсказывало ей, с кем состоится возможная беседа. Тамара изорвала на мелкие кусочки извлечённый из букета конвертик и стряхнула в урну. Но тут зазвонил сотовый.

– Я буду ждать вас в семь часов, после работы. Около парковки, – раздался уже

знакомый голос в трубке. – Всего на несколько минут!

- Хотите, чтоб я обратилась в полицию?
- Глупо. Вы же не запретите мне каждый день приходить в ваш чудесный ресторанчик и долго, очень долго угощаться единственной чашечкой кофе. Цветы, как я понимаю, вы не приняли, записку не прочли. Бедной официантке придётся терпеть присутствие противного посетителя. Из-за вашего упрямства, заметьте. Вам её не жалко? Всего на несколько минут, Тамара-хануым! Кстати, меня зовут Ильяс.
 - Мне всё равно, как вас зовут. Трёх минут хватит?
 - Мне всей жизни не хватит, чтоб любоваться вами.
 - А мне хватит и трёх минут, чтоб досыта насладиться вашей компанией.
- Зря вы так грубите, красавица! Ой, зря! какие-то зловещие нотки вкрались в елейный голос вчерашнего гостя.
 - Что вам от меня надо?
- ... получить карточный долг вашего мужа, только и всего, ответ «удава» был настолько обескураживающим, что Тамара почти физически ощутила его удушающие объятия, не оставляющие шанса на спасение. Сбылись её самые страшные подозрения!
- Сколько? ... с трудом справляясь с волнением, почти шёпотом спросила Тамара. Сумма, названная «удавом», так искусно игравшим со своей жертвой, заставила стены кабинета задвигаться вокруг неё, вызывая приступ тошноты. Невероятные нули, удлиняющие цифру семь, и составляли цену жизни...

Детей и её собственной.

- Дайте время... Я выплачу, прохрипела Тамара, пытаясь остановить стены и побороть удушье. Она понимала, с кем имеет дело.
- Месяц! коротко и жёстко ответил « удав», завершив игру. Было ясно, что этот срок продлён не будет. Мне нужно пояснить о последствиях, если вам вздумается куда-то обращаться?
 - ... нет...
- Я знал, что вы умница. Мне даже немного жаль вас. Самую малость... Но это ничего не значит.

Так и оказалась она в крошечном двухкомнатном домишке далеко за городом. Одна, с двумя детьми и почти без средств к существованию. О дальнейшем супружестве с бесчестным мужем, поставившим на кон жизнь собственных детей, не могло быть и речи. Разошлись. Дистанционно, даже не столкнулись в судах. Она запретила ему приближаться к семье даже мысленно — иначе заявит в полицию с соответствующим обоснованием. Дальнейшая его судьба ей безразлична. Его нет — всё! Исчез, умер, испарился, рассосался!

У неё и детей началась другая жизнь в других условиях, в другом амплуа. Надо выплывать. Одной.

2

Лицо старухи, восседавшей (именно восседавшей, а не сидевшей!) в инвалидном кресле-каталке, было будто списано с небезызвестной сварливой героини «Сказки о золотой рыбке». Под маской недовольства и привередливости скрывалась банальная зависть и безысходная злоба. К кому? да хотя бы к ней — красивой, ладной сорокалетней женщине, домработнице при старой пиранье. Она здесь относи-

тельно недавно, чуть больше полугода. Но порой кажется, что эти полгода состарили её лет на десять!

Сначала думала, что гнусный характер желчной старухи следует отнести на счёт издержек возраста. Но очень скоро стало ясно, почему не задерживалась подолгу прежняя прислуга: изначально дрянной характер хозяйки с годами лишь выявлял очередные грани ведьминской сути. Что ей, одной воспитывающей двоих деток, оставалось делать?

Взрослые старухины дети по большей части за границей живут. Платят втрое больше, чем она в других семьях зарабатывала. Есть, однако, за что! Не будь сын так тяжело болен, и она сбежала бы от этой фурии через неделю. Но мальчику с ДЦП просто необходима хорошая коляска и медицинские процедуры.

Когда Тамара на работе, за ним присматривает подросшая Тотошка. Ей уже тринадцать. Девочке очень нелегко. Домашнее хозяйство, можно сказать, полностью на ней. Включая десяток весьма продуктивных несушек и самодовольного пёстрого петушка. Но Тотошка умница, не раскисает, не ропщет. Понимает, что маме ещё труднее. Кто-то должен и деньги зарабатывать. Учится дочка тоже хорошо. А ещё на курсы медсестёр планирует поступить в будущем году. Эх, только бы выдюжить!

- Тамара! Тамара! Ты оглохла? Долго мне тут тебя дожидаться, черепаха ты эдакая! старуха сидела на своём особом унитазе с подлокотниками, высматривая вокруг себя что-нибудь, за что можно бы отчитать служанку: пятно на плите пола, отсутствие полотенца, салфеток, ароматизаторов, мыла или ещё чего-то не больно нужного.
- Иду, иду, Фатма-ханым! Тамара быстренько вытерла руки после мытья посуды, включила чайник и поспешила в туалет мыть зад своей ненавистной «кормилице». Подавляя чувство брезгливости, она сперва направила струю тёплой воды, затем аккуратно и неторопливо приступила к процедуре «омовения».
 - Ты что, без мыла моешь? недовольно загундосила старуха.
 - С мылом, с мылом, не волнуйтесь, Фатма-ханым.
 - Перчатки сними! Ты же знаешь, не нравится мне такая резиновая гигиена.
 - Я без перчаток...
 - Покажи!

Тамара выпростала руку перед старухой, чтобы та удостоверилась. Несколько капель воды брызнули на оголённые колени старой ведьмы.

- Ой-ой! Ты что творишь? Всю меня вымарать хочешь? завопила старуха и изо всех сил ткнула локтем в бок бедную женщину.
- Извините, Фатма-ханым, чистая была вода, Тамара сцепила зубы и вновь стала намыливать дорогим средством старухин зад. Извините...

Закончив гигиеническую процедуру, Тамара прихватила хозяйку за подмышки и пересадила в кресло. Каждый раз в такие минуты ей казалось, что старуха специально провисает на руках, утяжеляя свой и без того немалый вес.

- Ты что так вспотела? сердито спросила старуха, заметив каплю пота, стекающую с виска Тамары. Не больная случайно? Зарази ещё меня чем-нибудь, не дай бог!
 - «А что к заразе прилипнет?» подумала Тамара.

Она отрицательно покачала головой, вытерла салфеткой пот с лица.

- Здорова я, не волнуйтесь.
- Здорова она! А пыхтишь, как не знаю кто.

Тамара поправила плед на коленях старухи и выкатила коляску из туалетной комнаты через коридор на уютную закрытую веранду, где уже был включён телевизор с «Давай поженимся!» и накрыт чайный столик.

- Ничего, прорвёмся! горько улыбалась Тамара, развешивая бельё в специально отведённом месте внутри красивого ухоженного сада. Снова вернулись жуткие воспоминания. Боже, зачем?! Как хотелось ей навсегда забыть тот распроклятый день и последовавший за ним месяц кошмаров! Семь лет прошло, а всё будто вчера. До сих пор иногда в холодном поту просыпается.
- Прорвёмся, обязательно прорвёмся! усмиряла она своё бессилие чудо-искорками надежды на тлеющих руинах уверенности. Услышав хриплый голос хозяйки, Тамара поставила тазик с бельём на пол и поспешила в дом.
 - Ты совсем оглохла? возмущённо верещала старуха. Битый час зову!
 - Во дворе не слышно. Вы же сами велели дверь прикрыть.
- Велела, не велела! Послушная какая, поди ж ты! Самовар лучше поставь, с дымком чаю хочется.
 - Я же приготовила вам чай...
- Не перечь! Самовар, говорю, поставь, старуха хлопнула ладонью о подлокотник. – И вот что. Я думаю сегодня наверху на ночь устроиться. Там буду спать.
- Как же без пандуса вас на второй этаж поднять? Вниз ещё ладно, можно коляску потихоньку скатить. А наверх...
- Ничего такого сложного. Ты меня сначала снеси наверх. Коляску потом поднимешь.
 - Как снести? На спине, что ли?..
- A хоть и на спине! За такие деньги, что тебе платят, другие и на голове носили бы!
 - Можно садовника попросить помочь?
 - Ешё чего! Не хватало ешё этому навозному жуку меня касаться!
- Ладно, ладно, успокойтесь, сделаю, как скажете, Фатма-ханым. Пойду самовар ставить, едва сдерживая слёзы горечи и унижения, произнесла Тамара.
 - Иди уже! Стоит тут, советы мне дает, где спать, кого звать.

Тамара вышла во двор за самоваром. Хотелось закричать и завыть в голос.

Сердце рвалось из груди, слёзы потекли ручьём и не было сил остановить их. Но надо собраться – вдруг старая ведьма снова позовёт. Как объяснить ей причину?..

– Не плачь, дочка, – услышала она рядом голос старика-садовника.

Она смутилась и начала быстро-быстро вытирать лицо чайным полотенцем.

- Снова чудит старая кровососка? сочувственно спросил садовник, хотя ответ был очевиден. Ты не самовар, случайно, ищешь? А я как знал, утром только его почистил, до блеска аж. Он полный стоит, тебе не поднять. Иди. Бельё довешивай. Я сам запалю, вскипячу и на веранду снесу. Ты только поддон там оставь.
- Спасибо, Рагим-даи, поблагодарила Тамара садовника. Если б не нужда, давно бросила б всё к чертям. Откуда в ней столько злобы? Не могу понять. Все желания по щелчку исполняются, а недовольна, недовольна... Чем, спрашивается? Хорошей жизнью?
- Запоздала к ней хорошая жизнь, вот и мечет яд, будто другие виноваты. Если б не удачное замужество дочери, так бы и прозябала в своей богом забытой глуши до самой смерти. Нормальные люди благодарят бога за добрые перемены в жизни, а она всё на судьбу ропщет: почему, мол, только сейчас, почему не смолоду такого из-

обилия не познала? Сам слышал, как зубами скрежетала. А над тобой измывается, потому что завидует.

- Чему? горько усмехнулась Тамара. Бедности и грузу проблем?
- Молодости, здоровью и красоте! Твои проблемы время решит. Время всё по местам расставит. Всё у тебя будет хорошо и ладно, вот увидишь, дочка... А у неё со временем полная недостача! На самом донышке осталось. Она это понимает. Вот и пьёт всем кровь на дорожку. Злыдня!
- Да пусть уж живёт, возразила Тамара. Слова садовника несколько успокоили её. Хорошо, хоть есть с кем парой слов перекинуться. – Пока живёт, у меня есть работа. Платят хорошо, спасибо им. Двое детей на мне, сын инвалид. Коляска ему нужна, лечение. Эх... всего не скажешь...
- За вредность стоит и переплатить. Храни тебя бог, дочка! садовника слова Тамары огорчили. Он и не знал, что у неё есть ребёнок-инвалид. Вот почему ты так долго тут! Прежние через пару недель тикали.
- Эх, Рагим-даи, вздохнула Тамара, не знаете вы всего! Старуха и не осознаёт своей удачи. Обеспеченная, беззаботная старость при нищей молодости большая удача, чем наоборот. Поверьте, я знаю, что говорю. Спасибо, вам, Рагим-даи, за добрые слова. Пойду чай готовить.

К восьми часам вечера пришла ночная сиделка Эсмира. «Глубоко верующая, во всём уповающая на милость Аллаха», как она любила говорить о себе, 60-летняя женщина, приверженная «строгим канонам веры», тем не менее, не гнушалась отсыпать в глубокий карман длинного коричневого балахона дорогих конфет и орешков с хозяйского стола. Тамара частенько замечала за «божьим человеком» эту слабость, но, пряча улыбку, делала вид, что не догадывается, отчего так быстро пустеют трёхъярусные «чарязницы» — десертницы.

- Добрый вечер, сестрица, приветливо улыбнулась Эсмира, меняя обувь в прихожей. А где же Фатма-ханым?
 - Наверху. Решила сегодня в верхней спальне «почивать».
- С чего бы? удивилась Эсмира. Как же ты её без пандуса... наверх подняла? Помог кто?
 - Как вы говорите, Эсмира-ханым, Аллах помог.
 - То есть?
 - На спине то есть...
- Вай-вай! взмахнула обеими руками Эсмира. Бедняжка ты моя! Ну хоть меня дождалась бы.
- Ей раньше приспичило. Задолго до вас. Да и некогда мне ждать, дети дома одни. Пока доеду...дома дел полно. А ещё поспать до утра хоть пару часов... Я утром приеду, помогу вам спустить её вниз, вы сами не справитесь, дождитесь меня. Она не позволит садовника позвать на помощь.
- Чистый вурдалак, спаси Аллах! И что ей за радость других мучать? Всем ведь ответ держать перед ним, Эсмира вскинула глаза кверху. Она часто повторяла эти слова и очень смешно при этом выглядела: большие, навыкате глаза будто выворачивались вверх серыми зрачками, смеша присутствующих дурацким выражением лица. Но сейчас Тамаре было не до смеха. Старуха так утомила её! Поясница побаливала, от усталости ноги едва держали. Она торопливо переоделась, сменив обувь, схватила сумку и, даже не поднявшись на второй этаж попрощаться с хозяйкой, поспешила к воротам.

Прежде требовательная в вопросах дисциплины и порядка к собственным сотрудникам, Тамара в нынешних обстоятельствах оставалась требовательной и к своим обязанностям. До девяти часов оставалось не меньше двадцати минут, а она уже приближалась к воротам хозяйского дома. Её озадачил большой чёрный автомобиль, похожий на фургон, стоявший у приоткрытых ворот. «Ритуальная карета!» – вдруг осенило Тамару. Она заволновалась. Голоса, слышные из открытых дверей дома, и множество незнакомых мужчин во дворе вызвали у неё страшную догадку: «Померла!»

- Что случилось, Рагим-даи? волнуясь, спросила Тамара у подоспевшего садовника.
- Кара небесная случилась! то ли огорчённо, то ли поучительно ответил садовник. В два часа ночи стала требовать у Эсмиры снести её вниз, не могла уснуть, бессонницей умаялась не в своей кровати. Меня на помощь позвать не разрешила. А Эсмира не такая поворотливая, как ты. Не удержала коляску, вместе по лестнице и скатились. Фатму внизу Азраил встретил. Эсмиру со сломанной ключицей «Скорая» увезла. Я соседей созвал, помогли. Хоронить сегодня и будут. Дети ейные через пару часов прибудут, уже в пути. Была и не стало!
- И работы у меня не стало... Тамара вспомнила сон, увиденный накануне. Снился вечер дня, перевернувшего и покорёжившего всю её жизнь. Она видела себя на палубе прогулочного катера посреди изумрудного моря. Брызги рассекаемой катером морской глади так ощутимо соприкасались с лицом, что их прохлада и разбудила её.
- Ты не падай духом, дочка. До сороковин твои услуги ещё понадобятся. Тем более, что Эсмира в больнице. Ей каково, бедолаге! Немолода, поди, чтоб быстро срослось. Иди в дом, дочка. Женщины там все. Сёстры её, племянницы, соседки.

Тамара сняла обувь, прошла в просторную гостиную, посреди которой стоял накрытый дорогим чёрно-синим шёлком табут. Она опустилась на ковёр, поближе к выходу, сложила ладони, слушая заупокойную молитву моллы.

- Это вы, Тамара-ханым? услышала она тихий голос. А я смотрю, вы не вы. Не признала сразу. Так это вы за тётей ухаживали?..
- За тётей? переспросила Тамара, вглядываясь в лицо молодой женщины на сносях, подсевшей рядом на невысокий стул. Дина?..
- Узнали! обрадовалась старая знакомая из той, прошлой, благополучной жизни, девушка, служившая когда-то в её ресторане. Человек из успешной, но так внезапно и жестоко оборванной жизни... Тётя Фатма сестра моей бабушки. Была, то есть... Если бы вы знали, что тогда...
- Я не хочу ничего знать про «тогда», Дина! оборвала её Тамара. И не место...
 - Но мы слышали, что...
 - Дина, я тебя прошу, не надо!
 - Да, понимаю. Но все очень переживали за вас.
 - Спасибо. Я лучше пойду на кухню, помогу там.
- Не беспокойтесь. Там уже наняли стряпух. Они сами всё сделают. Халва готова, лаваш привезли, гогалы скоро подвезут. Вы отдыхайте. Сестра двоюродная сестра о вас очень хорошо отзывалась, она вами очень довольна. Ой, извините,

если я вас обидела! Мы все знаем, чего стоило угодить покойнице. Не сахар была тётя, тот ещё характер.

- Перестань, Дина. Померла уж Фатма-ханым. Пусть и покоится с миром! Я лучше пойду... если позволите. Приду завтра. И с хозяевами поговорю. Может быть, коляску мне продадут недорого. Или в счёт разницы отдадут...
 - А-а, да-да, я помню, у вас сын... извините, ну, это....
- Инвалид, помогла Тамара смущённой девушке. Да, для него хотела выкупить. Здесь-то, слава богу, все здоровы. Будет в кладовке без пользы валяться.
 - Я передам сестре, Тамара-ханым. Но вы обязательно приходится завтра.
- ...Поздно вечером раздался звонок сотового. Звонила Дина. Она что-то тараторила, очень волновалась и наконец передала трубку какому-то мужчине.
- Тамара-ханым, это я, Ариф, водитель. Мне велено коляску вам передать. Адрес скажите, пожалуйста. Я скоро буду в посёлке.
 - Но я не смогу деньги сразу отдать, ответила Тамара и назвала адрес.
- Денег не надо. Это для вашего сына велели передать. Тут ещё кое-что есть.
 И конвертик.
- А что я вам ещё скажу, Тамара-ханым! выхватила Дина телефон у водителя. Муж сестры, оказывается, купил в вашем посёлке большой участок под строительство мебельной фабрики. Я им рассказала о вас. Всё рассказала! Вы же такой талант! Для них просто находка, просто невозможно сказать, какая удача! А тогда мы вам очень сочувствовали, переживали. Искренне, поверьте.
 - Я верю, Дина, улыбнулась Тамара. Спасибо тебе.
 - Так вы согласны?
 - На что я должна быть согласна?
- Ну этоуф ... ну, предложение деловое вам будет. Запуталась я совсем. Приходите завтра обязательно, сами всё скажут.
- Приду, приду, ты успокойся, не волнуйся так. Тебе нельзя волноваться. До завтра, попрощалась Тамара с Диной. Вот и славно. Прорвёмся. Однако...

Тамара подошла к спящим детям, поправила одеяло, поцеловала обоих.

– И обязательно прокатимся на катере!..